

Cyrillometodianum

XIII-XIV
Thessalonique
1989-1990

Cyrillomethodianum

Cyrillomethodianum

XIII-XIV

Thessalonique

1989-1990

ASSOCIATION HELLÉNIQUE D'ÉTUDES SLAVES

Cyrillomethodianum

RECHERCHES SUR L'HISTOIRE DES RELATIONS HELLÉNO-SLAVES

Comité de rédaction

A.-E. TACHIAOS, I. TARNANIDIS, C. PAPASTATHIS,
E. KYRIAKOUDIS, S. KISSAS

Rédacteur en chef

A.-E. TACHIAOS

Pour des raisons techniques, le présent volume a été publié en 1993

Couverture et mise en pages: K. Čížek

ISSN 1010-2892

Toute correspondance doit être adressée à:
Association hellénique d'études slaves
B. P. 10610
GR 541 10 Thessaloniki

TABLE DES MATIÈRES

<i>Christos Tzitzilis, Griechische Ortsnamen von Appellativa Slavischer Herkunft</i>	7
<i>Sotirios Kissas, The Monastery of St Demetrios of Cephalonia in Thessaloniki: Reflections on the Origin of St Clement of Achris</i>	19
<i>E. M. Верещагин, Первоучитель Славянства Кирилл и просветитель руси Владимир: Языковой аспект многозначительной преемственности</i>	31
<i>B. L. Фонкич, Греческие грамоты российских храмилищ. Грамота иерусалимского патриарха Феофана об утверждении Московским Патриархом Филарета Никитича</i>	45
<i>Olga Alexandropoulou, The History of Russia in Works by Greek Scholars of the Seventeenth Century</i>	61
<i>Eleni Economou, Pletenie Sloves in the Works of Demetrius Cantacuzene</i>	93
<i>Василий Пуцко, Греческо-Волынская икона Христа Пантократора</i>	111
<i>Dimitris A. Yalamas, Kyprianos Iviritis</i>	149
<i>Ivan Dobrev, A New Collection of Slavonic Manuscripts from the Sinai Peninsula</i>	159
Compte-rendu	
<i>Constantine Papoulidis, Arsenios of Elasson (1550-1626) and Arsenios the Greek (1621-?)</i>	179

Notices Bibliographiques

*Posol'skaja kniga po svjazjam Rossii s Greciej (Pravoslavnymi
ierarchami i monastyrjami), 1588-1594 gg.* Soviet Academy
of Sciences, Soviet Historical Institute (Moscow, 1988)
(C. Papoulidis)

185

GRIECHISCHE ORTSNAMEN VON APPELLATIVA SLAVISCHER HERKUNFT*

Christos Tzitzilis

Der erste, der die Aufmerksamkeit der Forscher auf die Möglichkeit einer Ausbreitung slavischer Ortsnamen durch die Griechen gelenkt hat, ist der große Slavist Max Vasmer. Im zweiten Teil seines Aufsatzes "Zu den slavischen Ortsnamen in Griechenland" (Vasmer 1928:155), spricht er auch kurz über die durch die Griechen verbreiteten Ortsnamen slavischen Ursprungs. Er bemerkt, daß man bis damals dazu tendierte, die einstige Verbreitung der Slaven in den einzelnen Gebieten Griechenlands mit der Anzahl der Ortsnamen slavischer Herkunft in den betrachteten Gegenden in Zusammenhang zu bringen. Er fährt fort, daß bei einem solchen Vorgehen jene Namen als Beweismaterial für eine vermeintliche slavische Bevölkerung auszuschließen sind, bei denen die Möglichkeit besteht, daß ihnen ein Appellativum slavischer Herkunft zugrunde liegt. Im Folgenden bringt er eine kleine Auswahl solcher Ortsnamen bei, die wahrscheinlich von den entsprechenden griech. Appellativa slavischer Herkunft stammen.

Diese Beobachtungen werden später in seiner Monographie "Die Slaven in Griechenland" wieder aufgenommen. Diese, mit Wissen und Objektivität geschriebene Arbeit, enthält ein Kapitel über die Verbreitung slavischer Ortsnamen durch die griechische Bevölkerung. Er versucht lautliche und andere Merkmale nachzuweisen, die eine Weiterverbreitung slavischen Namengutes durch die Griechen beweisen konnte. Wie aber schon Georgakas (1955:160) bemerkt hat, war Vasmer trotz seiner richtigen theoretischen Auffassungen, bei der Umsetzung der Prinzipien, die er selber aufgestellt hatte, nicht immer konsequent.

* Vortrag während des X Internationalen Slavistenkongresses in Sofia, 14-22 September 1988.

Georgakas selber, der sich auch mit dem Problem der griechischen Ortsnamen von Appellativa italienischer Herkunft beschäftigt hat (Georgakas 1950:149-170), hebt in seinen Arbeiten über die slavischen Ortsnamen in Griechenland die Notwendigkeit hervor, die griechischen Ortsnamen von Appellativa slavischer Herkunft von den slavischen Ortsnamengebungen in Griechenland scharf zu trennen. Er selber führt Ortsnamen an, die Vasmer und andere Forscher mit Unrecht als slavisch bezeichnen (Georgakas 1941: 351-381 u.a.).

Mit demselben Problem beschäftigt sich auch E. Petrovici (1970:148). Er schreibt dazu "D'une grande importance pour la méthode me paraît la différence que fait M. Vasmer entre les toponymes de formation slave et les toponymes de formation grecque reposant sur des noms communs ou noms propres grecs d'origine slave. En effet beaucoup des noms de lieux de la Grèce ont pu être formés par les Grecs à l'aide d'éléments tirés du stoc des mots d'origine slave des parlers grec. Ainsi Βούζι, Γκουσταρίτσα, Γρανίτσα, Μπουστερή, Λογγός, Λογγίτσι, Μαγούλα, etc. ont à leur base les appellatifs grecs βούζι, γουστερίτσα, γρανίτσα, μπιστερή, λόγγος, μαγούλα, etc. ... J'y ajouterais aussi Μπρούφλιανη qui n'est peut-être que le gr. μπρούσλιανη "ierre" < bulg. *brăšljan* 'id'."

Bezüglich der rumänischen ON, die von Appellativa slavischer Herkunft kommen, bemerkt er: "Naturellement, à l'exception des cas où le suffixe roumain ajouté à une base slave indique indubitablement l'origine roumaine du toponyme, on ne peut jamais exclure la possibilité qu'un pareil nom de lieu ait été donné par des Slaves" und weiter "Il me semble tout à fait contraire à la bonne méthode de considérer les toponymes roumains de ce genre comme slaves, sans faire la moindre allusion au fait que les noms communs qui sont à leur base existent dans les parlers roumains" (Petrovici 1970:148).

Es ist mir klar, daß diese Frage erst dann erschöpfend behandelt werden kann, wenn uns ein Corpus der slavischen ON in Griechenland und gleichzeitig eine vollständige Sammlung der slavischen Lehnelemente im Griechischen zur Verfügung steht. Da ich aber seit einigen Jahren eine Monographie über die slavischen Lehnelemente im Griechischen vorbereite, scheint mir ein Versuch, dieses Problem wieder aufzugreifen, nicht überflüssig zu sein. Außerdem sollen in der vorliegenden Arbeit einige besondere Probleme und Aspekte behandelt werden, die meines Wissens in der Vergangenheit mehr oder weniger nur am Rande berücksichtigt wurden.

Das Kernproblem bei der Untersuchung der griechischen ON von Appellativa slavischer Herkunft ist folgendes: Aufgrund welcher

Kriterien kann man die von Lehnappellativa stammenden ON von denjenigen unterscheiden, die slavische Ortsnamengebungen sind. Wie schon Vasmer (1941:311) bemerkt hat, zeigt sich eine Übertragung durch Griechen am deutlichsten in Zusammensetzungen, deren einer Teil slavischen der andere aber griechischen Ursprungs ist. Es ist selbstverständlich, daß die Griechen auch mit Lehnappellativa slavischer Herkunft, die sich im Griechischen eingebürgert haben, Komposita bilden. Es ist aber nicht immer klar, ob die Komposition auf toponymischer oder appellativischer Ebene stattgefunden hat. Wie soll man z.B. den ON Παλιούβιρό deuten? Ist er aus einem Appellativ παλιούβιρό < παλιός "alt" + βιρός (< slav. *virs*) entstanden oder ist er von παλιός "alt" und ON Βιρό(ς) gebildet?

Zu den hybriden Komposita gehören auch die ON Ζιαμπονέρια und Ραγαζόβατος. Vasmer (1941:35) ist der Meinung, daß dem ersten ein slav. **Zabъja Voda* "Froschwasser" zugrundeliegt, dessen zweiter Teil gräzisiert ist. Eigentlich geht es um ein Kompositum von gr. dial. ζιάμπα (< slav. *zaba*) "Frosch" und νερό "Wasser" (Georgakas 1955:151). Ραγαζόβατος wird von Vasmer (1941:210) durch slav. **Rogozovatъ*, von *rogozъ* "Schilf" gedeutet. M.E. geht es um eine griechische Bildung von gr. dial. ραγάζι (< slav. *rogozъ*) "Schilf" (Meyer 1894:32) und δάτος "Busch".

Zweifellos wurden auch solche ON durch Griechen übertragen, die aus Lehnappellativa entstanden sind, die ein griechisches Ableitungssuffix oder ein Lehnsuffix aufweisen. In den meisten Fällen geht es hier um Lehnappellativa mit griechischem Suffix: λόγκος (< slav. *lqgъ*) "Wald, Dickicht" + -άρι > λογκάρι > Λογκάρι (Vasmer 1941:155).

Nur in ganz wenigen Fällen weisen die Derivaten ein Ableitungssuffix slavischer Herkunft auf, vgl. ON Γκόλιαβου < γκόλιαβους "nackt" < γκόλιος (< slav. *golъ*) "nackt" + suff. -άβος (< slav. -авъ) HistLex 5,235.

Ein wichtiges Problem bei einigen ON ist es, ob sie derivativ auf appellativischer oder toponymischer Ebene verbunden sind. Man kann z.B. fragen, ob einige ON der Art Μαγουλίτσα u.a. mit dem toponymischen Formanten -ίτσα gebildet wurden, oder ob sie aus schon fertigen Appellativa der Art μαγουλίτσα entstanden sind. Da aber viele der ehemaligen appellativischen Grundformen verschwunden sind, ist eine zweideutige Interpretation nicht auszuschließen, d.h. ON Μαγουλίτσα < ON Μαγούλα (< μαγούλα < slav. *mogyla*) + suff. -ίτσα oder von μαγουλίτσα < μαγούλα "Hügel" (< slav. *mogyla*) + suff. -ίτσα.

In wenigen Fällen ist das Ableitungssuffix kein Beweis für eine griechische Ortsnamengebung. Es geht um Formen, die durch Anlehnung an griechische Suffixe umgestaltet wurden, vgl. ON Πλιασίδι, der laut Vasmer (1941:110) als "kehler Berg" zu slav. *plěšь* "Kahlheit": *plěšivъ* "kahl" gehört. Wie schon Vasmer (1941:110) bemerkt hat, müßte von *plěšivъ* *πλιασίδι erwartet werden, das aber durch volksetymologische Einführung eines gr. suff. -ίδι umgestaltet wurde. Eine Erklärung durch *πλιάσος (< *plěšь*) + suff. -ίδι scheint mir unwahrscheinlich.

Die größten Schwierigkeiten ergeben sich bei jenen ON, denen einfache Lehnappellativa slavischer Herkunft zugrunde liegen. Bei diesen Namen kann man sich nur auf Grund bestimmter Kriterien für eine griechische oder slavische Ortsnamengebung entscheiden. Dazu sollen u.a. Arealkriterien sowie phonetische Kriterien herangezogen werden.

a) Arealkriterien:

1) Ortsnamen, die man durch Lehnappellativa erklären kann, die der gemeingriechischen Lexik angehören oder sich einer weiten Verbreitung erfreuen, soll man als griechische Namengebungen betrachten, besonders, wenn sie in Gegenden ohne andere Spuren slavischen Einflusses belegt sind. So zweifelt Vasmer (1941:113) grundlos über die griechische Herkunft des ON Μπάρα auf der Insel Skyros, wo, wie er selber schreibt, keine anderen ON slavischer Herkunft zu finden sind. Der ON Μπάρα kommt von μπάρα (< slav. *bara*) "Pfütze" (Meyer 1894:43).

2) Als griechische Ortsnamengebungen soll man weiter diejenigen ON betrachten, die von Lehnappellativa kommen, die in örtlichen Mundarten im Gebrauch sind. Wenn das Lehnappellativum in anderen Mundarten, aber nicht im örtlichen belegt ist, soll man die Möglichkeit nicht ausschließen, daß es früher im Gebrauch war und jetzt verschwunden ist. Deswegen soll man nicht nur die Lexik der örtlichen Mundarten sondern auch urkundliches Material — falls es vorhanden ist und mundartliche Elemente enthält — berücksichtigen.

b) Phonetische Kriterien

Es ist klar, daß man bei der Erstellung der phonetischen Kriterien sowohl die Daten der historischen Phonetik als auch der Dialektologie der Geber- und Empfängersprache in Betracht ziehen soll. Bei der Betrachtung aber der einzelnen phonetischen Kriterien erheben sich ein paar Probleme.

Wie kann man z.B. den Namensgeber feststellen, wenn das Appellativum in einer anderen Form als der ON belegt ist. In einigen

Fällen ist es leicht zu verstehen, ob der ON eine slavische Namensgebung ist oder aus einem Lehnappellativum entstanden ist. Es geht um Formen, die Träger phonetischer Merkmale sind, die verschiedenen Perioden der Entwicklung der Geber- und Empfängersprache angehören. So ist z.B. der ON Λόκουβα direkt aus slav. **lokъva* entstanden (Vasmer 1941:207) und nicht aus dem Appellativum λάκούβα "Gruben", das seinerseits auch auf slav. **lokъva* zurückgeht und der eine ältere Entlehnung ist, wie der Wandel *o* > *a* erweist (Georgiev 1964:5). Die von Andriotis (1983:181) vorgeschlagene Etymologie des Wortes λάκούβα von λάκκος "Grube" + γούβα "Grube" ist nicht richtig.

In anderen Fällen ist aber die Entscheidung nicht so leicht. Georgakas (1956:391) z.B. ist der Meinung, daß der ON Κλένος direkt von slav. *klenъs* "acer" und nicht von gr. dial. κλενός (< slav. *klenъs*) "dss" kommt. Die Tatsache aber, daß es appellativische Varianten gibt, die sowohl als oxytonen als auch als paroxytonen vorkommen (vgl. λόγκος-λογκός < slav. *logъs*, ἀσθος-ασθός < slav. *ɛzvъs*, Georgakas 1956:393-4) zeigt, daß die Vermittlungsrolle des Appellativum *κλένος möglich ist. Bei den ON Κοπάνιτσα (Vasmer 1941:147) und Γκόδλιτσα (Vasmer 1941: 180) erweist die Betonung auf der drittletzten Silbe slavische Herkunft, da die auf -ίτσα griechischen Wörter normalerweise paroxytona sind. Hier soll bemerkt werden, daß es in den meisten Fällen nicht um Formunterschiede zwischen proprialen und nicht proprialen Varianten geht, sondern um Unterschiede auf beiden Ebenen.

Bei der Untersuchung der phonetischen Kriterien ist es notwendig, das Problem der albanischen und aromunischen Vermittlung bei der Verbreitung der slavischen ON und Lehnappellativa im Griechischen zu beachten. Vasmer (1941:313), der sich mit diesem Problem beschäftigt hat, meint, daß es sich nur in einigen wenigen Fällen nachweisen läßt, daß slavische Namen durch Albaner an die Griechen vermittelt wurden. In der Praxis aber scheinen auch diese Fälle unsicher zu sein. Ich werde versuchen, meine Einstellung durch einige Beispiele zu veranschaulichen. Seit Meyer (1894:65) wird das Lehnwort γκοριτσιά "Holzbirnbaum", das als ON in mehreren Orten Griechenlands vorkommt, durch alb. *goritsë* "dss" erklärt. Das albanische Wort kommt seinerseits vom bulg. *gornica* "wilder Birnbaum" mit dem Wandel *n* > *r*. Wie aber schon Vasmer (1941:141) bemerkt hat, konnte das *n* bei derartiger Konsonantenhäufung auch in nordgriechischen Dialekten schwinden. Vasmer (1941:43) versucht durch albanische Vermittlung den ON Μπράλιεγκο zu erklären. Er

schreibt dazu: "Die Vermittlung erfolgte vielleicht durch Albaner, **pralēgē* wäre als Grundform durch den ē-Vokal der zweiten Silbe verständlicher, der von den Griechen als *e* gehört werden konnte." Vasmer wußte nicht, daß in neugriechischen Dialekten das Lahnappellativum μπράλουγος "unbebautes Land" (Velvendo Kozani, Epanomi Chalkidiki) (Mpuntonas 1892: 80, Tsaknakis 1969:189) im Gebrauch ist, und daß in der Gegend von Kozani die ON Μπριάλαγκας und Μπράλουγον (Kalinderis 1982:473) belegt sind. M.E. ist die Entwicklung Μπριάλαγκος (< slav. *prelogъ*) > *μπριάλεγκους > Μπράλιεγκο wahrscheinlicher als die Vermutung einer albanischen Vermittlung. Genauso unsicher ist die Verbindung des ON Γούμερον (Elis) mit altslav. *gumъno* "Tenne". Da der Wandel der intervokalischen *n* in *r* charakteristisch für das Südälbanische ist, nimmt Vasmer (1941:141) eine albanische Vermittlung an.

Die albanische oder aromunische Vermittlung läßt sich leichter nachweisen, wenn die ON spezifische albanische oder aromunische phonetische Merkmale oder Morphemen aufweisen, vgl. ON Κριάκουρο (Epir) (Muselimis 1976:49) < κριάκουρο "Felsen" < *creácurъ* pl. zu arom. *creác* (< bulg. *krakъ*) "pente escarpée" (Papahagi 1974:84, Pascu 1924:41, wo das Wort *creac* anders erklärt wird).

Was ihre Herkunft betrifft, können wir die ON slavischer oder vermeintlich slavischer Herkunft in folgenden Kategorien aufteilen.

a) Ortsnamen, die von Appellativa kommen, die fälschlicherweise als slavischer Herkunft betrachtet werden.

Dazu gehören unter anderen:

a. Der ON Στάνη, das von στάνη "Schafstall" kommt. Letzteres ist kein slavisches Lehnwort, sondern ein echtgriechisches Wort, das schon bei Hesych als Hinterglied des Kompositums βοοστάνη (< βοῦς "Ochse" + στάνη) βοοστασία vorkommt (Moutsos 1972:155-62).

Dasselbe gilt für den ON Στάλος, Στολός. Er kommt von gr. στάλος, σταλός "Platz, wo sich die Schafe (ver)sammeln". Wie das Vorhandensein des dem. σταλίν im Pontischen (Papadopoulos 1961:312) zeigt, kann die Verbindung mit dem slavischen geographischen Terminus *stolъ* "Bergsattel" (Malingudis 1981:106) nicht richtig sein. Außerdem ist die Form στάλη· ταμεῖον κτηνῶν schon bei Hesych belegt.

Der ON Γλίνα (Epir) kommt nicht von bulg. *glina* "Lehm" (Vasmer 1941:28), sondern von gr. γλίνα (< agr. γλίνη) "1) Lehm, 2) Schmutz-fleck" (HistLex. 5,299).

b) Ortsnamen, die von Appellativa kommen, deren slavische Herkunft unsicher ist..

Hierher gehört unter anderen:

Γράβος ο ON. Nach Vasmer (1941:29) "Zu ngr. γράβος 'e. Baumart im Epirus', das aus slav. *grabъ 'Weißbuche'" kommt. Derselbe Vasmer (1941:III) in den "Berichtungen und Nachträgen" zu seinem Werk "Die Slaven in Griechenland" schreibt: "Das ngr. γράβος will Kretschmer, Glotta XI 234 mit dem von ihm als illyrisch erwiesenen *grabo- verknüp-fen. Eine Entscheidung, ob slavisch oder illyrisch, kann nur die neugriech. Wortgeographie bringen."

c) Ortsnamen, die von Lehnappellativa slavischer Herkunft kommen und die fälschlicherweise als slavische Ortsnamengebungen betrachtet werden:

Βλασάνη η ON, Gegend bei Chularades. Vasmer (1941:23) lehnt mit Recht die von Mertzios (1934:184) vorgeschlagene Verbindung mit skr. *vlažan* "feucht" ab. Seiner Meinung nach soll der griech ON eher mit südslav. **Vlasana* verknüpft werden. Sulis (1932:224) verbindet richtig den ON mit 6λασάνη "eine Art Pflanze". Das Wort 6λασάνη soll man zu bulg. *vlasjan* "haarig" stellen, vgl. bulg. *vlasnik* "Gallitricha vernalis" u.a. (BER 1:162).

Βλόγκος ο ON (Arkadien). Nach Vasmer (1941:151) "Vielleicht aus *Γλόγκος zu slav. *glogъ 'Weiβdorn'". Eigentlich kommt Βλόγκος von gr. dial. 6λόγκος "Grataegus oxyacantha" < γλόγκος < slav. *glogъ* (HistLex. 5,312).

Βοστίνα η ON (Pogoni Epir). Nach Vasmer (1941:24) entspricht der ON Βοστίνα einem skr. *vòṣṭina* μελισσότοπος, von aslav. **voskъ* "Wachs". Derselbe schreibt "Daneben besteht eine Anknüpfungsmöglichkeit an die Sippe von kslav. *ovoštъ* "fructus", skr. *vòcē* "Obst". Der ON Βοστίνα kommt von gr. dial. 6οστίνα "eine Art Käse" (HistLex. 3,46) < slav. *voština*.

Ζάλογκος, Ζάλογκον ΟΝ (Paramythia Epir). Hilferding (1868: 287) setzt als Grundform ein slav. **Zalogъ*. Vasmer (1941:33-4) hat als Quelle die Form **Zalqъ* angenommen. Der ON kommt von ζάλογκο (< slav. *zalqъ*) "Waldiges Land". Die Etymologie von *διάλογκος (< διά + λόγκος) (Philintas 2:145) ist nicht richtig.

Μπαλαμούτι ΟΝ (Larissa). Nach Vasmer (1941:101) erinnert der ON an russ. *balamut* "Schwätzer, Kopfverdreher", ukrain. *balamut* "Be-trüger". Im Griechischen ist das Wort μπαλαμούτι "Betrug, Lüge" belegt Demetrikos (4778). Die slavische Herkunft des Wortes ist unsicher. Vielleicht sind die oben genannten Wörter türkischen Ursprungs.

Ντρόζυκα η (Konitsa Epir). Nach Vasmer (1941:45) "vielleicht aus einem slav. *drqzga, Ablaut zu abulg. *drezga* 'Wald'. Die q-Stufe liegt sonst nur vor im russ. *druzgá* 'trockene Blätter und Reiser'". Eigentlich kommt das Wort von gr. dial. ντρόζυκα (< slav. *drqzga) "Buschholz" (Mponkas 1966:236).

d) Ortsnamen slavischer Herkunft, die fälschlicherweise als grie-chischer oder unbekannter Herkunft bezeichnet werden.

Hierher gehören unter anderen:

Αγραμάδα ON (Chalkidiki) < αγραμάδα "Umzäunung eines Ackers, Gartens oder Hauses, 2) Haufen aus kleinen Steinen" < als. *gramada*, bulg. *gramada* "großer Haufen; eingezäunter Platz im Fluß; Einfriedung aus übereinandergelegten Steinen", sloven. *gramada* (BER I, 272). Die Redakteure des Hist Lex (1,179) verbinden unrichtig αγραμάδα mit venez. *agraman*.

Λότσκα η ON (Megali Paraskevi Chalkidiki) < λότσκα "Gruben" (Chalkidiki) < bulg. *ločka* "kleine Gruben" (BER 3,480).

Μέλα η ON (Zagori Epir. Oikonomou 1986:262) < μέλα "viscum album" (< slav. *imelo*, skr. *mēla*, bulg. *imel* "id", Šmilauer 1970:88), das auch als μελιάς, μελάς u.a. vorkommt.

Μλίστρις ON (Elis). Der ON kommt von μ' λίστρα "επικλινές, άγονο, χωματώδες μέρος" < μιλίστα "άγονος τόπος" (Kolias 1933: 137) < slav. *m' bl'-iste.

Σιλιβιά η ON (Triphylien Peloponnes), Σιλιβγιά (Konitsa) (Stergiopoulos 1938:173). Der ON kommt von σιλιβιά "wilder Pflaumenbaum" (Aphrudakis 1982:221, wo das Wort unrichtig mit hesych. σίλιθαι ροιαί verbunden wird.) Das Wort σιλιβιά kommt von σίλιθου "wilde Pflaume" < slav. *sliva* "Pflaume". Derselben Herkunft sind die ON Σκλίθα (Elis, Triphylien) (Vasmer 1941:145) und Σλίθα (Zagori) (Oikonomou 1986:700).

Σκαρουχιά, Σκαροχιά (Gortynien) Σκουρχιά (Triphylien). Die ON kommen von gr. dial. σκαρουχιά "Sorbus domestica" (Gortynien) (Aphrudakis 1982:221), das mit slav. *oskoruha*, *oskoruša* "sorbus domestica", bulg. *oskruba*, skr. *oskoruś*, sloven. *skoruša*, čech. *oskoruse*, dial. *oskeruch*, *oskoruch*, slovak. *oskeruša* verbunden ist. Der Wandel *o* > *a* zeigt, daß es um ein altes Lehnwort geht. Die von Šaur (1980:280-1) vor-geschlagene Etymologie des slavischen Wortes von alb. *ashe* "Ilex acuifo-lium" kann aus chronologischen Gründen nicht richtig sein.

Χράπις οι ON (Kozani). Der ON kommt von gr. dial. χράπα "Stein mit scharfen Ecken" (Kalinderis 1982:408) < skr. *hrāpe* "Uneben-

heit", bulg. dial. *hrapa* "Grube", čech. dial. *chrapy* pl. "Krallen, Klauen" (ESSJa 8:82).

Die Anzahl der in der toponymischen Funktion auftretenden Appellativa slavischer Herkunft ist relativ groß. Mit ungefähr 100 Wörtern machen sie 1/6 des gesamten slavischen Lehnmaterials im Griechischen aus. Der Grund dafür liegt in der Natur der Lehnwörter, die hauptsächlich in solche sachlichen Kategorien wie Landschaft, Pflanzen u.a. fallen, und deswegen sehr oft eine unmittelbare Derivationsgrundlage der toponymischen Namen bilden.

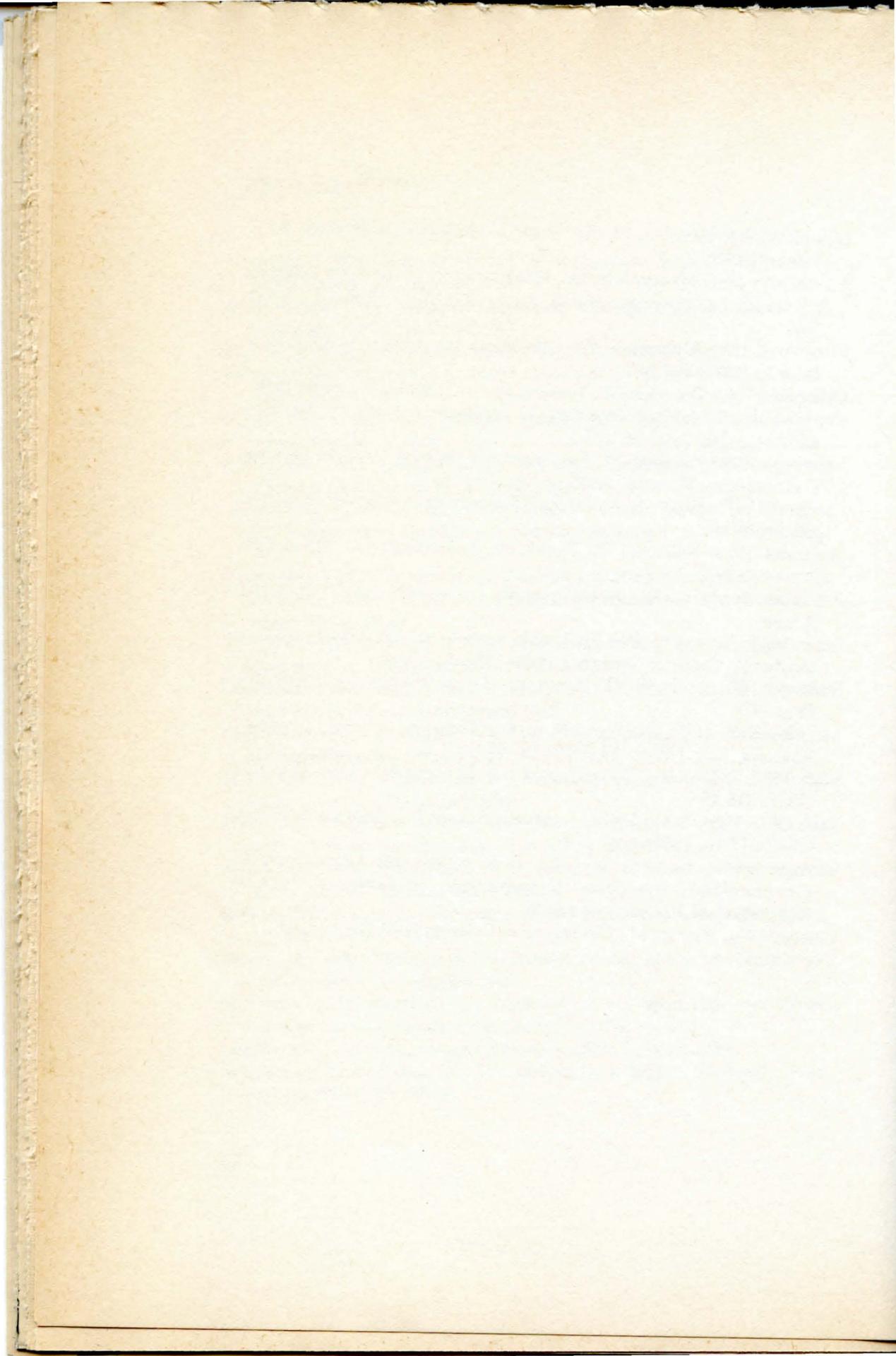
Da eine vollständige Berücksichtigung des ganzen griechischen geographischen Namenbestandes unmöglich ist, kann man genaue Information über die Häufigkeit der aus den Lehnappellativa stammenden ON nicht geben. Man kann aber mit Sicherheit bestätigen, daß ihr Auftreten in der griechischen Toponymie häufiger ist (im Vergleich mit den direkt von Slaven herrührenden ON, die eine begrenzte Häufigkeit haben, viele sind sogar isoliert (allein aus der südwestlichen Peloponnes sind 72 Λάζος (< λάζος < slav. *lazz* "Gereut, Neuland") zu nennen (Georgakas 1967:176)).

Wie wir gesehen haben, erfordern die Forschungen über die griechischen Ortsnamen von Appellativa slavischer Herkunft die Überwindung einiger methodologischer Schwierigkeiten. Ihre Ergebnisse jedoch können zur Lösung einer Reihe von Probleme der slavischen Ortsnamen in Griechenland beitragen.

Thessaloniki

- Andriotis 1983: Ανδριώτης Ν., Ετυμολογικό Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής, Thessaloniki 1983
- Aphrudakis 1982: Αφρουδάκης Αγγ., Από το τοπωνυμικό της ΒΔ Γροτυνίας, LD 14 (1982) 195-240
- BER: Bālgarski etimologičen rečnik, Bd. I ff., Sofia 1971 ff.
- Demetrakos: Δημητράκος Δ., Μέγα λεξικόν όλης της Ελληνικής γλώσσης, Athen 1954-1958
- ESSJ: Etimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov, red. O. N. Trubačeva, Bd. 8, 1981
- Georgakas 1941: Georgakas D., Beiträge zur Deutung als slavisch erklärter Ortsnamen, BZ 41 (1941) 351-81)
- Georgakas 1950: Georgakas D., Italian Place Names in Greece, Sonderdrück aus Beiträge zur Namenforschung I (1950) 149-70, 266-70
- Georgakas 1955: Γεωργακάς Δ., Σλαβική επίδραση στο τοπωνυμικό της Ηπείρου, Αφιέρωμα εις την Ἡπειρον, Αφιέρωμα εις μνήμην Χρίστου Σούλη, 1955, 149-61
- Georgakas 1956: Γεωργακάς Δ., Μερικοί σλαβικοί όροι και τοπωνύμια στην Πελοπόννησο, Peloponnesiaka I (1956) 385-408
- Georgakas 1964: Georgakas D. — McDonald W., Place Names of Southwest Peloponnesus, Minneapolis 1967
- Georgiev 1964: Georgiev Vl., Vokalnata sistema v razvoja na slavjanskie ezici, Sofia 1964
- Hilferding 1868: Hilferding A., Sobranije sočinenij, Bd. I, Istorija Bolgar i Serbov, Petersburg 1868
- Hist Lex: Ιστορικόν λεξικόν της Νέας Ελληνικής, της τε κοινώς ομιλουμένης και των ιδιωμάτων, 1-5, Athen 1933-1984
- Kelinderis 1982: Καλινδέρης Μ., Ο βίος της κοινότητος Βλάστης επί τουρκοκρατίας, Thessaloniki 1982
- Kolias 1933: Κόλιας Γ., Τοπωνυμικόν του δήμου Δωριέων Παρνασσίδος, Athena 44 (1933) 107-52
- Malingudis 1981: Malingudis Ph., Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands, Wiesbaden 1981
- Mertzios 1934: Μέρτζιος Κ., Συμβολή εις την ερμηνείαν των ξένων ηπειρωτικών τοπωνυμιών, Epir. Chron. 9 (1934) 182-201
- Meyer 1894: Meyer G., Neugriechische Studien II, Wien 1894
- Moutsos 1972: Moutsos D., The Origin of a Balkan Pastoral Term, Sprache 18 (1972) 155-62

- Mponkas 1966: Μπόγκας Ευ., Τα γλωσσικά ιδιώματα της Ηπείρου, Bd. 2, Ioannina 1966
- Mpuntonas 1892: Μπουντώνας Ευ., Μελέτη περί του γλωσσικού ιδιώματος Βελβενδού και περιχώρων αυτού, Αρχεία Συλλόγου "Κοραής", Athen 1892
- Muselimis 1976: Μουσελίμης Σπ., Τοπωνύμια της Λάκκας Σουλίου, Epir. Estia 25 (1976) 195-240
- Oikonomou 1986: Οικονόμου Κ., Τοπωνυμικό του Ζαγορίου, Ioannina 1986
- Papadopoulos 1961: Παπαδόπουλος Α., Ιστορικόν Λεξικόν της Ποντικής διαλέκτου, Bd. I, Athen 1961
- Papahagi 1974: Papahagi T., Dicționarul dialectului aromân (general și etimologic), București 1974
- Pascu 1924: Pascu G., Rumänische Elemente in den Balkansprachen, Geneve 1924
- Petrovici 1970: Petrovici E., Studii de dialectologie și toponimie, București 1970
- Philintas: Φιλίντας Μ., Γλωσσογνωσία και γλωσσογραφία ελληνική, Athen
- Šaur 1980: Šaur VI., Dve balkanski imena na dřveta. V čest na akademik Vladimir Georgiev, Sofia 1980, S. 278-81
- Šmilauer 1970: Šmilauer VI., Handbuch der slawischen Toponomastik, Prag 1970
- Stergiopoulos 1938: Στεργιόπουλος Κ., Τοπωνυμικόν της επαρχίας Κοιτσης, Epir. Chron. 13 (1938) 151-90
- Sulis 1932: Σούλης Χρ., Τοπωνυμικόν των Χουλιαράδων, Epir. Chron. 7 (1932) 216-45
- Tsaknakis 1969: Τσακνάκης Α., Ιστορία-Λαογραφία Επανωμής, Chron. Chalk. 17-18, 1969
- Vasmer 1928: Vasmer M., Zu den slavischen Ortsnamen in Griechenland, Symbolae Grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski II, Craco-viae 1928
- Vasmer 1941: Vasmer M., Die Slaven in Griechenland, Berlin 1941.

THE MONASTERY OF ST DEMETRIUS OF CEPHALONIA IN THESSALONIKI: REFLECTIONS ON THE ORIGIN OF ST CLEMENT OF ACHRIS

Sotirios Kissas

The year 1977 saw the publication of two documents from Codex Vaticanus Graecus 1891 relating to the female metropolitan Monastery of St Demetrios of Cephalenia or Cephalonia in Thessaloniki.¹ They were originally dated to the time of Metropolitan Manuel Disypatus (1258-75);² but recent research indicates that they in fact date from the prelature of James, who ascended the metropolitan throne in 1294.³

In the first document, an anonymous nun asks the Metropolitan of Thessaloniki to entrust to her "τὴν ἐν τῇ γειτονίᾳ τῆδε ὄρωμένην σεβασμίαν μητροπολιανήν γυναικείαν μονὴν τὴν εἰς ὄνομα μὲν τιμωμένην τοῦ μεγαλομάρτυρος καὶ μυροθλύτου ἀγίου Δημητρίου, οὕτω πως δὲ ἐπικαλουμένην τῆς Κεφαλωνίας".⁴ The phrase "οὕτω πως δὲ ἐπικαλουμένην", though common in Byzantine documents, nonetheless indicates that the writer does not know why Thessaloniki's patron saint also bore this alternative name.⁵

¹ P. Magdalino, "Some Additions and Corrections to the List of Byzantine Churches and Monasteries in Thessalonica", *REB*, 35 (1977), 284-5.

² Magdalino, "Some Additions", 279.

³ V. Katsaros, 'Εγγραφα σχετικά με τη μητρόπολη Θεσσαλονίκης στα τέλη του 13ου – αρχές 14ου αιώνα, *Αφιέρωμα στον Εμμανουήλ Κριαρά. Πρακτικά επιστημονικού συμποσίου* (Thessaloniki, 1988), p. 84; idem, "Documents relatifs à la métropole de Thessalonique datant de la fin du XIIIe siècle — début du XIVe", *Bυζαντινά*, 15 (1989), 406-7 for the dating and 417-18 for a new edition of the text.

⁴ Magdalino, "Some Additions", 284; Katsaros, "Documents", 417.

⁵ E.g., "Actes de Chilandar. Première partie: Actes grecs", ed. L. Petit, *Vizantijskij Vremennik*, 17 (1911), Priloženie, 25. 12-15: "πρὸς τὴν σεβασμίαν μεγάλην μονὴν τῆς ὑπεράγονου ἡμῶν Θεομήτορος... καὶ οὕτω τὴν Ἱερουσαλήμ ἐπικεκλημένην" (document of 1309)

The Metropolitan granted the nun's request and replied: "Εζήτησας σεβασμίαν μητροπολιανήν γυναικείαν μονήν τὴν εἰς ὄνομα τιμωμένην ἡ ἀνιδρυμένην τοῦ μεγαλομάρτυρος καὶ μυροθλήτου Δημητρίου, τῆς Κεφαληνίας δὲ ἐπικεκλημένην"⁶. The disjunctive "τιμωμένην ἡ ἀνιδρυμένην" attests the age of both the monastery and its name. A careful reading of the text leads, in my opinion, to the conclusion that the foundation in question bore the name of St Demetrios "of Cephalonia" from the time when it was built. The two phrases in the documents, "ἐπικαλουμένην τῆς Κεφαλωνίας" and "τῆς Κεφαληνίας δὲ ἐπικεκλημένην" indicate that, as time went by, the name gradually changed from the scholarly "Cephalenia" to the popular "Cephalonia".

The words "τὴν ἐν τῇ γειτονίᾳ τῇδε" in the first document clearly indicate the monastery's location in the city: that is to say, it was in the same area as the Metropolitan Church of Hagia Sophia,⁷ which in turn is known to have been situated in the district (γειτονία) of St Pelagia.⁸ Apart from the basilica, the Church of St Demetrios of Cephalenia or Cephalonia was the only Byzantine monument in the city dedicated to Thessaloniki's patron saint; and given that it stood in the same area as Hagia Sophia, one may safely say that the monastery in question occupied the site of the city's metropolitan church during the period of Turkish domination, after 1590.⁹ In other words, it stood on the site of the present-day Metropolitan Church of St Gregory Palamas.¹⁰

The phrase "μετὰ πάντων τῶν ὑπ' αὐτὴν καὶ περὶ αὐτῆν" shows that, apart from its own complex of buildings, the monastery also possessed other property, either within or outside the city. At the end of the thirteenth century, when the documents were written, the monastery was abandoned and parts of the church or the complex in general needed rebuilding. The Metropolitan appointed the anonymous

⁶ Magdalino, "Some Additions", 285; Katsaros, "Documents", 418.

⁷ Magdalino, "Some Additions", 279.

⁸ R. Janin, *Les églises et les monastères des grands centres byzantins* (Paris, 1975), p. 405; cf. H. W. Lowry, "Portrait of a City: The population and Topography of Ottoman Selânik (Thessaloniki) in the year 1478", *Δίπτυχα*, 2 (1980-1), 268-70.

⁹ Th. S. Mandopoulou, "Ο παραθαλάσσιος ναός του Αγίου Δημητρίου στη Θεσσαλονίκη", *Μακεδονικά*, 20 (1980), 175-91.

¹⁰ Th. S. Mandopoulou-Panayotopoulou, *To κτιριακό συγκρότημα της μητρόπολης Θεσσαλονίκης* (Thessaloniki, 1985).

The Monastery of St Demetrios

nun abbess and urged her to recruit nuns and rebuild the monastery. If the standard formality of the language has not stripped it of literal content, it seems that the abbess undertook either to increase the existing small sisterhood or to create a new sisterhood entirely, and also to rebuild dilapidated or ruined parts of the catholicon or the monastery complex. The documents are expressed in terms which are too general to permit any greater degree of accuracy. It is interesting in this connection to note the information provided by French traveller named De La Croix in 1679, to the effect that "St Demetrius is the metropolis which Emperor Andronicus built and dedicated to the Blessed Virgin. But since Murad I seized the Metropolis to convert it into a mosque, the Greeks took the Church of the Blessed Virgin, dedicated it to St Demetrius, and made it their Metropolis".¹¹ The information about the change of dedication may simply be based on oral tradition, for it is known that the Virgin and St Demetrius were jointly worshipped in Thessaloniki.¹² The information relating to Emperor Andronicus as founder is also interesting. Could it be connected with the fact that the Monastery of St Demetrios of Cephalonia was in need of restoration precisely during the reign of Andronicus II the Elder? The monastery could very well have been rebuilt at royal expense, possibly when the Emperor was staying in Thessaloniki in the spring of 1299.¹³

We can now, I think, reconstruct the history of the Monastery of St Demetrios of Cephalonia in Thessaloniki. It was built before the thirteenth century, though we do not know precisely when. It was restored, probably, at the end of the thirteenth or the beginning of the fourteenth century at the expense of Emperor Andronicus II Palaeologus. The monastery's catholicon became the city's metropolitan church after 1590. It was repaired, with no change to its form, in 1699. It was burnt down in 1890 and its place was taken by the present Church of St

¹¹ K. A. Vakalopoulos, "Η Μακεδονία στα 1715", *Μακεδονικά*, 11 (1971) 276-7; Mandopoulou, "Ο παραθαλάσσιος ναός", 181.

¹² Mandopoulou, "Ο παραθαλάσσιος ναός", 182 n. 3; A. Xyngopoulos, "Αἱ περὶ του ναού τῆς Αχειροποιήτου εἰδήσεις του Κωνσταντίνου Αρμενοπούλου", *Τόμος Κωνσταντίνου Αρμενοπούλου* (Thessaloniki, 1952) pp. 20-5; D. I. Pallas, "Le ciborium hexagonal de Saint-Démétrios de Thessalonique: Essai d'interprétation", *Zograf*, 10 (1979), 46-53.

¹³ Andronicus II visited Thessaloniki at that time for the marriage of his daughter Simonis to the Serbian ruler Stefan Uroš II Milutin: *Vizantijski izvori za istoriju naroda Jugoslavije*, VI (Belgrade, 1986), pp. 49-56 (Lj. Maksimović, translation and commentary on George Pachymeres).

Sotirios Kissas

Gregory Palamas. If this reconstruction is accurate, we may then say that the monastery occupied more or less the same site as Thessaloniki's present cathedral complex.

There remains, however, the strange surname "of Cephalenia or Cephalonia", which is attributed to St Demetrios in his own city. The possessive genitive unquestionably indicates the saint's connection with a place called Cephalenia or Cephalonia. There is no reason to suppose that this is the island of that name, for it has no particular connection with St Demetrios.¹⁴ The shorter *Life* of St Clement of Achris, which is attributed to Archbishop Demetrios Chomatianus, tells us that the Saint "μάλιστα δὲ τὰς διατριβὰς ἐποιεῖτο περὶ τὴν Λυχνιδόν... καὶ τὴν Κεφαληνίαν μετονομασθεῖσαν τῇ Βουλγάρων φωνῇ Γλαβινίτζαν, ἔνθα καὶ ὑπομνήματα καταλέοιπεν".¹⁵ From Archbishop Theophylactus's *Life* of Clement we learn that the Bulgar ruler Boris-Michael "καὶ κατ' Ἀχρίδα καὶ Γλαβηνίτζαν ἀναπαύσεως τόπους αὐτῷ [τῷ Κλήμεντι] ἔχαρισατο".¹⁶ Glavinitza was what is now the town of Ballsh in Albania¹⁷ and sometime after the early eleventh century it became an episcopal see of the Archiepiscopate of Achris.¹⁸ This Cephalenia or Cephalonia had a Monastery of St Demetrios, which was under the direct jurisdiction of the Archiepiscopate of Achris, as is attested by an "ἔνταλμα πρὸς ἡγούμενον" issued by Demetrios Chomatianus.¹⁹ In 1923-4, the Bulgarian historian Vasil Zlatarski maintained that the

¹⁴ P. Koder and J. Soustal, *Nicopolis und Kephallenia* (Vienna, 1981), p. 126.

¹⁵ See A.-E. Tachiaos, *Πηγές Εκκλησιαστικής Ιστορίας των Ορθοδόξων Σλάβων*, vol. I (Thessaloniki, 1984), p. 52.

¹⁶ Tachiaos, *Πηγές*, 39.

¹⁷ S. Novaković, *Prvi osnovni slovenske književnosti* (Belgrade, 1893), pp. 71-3; V. Zlatarski, "Namerenijat v Albanija nadpis s imeto na bālgarskija knjaz Boris - Mihail", *Slavia*, II (Prague, 1923-4), 61-91 (reprinted in: *Izbrani proizvedenija*, I (Sofia, 1972), 272-92); K. Mijatev, "Gde se e namirala Glavinica", *Arheologija*, IV, 1 (1962), 5-6; I. Snegarov, "Kăde se namiral srednovekovnijat grad Glavinica (Glavenica)", *Arheologija*, V, 3 (1963), 1-5; T. Popa, "La Glavenice medievale et le Ballsh actuel", *Studia Albanica*, 1/2 (1964), 121-8. A. Ducellier, *La façade maritime de l'Albanie au moyen âge*, Θεσσαλονίκη 1981, 21-23; Φλ. Ευαγγελάτου-Νοταρᾶ, *Συμβολή στην ιστορία της επισκοπής Γλαβινίτσας*, *Ηπειρωτικά Χρονικά* 28 (1986-87) 33-36.

¹⁸ Zlatarski, "Namerenijat v Albanija", 275-7.

¹⁹ J. - B. Pitra, *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata*, vol. VI (1891), cols 569-72.

The Monastery of St Demetrius

Monastery of St Demetrius of Glavinitsa must be identified with the ruins near Ballsh, which bore the later name of Shen Mari (St Mary), and where the splendid inscription was found about the Bulgars' conversion to Christianity and the "κατὰ Γλαβήνιτζαν" resting-place which Boris-Michael gave to St Clement.²⁰ The marble column upon which the inscription was written was considered to be one of the memorials left by Clement and has, quite rightly, been correlated with one of the stone stelae which still existed at Glavinitsa/Cephalinia at the beginning of the thirteenth century, according to the shorter *Life of St Clement*: "Στήλας δὲ λιθίνας ἐν τῇ Κεφαληνίᾳ ἔστιν ἵδειν ἄχρι καὶ εἰς τόδε χρόνον σωζομένας, ἐν αἷς γράμματα ἐγκεκόλαπται, τὴν εἰς Χριστὸν παρὰ τοῦ ἔθνους προσέλευσιν καὶ οἰκείωσιν σημειούμενα".²¹ Zlatarski goes on to say that, "by analogy with the foundation of the Monastery of St Clement in Achris, we have to accept that St Clement, if he did not found it, certainly restored the Monastery of St Demetrius of Glavinitsa and regulated its internal organisation".²² It is not difficult to reject what Zlatarski says about the previous existence of a monastery and its restoration by Clement. From what we know about monasticism in the Balkans, this would have been quite impossible prior to the Bulgars' conversion to Christianity. However, it is perfectly possible that St Clement did found a monastery dedicated to the saint whom his teachers Cyril and Methodius venerated so profoundly.²³ Furthermore, the interpretation of the "τόπος ἀναπαύσεως" as a site for the foundation of a monastery also points in the same direction.²⁴ St Clement himself also had a particular respect for St

²⁰ Zlatarski, "Namerenijat v Albanija", 291

²¹ Tachiaos, Πηγές, 52-3.

²² Zlatarski, "Namerenijat v Albanija", 291.

²³ Concerning the special esteem in which the Apostles of the Slavs held the patron saint of their native city, see D. Obolensky, "The Cult of St Demetrius of Thessaloniki in the History of Byzantine-Slav Relations", *Balkan Studies*, 15 (1974), 10-12; K. Nihoritis, "Dimitrie, zapazi pecvite ot twoeto otechestvo", *Otechestvo* No 9 (10 May 1988), 19-20; Idem, Unknown Stichera to St Demetrius by St Methodius, "The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow", Thessaloniki 1992, 79-85; S. Kožuharov "Metodievijat Kanon za Dimităr Solunski (novi danni za istorijata na teksta)", *Kirilo-Metodievski Studii*, 3 (1986), 72-8.

²⁴ K. Stančev and G. Popov, *Kliment Ohridski* (Sofia, 1988), p. 39.

Sotirios Kissas

Demetrius, as is revealed in the *Encomium*²⁵ and the *Sermon*²⁶ he dedicated to him.

In the light of what has been said above, I think we may safely correlate the Monasteries of St Demetrios of Glavinitsa and St Demetrios of Cephalenia or Cephalonia in Thessaloniki. Clearly, lack of sources makes it impossible to shed adequate light on all the problem. However, an acceptable basis for any discussion should be the fact that St Demetrios of Glavinitsa was the older monument, the original, and St Demetrios of Cephalenia or Cephalonia the later, the copy. The relationship between original and copy, which was a fundamental, complex principle of mediaeval ideology, may be interpreted in various ways in this particular case. It would be simplest to suppose that the Thessaloniki monastery was originally a dependency of the Glavinitsa monastery, which is to say part of its property. In this case, it could have been built by the first founder of the mother monastery (St Clement) or by one of his successors. The icon of the patron saint was probably a copy of the icon in the mother house.²⁷ A monastic establishment of this kind in Byzantium's second great city would have fulfilled many and various needs. The foreign name Glavinitsa was appropriately Hellenised to Cephalenia or Cephalonia. The diocese is mentioned in this form on the episcopal thrones in the Church of St Achilles at Prespa, which was founded by Tsar Samuel.²⁸ The Thessaloniki monastery could equally well have been founded at a later date by a native of Glavinitsa who had moved to Thessaloniki, or by someone else who, for some reason, had strong ties with the

²⁵ Klement Ohridski, *Sabrani sačinenija* I, ed. B. S. Angelov, K. M. Kuev, and H. Kodov (Sofia, 1970), pp.234-7.

²⁶ Klement Ohridski, *Sabrani sačinenija* II (Sofia, 1977), pp. 793-4 (first redaction), 804-5 (second redaction).

²⁷ Concerning the icon of St Demetrios, which, according to tradition, had been taken there from Hagia Sophia, see P. N. Papageorgiou, "Αρχαία εικών του μεγαλομάρτυρος Δημητρίου", BZ, 1 (1892), 486; idem, Θεσσαλονίκης ιστορικά καί αρχαιολογικά (Athens, 1912), p. 4; Vakalopoulos, "Η Μακεδονία στα 1715", 267-8; Pallas, "Le ciborium hexagonal", 53.

²⁸ P. N. Miljukov, "Hristianskija drevnosti Zapadnoj Makedonii", IRAIK, IV/1 (1899), 50; N. Moutsopoulos, "Ανασκαφή της βασιλικής του Αγίου Αχιλλείου: Δευτέρα (1966) και Τρίτη (1967) περιόδος εργασιών", Επιστημονική Επετηρίς Πολυτεχνικής Σχολής, Δ' (1969-70), 157.

The Monastery of St Demetrios

Glavinitsa monastery.²⁹ Nor do we know when and under what circumstances the monastery came into the possession of the metropolis of Thessaloniki.³⁰

The perceived relationship between the monasteries of Glavinitsa and Thessaloniki is important evidence of the cultural relations between the two countries, which may have dated back to the Slavs' official conversion to Christianity and the creation of the Slavonic scripts and mediaeval Slavonic literature. It was Thessaloniki which provided the protagonists in this epoch-making process, the brothers Cyril and Methodius, and possibly some of their immediate disciples and associates, as we shall see further on.

The foundation of the Monastery of St Demetrios at Glavinitsa is connected with St Clement's activities in that region and constitutes some of the earliest evidence of the spread of the cult of Thessaloniki's patron saint among the Slavs, particularly the newly enlightened Bulgars. Cyril and Methodius held St Demetrios in especial esteem, as is attested in the longer *Life of Methodius* before he died, Methodius "within a short space of time translated from the Greek all the books of Holy Writ, except for Maccabees, within six months, starting in March and finishing on the twenty-sixth of October. When he had finished, he gave thanks to God, who had given him such great joy and no less success, and after he had said the Holy Liturgy with his clergy he celebrated the memory of St Demetrios".³¹ It has already been pointed

²⁹ Cf. "ἀγρίδιον εἰς ὄνομα τιμώμενον τῆς ὑπεράγονου Θεοτόκου τῆς Ἀχριδινῆς" at Ermileia: A. Solovjev and V. Mošin, *Grčke povelje srpskih vladara* (Belgrade, 1936), p. 98.

³⁰ See the example of Metropolitan Basil Achridenus: J. Schmidt "Des Basilius aus Achrida Erzbisophs von Thessalonich bisher unedierte Dialoge", Munich 1901; L. Petit, "Les évêques de Thessalonique", *EO*, 5 (1902), 29-30; idem, "Le synodicon de Thessalonique", *EO*, 18 (1916), 245, 253; S. G. Mercati, "Βασίλειος Αχριδηνός ε non Βασίλευς Αχριδηνών, Βασίλειος ε non Καλός", *Collectanea*, I, 472-5; Th. Papazotos, "Επισκεψή της Ακρόπολης της Θεσσαλονίκης από τον Βασίλειο Αχριδηνό", *Ιστορικογεωγραφικά*, I (Ioannina and Thessaloniki, 1986), 201-2.

³¹ Прѣложї въ бръзкѣ въса книгы испѣлѣнъ, развѣ Макавѣи, отъ грынѣска изѣка въ слонѣнѣскъ шестниу мѣсѧца, начинъ отъ марфа мѣсѧца до дѣвоюдесатоу и шестниу дньи октавра мѣсѧца. окончавъ же достопною хвалоу и славоу богоу въздастъ, дающемоу таковоу благодать и поспѣхъ и сваток възвношеник тайнок съ клиросъмъ свонимъ възнесъ, сътвори память святаго Димитрия. (F. Grivec and F. Tomšić,

out that the biographer may well have wished to suggest that the mission of the Apostles of the Slavs was carried out under the special protection of Thessaloniki's patron saint.³² The celebrated Canon of St Demetrius is also linked with this period of Methodius's life, and evidence within the text itself (in the ninth ode the composer expresses nostalgia for his home land Thessaloniki) leads most modern scholars to attribute it to the Archbishop of Pannonia. Here is the Old Slavonic text of three troparia and their Greek translation:³³

Престо́лоу в(о)жниу свѣтло
предстоа, мо́гдре Димитрик,
не звоя́ди насть, нѣ чистъно
моли сѧ о нашемъ окладни,
страны́гъимъ, сте, нынѣ
поюцинимъ твою величыя,
иако възирающе надѣкмъ
сѧ твърдо на твою мольбоу.
ОУслышши славыне нициа
твоя нынѣ и сѹмоли сѧ,
иако штогучихомъ сѧ да-
лече соঁщие шт свѣтлаго
храма твоего' и горать
въночты срдца наша, и
желакмъ, сте, твоєа црк-
ве, и поклонити сѧ къгда
твоими молитвами.
По чѣто, мо́гдре, нициї
твои ради ѣдини лишаємъ
сѧ твокиа сѹбо красоты,
лювьвє ради жижитела по
чвжимъ земламъ и гра-
домъ ходиаше, на посрале-
ник, вложене, триазъчник)

λαμπρῶς τῷ θεῖκῷ θρόνῳ
παριστάμενος, σοφέ Δημήτριε, μὴ
ἐπιλανθάνου ἡμῶν, ἀλλὰ τιμίως
ἰκέτευε περὶ τῆς μετανοίας ἡμῶν,
τῶν ἐν ἔνητίᾳ, ἄγιε, φαλλόντων
νῦν τὰ μεγαλεῖα σου, ὅτι
ἀδφορῶντες πρὸς τὴν σὴν ἰκεσίαν
έδραίως ἐλπίζομεν.
'Ἐπάκουσον, ἔνδοξε, τοὺς
σοὺς εὔτελεῖς (δούλους)
νῦν καὶ οἴκτιρον, ὅτι
ἐχωρίσθημεν μεμακρυσμένοι
τοῦ σοῦ λαμπροῦ ναοῦ καὶ
ἔνδον φλέγονται αἱ καρδίαι
ἡμῶν καὶ προσκυνεῖν ποτε
τὸν ναὸν σου ταῖς σαῖς
ἰκεσίαις.
Διατὶ ἄραγε, σοφέ, οἱ εὔτε-
λεῖς σου δοῦλοι μόνοι στε-
ρούμεθα τῆς σῆς ὥραιότητος,
όδεύοντες χάριν τῆς ἀγάπης τοῦ
Δημιουργοῦ εἰς ἀλλοτρίας
χώρας καὶ πόλεις, μαχηταὶ
γενόμενοι, μάκαρ, πρὸς

Constantinus et Methodius Thessalonicenses: Fontes, Radovi Staroslovenskog Instituta, 4 (Zagreb, 1960), p. 164.

³² Obolensky, "The Cult of St Demetrius", op. cit.

³³ *Služebnyja Minei Sentjabr, Oktjabr i Nojabr v cerkovnoslavjanskom perevode po russkim rukopisjam 1095-1097*, Trud. ord. akad. V. I. Jagića (St Petersburg, 1886), pp. 189-190; cf. B. A. Angelov, *Iz starata bălgarska, ruska i srăbska literatura* (Sofia, 1958), p. 32.

The Monastery of St Demetrios

и еретикъ лютъ воини вы-
вающе.

καταισχύνην τῶν Τριγλωσσιῶν
καὶ ἀγρίων αἵρετικῶν

Recent research has shown, however, that the Canon of St Demetrios was in fact part of a longer composition, namely a Service. S. Kožuharov has definitely attributed to the author of the Canon a stichero encountered in various manuscripts,³⁴ while K. Nihoritis has attributed to him five stichera from MS 516 in the National Library of Sofia.³⁵ Three of the five latter stichera have the refrain: "Димитрик съхранеши пъзвци сочвешк ачъства твоокго" (Demetrios, watch over the hymnographers from your own native home). This led Nihoritis to conclude that: a) St Methodius composed a whole Service for St Demetrios; b) some of his closest associates were Thessalonians. The present writer believes that the Service was a collective work, written by Methodius in collaboration with some of his disciples, probably Clement and Nahum.³⁶ The fact that the singular number is not used at all in the text of the Canon is the strongest indication that it is a collective work³⁷ for this is never a feature of earlier Byzantine hymnography, upon which Old Slavonic hymnography was modelled. It is easily comprehensible, however, in the context of an evolving new literature.³⁸

³⁴ K. Nihoritis, op. cit.

³⁵ S. Kožuharov, op. cit

³⁶ Concerning Nahum as a writer, see S. Kožuharov, "Pesennoto tvorčestvo na starobalgarskija knižovnik Naum Ohridski", *Literaturna istorija*, No 12 (1984), 3-19. Concerning Clement as a hymnographer, see Stancev and Popov, *Kliment Ohridski*, 112-219.

³⁷ N. L. Tunickij, *Sv. Kliment, episkop slovenskij: Ego žizn i prosvjetitel'naja dejatel'nost* (Sergiev Posad, 1913), p. 79: "In the Salvonic Canon of St Demetrios of Thessaloniki, which differs at a few points from the Greek, there are two troparia which were composed by disciples of Methodius who were natives of Thessaloniki. They express the sadness of their long wanderings and their heartfelt desire to see the Church of St Demetrios once more. Angelov, *Iz starata*, 22, notes the absence of the dual number in the text and observes: "The Canon is dominated by the plural number, though the singular is also used occasionally – a verb in the first person singular, the pronoun *и* etc".

³⁸ K. Nihoritis, *Atonskata knižovna tradicija v razprostranenieto na Kirilo-Metodievske izvori*, Kirilo-Metodievski Studii, 7 (Sofia, 1990), pp. 102-3, on the absence of an acrostic in the Canon. This cannot be taken as evidence

Sotirios Kissas

In view of what has been said above, one might well wonder whether St Clement, as one of Methodius's disciples, could have been one of the hymnographers from the city of St Demetrius. The longer *Life of Clement* informs us that Clement modelled himself on Methodius because "τὸν γὰρ τούτου βίον ὡς οὐδεὶς ἄλλος ἐγίνωσκεν, οἴα ἐκ νέου καὶ ἀπαλοῦ ἐκείνῳ παρακολουθηκώς καὶ ὁφθαλμοῖς πάντα τὰ τοῦ διδασκάλου παρειληφώς"³⁹ As far as his nationality is concerned, there is no doubt whatever: his shorter *Life* is clear on this point: "τὸ μὲν γένος εἶλκεν τῶν Εὐρωπαίων Μυσῶν, οὓς καὶ Βουλγάρους ὁ πολὺς οἶδεν ἄνθρωπος."⁴⁰

It would indeed be very interesting to know more about Clement's exact place of origin. Most scholars share F. Dvornik's view that he was a member of the Slavonic nobility of the Strymon region,⁴¹ though it has also been suggested that he may have come from Thessaloniki itself or its environs.⁴² Could his close personal relationship with Methodius have given him the profound Greek education so clearly reflected in his prolific work? Surely he could have acquired it only in that great urban centre, Thessaloniki? Despite the lack of clear evidence, one could hardly dispute that the authors of the stichera included Clement, the most celebrated poet of his time and Methodius's best disciple. The *Encomium of St Demetrius* shows that Clement was quite familiar with Thessalonian hagiography relating to the saint — the *Passio Altera*⁴³ and the first *Book of Miracles* by Archbishop

that it was composed by Archbishop Methodius. Furthermore, as a collective work it could not contain an acrostic.

³⁹ Tachiaos, *Πηγές*, 41-2.

⁴⁰ Tachiaos, *Πηγές*, 50.

⁴¹ F. Dvornik, *Les Légendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance* (Prague, 1933), pp. 15-18.

⁴² B. Angelov, "Njakolko nabljudenija vāru knižovnoto delo na Kliment Ohridski", *Sbornik ot statii po slučaj 1050 godini od smärtta mu* (Sofia, 1966), 95-102; idem, *Säbrani Säčinenija*, I, p. 221, argues that Clement was originally from Thessaloniki itself or the surrounding area.

⁴³ V. Tăpkova-Zaimova, "Les Légendes de Saint Démétrius dans les textes byzantins et slaves", *Slavjanskie kultury i Balkany*, I. IX-XVII vv. (Sofia, 1978), p. 162; eadem, "Les Encomia en l'honneur de Saint Démétrius dans la littérature byzantine et slave", *Kulturni i literaturni otnošenija među Bālgari i Gārci ot sredata na XV do sredata na XIX vek* (Sofia, 1984), p. 72.

The Monastery of St Demetrios

John⁴⁴—as also the structure of the earlier Byzantine encomia⁴⁵ Furthermore, Clement is very well informed about events in Thessaloniki, and in his Encomium he gives the second earliest information about the aromatic oil miraculously exuded by the patron saint's body,⁴⁶ regardless of his own possible part in the Canon attributed to Methodius and his associates.⁴⁷ The fact, is however, that nowhere in his writings relating to St Demetrios does Clement give evidence of any special connection with the saint and his city. The following passage: *въ црквѣ его на молвѹ свиающе съ чтогою и съ любовью достоинъ сего стго огодника вѣка градиовца и хранитела ициго всечныи его празникъ прославимъ*, indicates that Clement's teaching was first heard in a church dedicated to St Demetrios.⁴⁸ The only church in which this could have happened in the part of the great Bulgarian state which was known as Kutmitsevitsa was the Church of St Demetrios of Glavinitsa or of Cephalonia (before 893). The words "we celebrate the glorious feast of this holy servant of God, this patriot and our guardian" could be considered as evidence that St Demetrios was the patron of Glavinitsa.

Why is it that Clement's place of origin is not mentioned anywhere? Out of humility, he himself apparently never spoke of it, as

⁴⁴ It is interesting to note the links between the Canon of St Demetrios and the Encomium of St Demetrios and the First Book of The Saint's Miracles: Miracles, I (ed. P. Lemerle), p. 163 Canon (ed. V. Jagić) p. 189 Encomium (Săbrani Săchinanija, I) p. 235

ἀλλ' ἦ σωζομένων
αὐτῶν, σώζομαι ἦ
διαφθειρομένων αὐ-
τῶν συναποθνήσκω
αὐτοῖς

αἱρε σπάσαμοι
σπεσίη μια

или спасаемомъ им
спасенъ боуди, или
погыбаемомъ имъ с
ними погыбноу

⁴⁵ Archbishop Plotinus (ed. Ioannou), 44
ώς ὀνάστατον πᾶσαν τὴν
πόλιν πεποίηκεν

Encomium (Săbrani Săchinanija, I), p.234
но и весь град раз-
братьль есть

⁴⁶ Săbrani Săchinanija, I, 235: Ραօγσα, πρινο κιπαὶ источнинę, изливаја токъ исцѣленіемъ всѣ, ѿдерживыми дшевнами и телеснами стртии.

⁴⁷ Jagić *Služebnja*, 188: *Масть тѣмъ же іави сѧ, благоѹханіа даја чистыно* *своемоу градоу* and Angelov, Iz starata, 29: *маститъ тѣломъ іави сѧ, благожданік даја* чистыно градоу *твокмоу*. I intend to deal with this subject in another study.

⁴⁸ The accusative singular of the word *сѧ* is used: *въ црквѣ его* = "in his church".

Sotirios Kissas

the Blessed Nahum's *Life* tells us: the other matters they concealed for the sake of humility.⁴⁹ Furthermore, such earthly concerns as homeland, family, and property are of no importance to the ideal monk. Clement himself says as much in his *Encomium of Cyril*⁵⁰ and his *Service of Methodius*.⁵¹ In the *Encomium* he dedicated to both Thessalonian brothers, he calls them "aliens in their own land".⁵²

The presence of the Monastery of St Demetrius of Cephalenia in Thessaloniki does not solve the problem of St Clement's origins. On the contrary, it poses the problem, while at the same time offering an, albeit faint, suggestion that this most important exponent of Slavonic literature was a native of Thessaloniki.

Thessaloniki

⁴⁹ J. Ivanov, *Balgarski starini iz Makedonija*, second edition (Sofia, 1931), p. 307: *и се елико намъ сказаше. а драгта потанше за смъртене ихъ.*

⁵⁰ *Sabrani Săcinenija*, I 426 (first redaction), 438 (second redaction): *остави жития сего всв красотъ, и славои, и богатство, оца и мтре, братию и сестры.*

⁵¹ A. Teodorov-Balan, *Kiril i Metodi*, II (Sofia, 1934), p. 67: *Оставиши родъ и отчество, подродъжис и дѣти. Cf. Life of St Theoctista Lesbia: Act. SS Nov. IV (1924) 226: "Πατρίδα μὲν καὶ γένος (εἶπε) καὶ τὰλα, οἵς οἱ κατοικοῦντες τάς πόλεις ἀνθρωποι σεμνύνονται, λέγειν οὐκ ἔχω"; and words of Athanasius Parios on the same matter: "ἄλλα καὶ ἡ πόλις ὅπου τὸν ἐβλάστησεν οἰκονομικῶς ἐπαρασιωπῆθη. Ἐπειδὴ, ὁφ' οὗ διὰ τοῦ θείου βαπτίσματος Πατέρα μὲν ἐπλούτησε τὸ Πνεῦμα τὸ ἄγιον, μητέρα δὲ τὴν ιερὰν κολυμβήθραν, φανερόν, ὅτι ἄλλαξε καὶ πατρίδα, καὶ ἀντὶ τῆς ἐπιγείου καὶ προσκαίρου ἐπολιτογραφήθη εἰς τὴν ἀνω Ἱερουσαλήμ, τῆς ὅποιας τὰ τείχη, κατὰ τὸν προφήτην Ἡσαΐαν, ἐν ταῖς χεροῖ τοῦ αἰώνιου Θεοῦ ἐζωγράφηται" in 'Ακολουθία τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας τοῦ Ὁμολογητοῦ..., Ἐνετίσι 1784, 33."*

⁵² *Sabrani Săcinenija*, I 470, 485, 505: *Прѣсѣльника бо въиста отъства скоего и пришъльца на землю токожю (having become aliens in their own land and strangers in a strange land). See Exodus 2:22; 18:3; Psalm 119:19; Jeremiah 14:8.*

ПЕРВОУЧИТЕЛЬ СЛАВЯНСТВА КИРИЛЛ И
ПРОСВЕТИТЕЛЬ РУСИ ВЛАДИМИР:
ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНОЙ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

E. M. В е р е щ а г и н

Год 1988-ой — это, конечно, прежде всего год Тысячелетия, приснопамятная дата крещения Руси. В тени великого юбилея да не потерянется и другое, не менее важное, событие.

Ровно 1125 лет назад, на исходе зимы 863-го года, из Константинополя в Велеград, столицу Великой Моравии, выехали братья Константин-Кирилл Философ и Мефодий. Вызванные Ростиславом, правителем первого в истории христианского славянского государства, они несли с собой систематизированную славянскую азбуку и первые славянские книги. Византийский император Михаил III снабдил первоучителей посланием-эпистолией, в которой книжное просвещение на родном языке было справедливо обозначено как "даръ волшій и чистинѣ паче късакого злата и сребра, и каменія драгаго и вогательства прѣходецааго".¹

Русский летописец Нестор, опираясь на начальную летописную традицию и, может быть, самостоятельно включая в свой свод источник, известный в науке как "Сказание о преложении книг", неоднократно подчеркивает именно общеславянское (отнюдь не местное, даже не региональное) значение событий 863-го года. Он определенно знает о происхождении Руси: от славянского народа, пишет он, "мы есмо роусь", а "словенъский язык и роуский одно есть от варяг

¹ Выписка из Пространного жития Кирилла приведена по изданию: Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 3. Пространни жития на Кирил и Методий. Подготвили за печат Б. Ст. Ангелов и Х. Кодов, София, 1973, с. 104.

E. M. Верещагин

во прозващеся роцью, а первое вѣша словене".² Ему также отлично известно, что и племя мораван — это часть славянского народа. Они лишь по-тому так называются, что "пришедші сѣдоша на рѣцѣ имиinem Марафа", а "первое" равным образом "вѣша словене". Отсюда и Несторова диалектика в именовании непосредственного адресата книг, которые были переведены Кириллом и Мефодием, и языка, на котором были написаны эти самые книги, — "сім во первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣнска". Письменность создается по настоянию мораван и, стало быть, именно для них, но она со смыслом получает название отнюдь не моравской азбуки, а только и исключительно славянской. Получается, что Нестор недвусмысленно относит "моравскую миссию" солунских братьев также к истории культуры и просвещения восточных славян, т.е. Руси.

"Прозвание" грамоты славянской как нельзя лучше передает ее подлинную предназначенность. Уже первоучители постоянно перемещались в пространстве, затем переходили с места на место их ученики, а потом и ученики учеников; они повсюду брали с собой одни и те же книги, и по всему славянскому миру эти книги находили восторженный прием, воспринимались как свои, родные, кровные. "И ради выша словѣни, яко слышша виличъ вожъ своимъ языкъ". Все три группы славянских племен сначала западная, затем южная и, наконец, восточная — восприняли Кирилло-Мефодиевский литературный язык, причем повсюду "с великою честию", "славно, с веселием".

Кирилло-Мефодиевский язык был известен у восточных славян — в частности, в Киеве — по крайней мере с середины X века. Крестившаяся в Константинополе бабка Владимира княгиня Ольга принесла сюда славянские книги еще в 955 году. Тем не менее год 988-ой — это действительно поворотный пункт в распространении славянской (христианской) письменности на Руси.

Ровно 1000 лет назад, вероятно, весной 988-го года, великий князь Владимир, побывав в Корсунской купели, вернулся в Киев. Повесть временных лет сообщает о дальнейших событиях: сначала были сокрушены языческие кумиры-идолы, а в разгар лета (древнее церковное предание указывает и точную дату — 1/14 августа, на

² Упрощенные выписки из Повести временных лет приведены по изданию: Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978.

Первоучитель Славянства и Просветитель Руси

праздник Происхождения животворящего креста³ князь приказал всем и каждому — "вогат ли, ли фубог, или ниц, ли работник" — выйти ко Днепру, и толпа киевлян прошла по дороге, которая станет Крещатиком. Началась храмоздательная деятельность: князь "повел роузвити церкви по всѣм градом и селом". Началось теперь и широкое распространение как уже имевшихся в Киеве, так и вновь приносимых славянских книг. Предпосылкой же такого распространения стало обучение чтению и письму. Владимир "нача поимати ѿ народитые чади дѣти" и их "даяти нача на ѿченье книжное".

Довольно быстро грамотность у восточных славян — особенно на фоне других стран, в которых господствовала непонятная латынь — приобрела поистине всенародный характер. Установка на книгу прямо вытекает из новой христианской веры — в Свщ. Писаний многократно и настойчиво говорится: "всякое писание полезно", "внемли чтению", "овоучай севе", "измлада ѿмѣки писания, могоущая тя ѿмоудрити". Поэтому и сам великий князь, невзирая на годы, принял за учение, и под 996-ым годом летопись уже сообщает о нем: "вѣ во любя словеса книжная". Что же касается Ярослава, сына Владимира и его наследника на великокняжеском столе, то и его любобъ к "книжным словесам" надежно засвидетельствована: "книгам прилежа, и почтая є часто в ноци и в днѣ". Ярослав, кстати, еще будучи князем Новгородским, по примеру отца также набирал детей на книжное учение, "и бысть множество ѿчилици книжных, и бысть от сих множество лювомоудрых философов".

Так Кирилло-Мефодиевская книжность пришла на Русь и укрепилась здесь навечно. Она была распространена здесь Владимиром. Преемственность деятельности Кирилла и Мефодия, с одной стороны, и Владимира, с другой, отражается в общественном сознании употреблением идентичной экклезиастической титулатуры: они одинаково поименованы "равноапостолами". Как Кирилл и Мефодий, так и Владимир орудием просвещения имели одни и те же славянские литеры (их глаголическое или кириллическое обличье не меняет сути), одни и те же книги, один и тот же литературный язык.

Следовательно, Владимир "Красно Солнышко" — это прямой преемник Кирилла и Мефодия, и прежде всего потому, что он содействовал распространению книжно-письменной культуры. Таков общий и хорошо известный тезис. Нас же ниже интересует

³ Отсюда чин крестного хода на воду и водосвятия в этот день.

E. M. Верещагин

конкретный случай преемства, еще не бывший, насколько мы знаем, предметом филологического анализа. Речь идет о многозначительной перекличке, о восприятии и продолжении культурной традиции огромной важности.

В жизни страны и народа бывают такие узловые периоды, когда исторические события ускоряют свой ход и быстрой чередой следуют одно за другим. Именно таков для Руси год 6496-ой (988-ой). Под этим годом Повесть временных лет сообщает множество сведений: здесь и осада Корсуни, и переписка с византийскими императорами-соправителями Василием II и Константином VIII, прибытие багрянородной Анны, и временная глазная болезнь великого князя, и его крещение, и чудесное исцеление от болезни, и последующий брак, и возвращение в Киев с ниспровержением идолов и крещением народа...

В числе прочего начальная летопись сообщает, что еще в Корсуни князь Владимир, получивший теперь крещальное имя Василия, воспринял обстоятельное наставление в вере. "Крециеноу же Володимеру, предаша емоу вѣроу крестянскоу, рекоюще сице: Да не прельстять теве нѣции от еретикъ, но вѣрою, сице глаголя: "Вѣрою во єдиного Бога отца, вседержителя, творца небоу и земли", и до конца вѣроу сию. И паки: "Вѣрою въ єдиного Бога отца нерожена, и въ єдиного сына рожена, въ єдинъ святый дѹхъ исходящи: три совыства свершена, мыслена, раздѣляема числомъ и совыствными совыствомъ, а не вожествомъ, раздѣляеть во ся нераздѣльно, и совкоупляется неразмѣсно" и т.д. (изложение веры в летописи продолжается и в изложении событий 988-го года занимает видное место).

Вероисповедные тексты, как хорошо известно, бывают двух видовобщецерковные и личностные. В летописном сообщении о наставлении князя Владимира в вере представлены оба вида таких текстов.

Сначала в нем воспроизведены восемь начальных слов Никео-Царьградского исповедания веры ("Вѣрою во єдиного Бога отца, вседержителя, творца небоу и земли"). В силу своего общечерковного характера это исповедание к моменту создания летописного свода было не просто известно и самому сводчику и его читателям — они безусловно знали его наизусть. По этой причине в летописи выписаны лишь восемь слов, а дальше просто сказано: "и до конца вѣроу сию". Общечерковные наставления в вере обычно называются символами (веры).

Первоучитель Славянства и Просветитель Руси

Второй вероисповедный текст, преподанный Владимиру, начинается со слов "Вѣрою въ единаго Бога отца нерождена" и, в противоположность первому, выписан до конца. Его полная цитация была необходимой: его никто не знал до конца. Ничего не было известно и о его происхождении. Личностная природа второго исповедания веры была очевидной, и исследователи летописи долго гадали относительно происхождения второго текста. Думали, что он переведен с греческого, но в греческом оригинала не находили. Многие склонялись к мысли, что речь идет об оригинальном, специально для великого князя составленном славяно-русском документе. В отличие от общечерковных "символов" (веры) личностные исповедания называются поразному (наставлениями, изображениями, учениями, исповеданиями, написаниями, изложениями и еще иначе), и мы для дальнейшего предпочли наиболее выразительный и наименее отягощенный побочными ассоциациями термин "изложение веры".

Итак, происхождение Владимира изложения веры, личностного исповедного текста, долгое время было неизвестным. Однако, все же акад. М.И. Сухомлинов приискал греческий источник: оказалось, что Владимира изложение представляет собой сокращенную версию славяно-русского перевода либеллия (т.е. буквально, книжицы) Περὶ τῆς ὁρθοδόξου πίστεως Михаила Синкелла, Святограда, стойкого и знаменитого иконопочитателя-исповедника (ок. 760-846).⁴

⁴ М. И. Сухомлинов. Исследование по древней русской литературе. — "Сборник Отделения русского языка и словесности" т. 85. СПБ., 1908, с. 70. Здесь перепечатана работа 1856 г. "О древней русской летописи как памятнике литературном", в которой и произведено отождествление. Указанное выше греческое изложение веры сохранилось в нескольких списках; нам были доступны два изданных — оба из собрания Куалена Национальной библиотеки в Париже (шифры: Coisl. gr. 34 и Coisl. gr. 120)) оба первой половины X в. Первый издан Б. де Мофоконом и перепечатан Л. Мюллером и. В. Н. Бенешевичем; второй вместе с латинским текстом опубликовали О. М. Бодянский и А. Л. Дювернуа. Оба списка вполне согласуются между собой. СМ: L. Müller. Des Metropoliten Ilarion Lobredes auf Vladimir den Heiligen und Glaubesbekenntnis. Wiesbaden, 1962, SS. 189-192; Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В.Н.Бенешевича. Том Второй. Подготовлен к изданию и снабжен дополнениями Ю. К.Бегу-новым и Я. Н. Щаповым. Под общим руководством Я. Н. Щапова. София; 1987, сс. 27-34; Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года с греческим и латинским текстами. С предисловием Е.

E. M. Верещагин

Либеллий Михаила Синкелла не единожды переводился и переписывался на южной восточнославянской почве. Во-первых, он представлен отдельной (8-ой) главой Изборника 1073 года. Во-вторых, перевод либеллия входил — также отдельной (29-ой) главой — в славяно-русскую Кормчую (по Соловецкому списку, представленному у Бенешевича, и по Рогожскому списку, изданному Я.Н.Щаповым). В-третьих, либеллий был открыт еще в 1902 г. акад. Н.К.Никольским в Сборнике слов и поучений конца XII — начала XIII веков (Троицкая рукопись; в Сводном каталоге показана под № 163).⁵ Из всех трех источников лишь третий полностью

В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа. — "Чтения в Имп. Обществе истории и древностей Российских", 1882, кн. 4-ая. М., 1883, сс. 50-55.

То обстоятельство, что изложение веры князя Владимира восходит к либеллию Михаила Синкелла, может быть, объясняет русскую церковную традицию считать некоего Михаила первым русским митрополитом. Исторически известно что первым митрополитом мог быть Феофилакт Севастийский; но Церковный устав, надписанный именем князя Владимира, наряду с другими именами (Леон, Леонт, Леонтий), называет также и Михаила. Г. Подскальски, опираясь также на мнение А.Поппэ, предполагает, что составители Церковного устава знали, кому принадлежит изложение веры, при-везенное Владимиром из Корсуни. Они уверенно считали, что это изложение было написано специально для Владимира. Дальнейшее умозаключение таково: специально для Владимира исповедание мог изложить лишь его будущий митрополит. Так как имя Михаила (без уточняющего атрибута) было известно, первым митрополитом и стали считать именно Михаила. Примечательно, что и русский атрибут Киевского митрополита Михаила (Сирин) указывает на Ближний Восток (исторически Михаил Синкелл происходил из Иерусалима). См: G. Podskalsky Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus', (988-1237). München, 1982, S. 284.

Изложенную версию в общем поддержал в своем докладе в Москве (3 июня 1988 г). А. Э. Тахиаос, который, проводя основную мысль о "транспланационной" миссии греческих митрополитов в Киевской Руси, указал, что третий Киевский митрополит Феопемпт настоял на том, чтобы Владимира изложение веры (т.е. либеллий Михаила) было включено в летопись, ради вечного духовного наставления русского народа.

⁵ См: Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М, 1983; Я. Н. Щапов. Новый список кормчей Ефремовской редакции. — "Источники и историография славянского средневековья. Сборник статей и материалов". М, 1967; Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. №№ I-XXIII. — "Сборник Отделения русского языка и словесности", т. 82, № 4, СПБ., 1907; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв. М., 1984. Н. К. Никольский

Первоучитель Славянства и Просветитель Руси

совпадает с Владимировым изложением веры, как оно отразилось в Повести временных лет.

Совпадение, однако, полностью проходит лишь по языку, по отдельным фрагментам. Дело в том, что в летописи либеллий Михаила по славянски передан не целиком, а фрагментарно, в то время как в троицкой рукописи представлен полный перевод, от начала и до конца. Н.К. Никольский доказал, что Троицкая рукопись представляет собой ту фиксацию текста, которая была первоисточником для летописного Владимира изложения. (Иными словами, нельзя думать, что летопись была источником для Троицкой рукописи — путем расширения первоначального текста.) Вариант либеллия в Повести временных лет содержит пропуски, которые не оправдываются греческим текстом, и поэтому (справедливо рассуждает Никольский) в летописи надо видеть сокращение источника, который ранее существовал в славянской письменности полностью. Кто произвел такое сокращение, получил Владимир первоучительный либеллий целиком или уже во фрагментах, — об этом можно гадать. Прав, пожалуй, П. И. Потапов, который предполагает, что поскольку летопись по своей природе компилиативна, сокращение было выполнено сводчиком (и, стало быть, в распоряжении Владимира был текст целиком).⁶

Итак, готовясь к крещению и после него, Владимир оказался в закономерной ситуации, когда ему потребовалось личностное изложение веры. Обратимся вновь к параллелизму в жизни и деятельности славянских равноапостолов: Константин-Кирилл, подобно Владимиру, тоже был в ситуации, когда ему пришлось изложить свое Credo. К счастью, это изложение дошло до нас; оно имеет заголовок: "Написание о правѣи вѣрѣ. изѹщеное костантиномъ влаженъмъ философомъ. очителемъ о бѣзъ словѣнскомѹ жзыкоу" (по среднеболгарскому Сборнику 1348 года).⁷ Кириллов исповедный текст также является не общечерковным символом, а именно

опубликовал соответствующий фрагмент Троицкой рукописи, и в дальнейшем мы пользуемся его изданием.

⁶ П. И. Потапов. К вопросу о литературном составе летописи. I. Летопись и "Исповедание веры" Михаила Синкелла. — "Русский филологический вестник", 1910, № I.

⁷ Рукописный отдел Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр F.I.376. Сборник известен под именами Синодального или Лаврентьевского, а недавно издан под именем Сборника Ивана Александра. См: К. Куев. Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981.

E. M. Верещагин

личностным изложением: "вѣроуж во оуво въ единого ба оца въседръжителъ. всѣмъ видимымъ и невидимымъ. творца же и Га. везначална. невидима. неодръжима. неизмѣнна. бесконечна. и въ единого Га йоу ѿна единородна. везначално и везврѣменно. и прѣж(д)е вѣсѣхъ вѣкъ. от оца сѫщества въснавша. и въ единъ дѣй стыи. исходицъ отъ ба оца единого. и съ обѣмъ и сномъ вѣрословимы же и славимы. како съѣстствныма и съ нима прѣвыкваж" и т.д. (текст весьма пространный, 374 строки). Драгоценный источник дважды указывает на своего автора: в начальном надписании и в заключении, где упоминается и Мефодий ("сице азъ своя вѣрж исповѣдах. и съ приснымъ моимъ вратомъ мефодиемъ и поспѣшникомъ въ вѣки слѹжвѣ").

Длительное время генезис Кириллова изложения был неизвестен. Некоторые исследователи предполагали его греческую, переводную основу, но все же, пожалуй, превалировало мнение, что источник является оригинальным, т. е. заново написанным самим Кириллом и даже сразу на славянском языке.⁸ Совсем недавно советский ученый А. И. Юрченко установил: перед нами точный перевод изложения веры патриарха Никифора, который (во всем подобно Михаилу Синекеллу, своему младшему современнику) был горячим сторонником иконопочитания и который при своей (очень скорой) канонизации (847 г.) получил атрибут Исповедника.⁹

Итак, оба равноапостола (Кирилл и Владимир) располагали личностными изложениями веры на славянском языке. Эти славянские изложения являются переводами богословских трактатов ведущих византийских авторитетов второго периода борьбы с иконоборцами Кириллово Credo восходит к фрагменту из Большого апологетика Константинопольского патриарха Никифора, а Владимира "вѣра" — это исповедание Михаила Синекелла,

⁸ Так думать подсказывает заключительная запись, содержащая упоминание об адресованности исповедания (славянским) ученикам ("и сиж прѣдаевѣ своимъ оученикомъ). да сице вѣроужиє спіскт сѧ").

⁹ А. И. Юрченко. К проблеме идентификации "Написания о правой вере". "Богословские труды", сб. 28. М., 1987, сс. 217-229. Вероисповедный текст патр. Никифора, переведенный "Написанием" Кирилла, представляет собой главы 18-23 сочинения, которое известно под именем apologeticus (pro sacris imaginibus) (в греческой Патрологии Миня, т.100, колонки 580-589). Подробнее о Никифоре см.: R. J. Alexander. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958.

Первоучитель Славянства и Просветитель Руси

который, кстати, также предполагался в патриархи.¹⁰ Поскольку Никифор и Михаил были единомысленны во всем и равно ревностны в своем иконопочитании, их вероисповедные тексты, будучи различными и по протяженности, и по композиции, и по манере изложения и аргументации, все же обнаруживают между собой много общего. Так, теологические номинации у Никифора и Михаила практически совпадают. Например, когда говорится о первом лице св. Троицы (т.е. об Отце), то оба авторитета вполне согласно перечисляют: нерождение, приснобытие, безначальность, бестелесность, истинность и совершенство. Еще больше совпадающих теологических номинаций применительно ко второму лицу Троицы: рождение, единосущность Отцу и Св. Духу, воплощение, неизреченность рождения, нетленность девства Девы Марии, восприятие зрака раба, подобие (во всем, кроме греха) человеку, диалектика свойств (страстность), распятие, воскресение, вознесение, сидение одесную Отца. Подобные тождественные номинации легко установить и вообще применительно к Троице: нераздельная раздельность, неразместная совокупность,¹¹ единосущность лиц, единовластие, единоволие. Можно называть и прочие объекты конфессионального описания (Св. Дух, крещение, причастие, поклонение кресту, иконам и мощам, отношение к церкви, учение о человеке и т.д.), и, пожалуй, во всех случаях, при безусловном несовпадении конкретных предикаций, обнаруживаются совпадающие теологумены и философемы, т.е. идентичные или близкие номинации.

Как бы то ни было, теолого-философская терминология, к которой обращались иконопочитатели начала и середины IXв., — одна и та же. В свете сказанного интересно проследить, как переводится на славянский язык эта одинаковая греческая терминология в двух изложениях веры по-славянски — Кирилловом и Владимировом. Эти изложения создавались в ту эпоху, когда устойчивой научной терминологии во вновь

¹⁰ В Прологе под 18 декабря сказано, что когда царство приняли Феодора и Михаил, они предлагали ему патриаршество, но он "не восхотѣ".

¹¹ По этому вопросу у Никифора и Михаила находим текстологически совпадающее выражение: у первого — διαιρεῖται γὰρ ἀδιαιρέτως καὶ συνάπτεται διηρμένως; у второго — διαιροῦται γὰρ ἀδιαιρέτως καὶ συνάπτονται ἀσυγχύτως. Соответствующие переводы: от Кирилла разделътъ во сѧ нѣраздѣлно и съвѣкоуплѣтъ сѧ разделъно, от Владимира разделътъ во сѧ нѣраздѣлно и съвѣкоуплѣтъ сѧ неразмѣсно.

E. M. Верещагин

создаваемом литературном славянском языке еще не было. Следует также учесть, что изложения, несомненно, переводились разными людьми и, вполне вероятно, в разное время. Отсюда непраздный вопрос: если номинативно-терминологическая перекличка между исповеданиями Никифора и Михаила вполне видна, то есть ли подобная языковая связь между славянскими переводами этих текстов?

Ниже приведен список-выборка основных теолого-философских терминов из Михаила Синекелла с прибавлением славянских эквивалентов из Владимира изложения. Они расположены по алфавиту, причем в скобках указывается параграф, где термин употреблен (по указанному выше изданию Л. Мюллера); славянские соответствия даются по Троицкой рукописи в издании Н.К.Никольского.

Одновременно в списке-выборке (после точки с запятой) показана терминология из "Написания о практике вѣрѣ" Константина Кирилла Философа (если она есть).¹² Мы отправляемся от Владимира, а не от Кириллова изложения веры, потому что первый источник по объему меньше второго.

- αἰτία — вина (3); вина (26)
αἰώνιος — вѣчнъ (37)
ἀληθεία — истина (25); истина (106)
ἀμαρτία — грѣхъ (25)
ἀρχή — начало (3); начатокъ (200)
βάπτισμα — крѣщеніе (37)
βουλὴ — хотѣніе (22)
δόξα — слава (21); слава (322)
εἰκὼν — образъ (20); подобие (115), икона (345, 349)
ἐκκλησία — цркви (50)
ἐκπόρευσις — исходженіе (8, 9)
ἐνέργεια — дѣиствіе (28)
ἐντολὴ — заповѣдь (2)
θέλησις — хотѣніе (22)
θεότης — вожество (saere); вожество (saepe)
ἴδιότης — сѹщество (1), сѹщствиe (10, 28) сѹщество (24, 50)

¹² В скобках указываются строки Синодального (Лаврентьевского) сборника 1348 года. Если термин встречается часто, то показано просто: saere.

Первоучитель Славянства и Просветитель Руси

- μονάς — единство (14)
μορφή — зракъ (25); образъ (311)
μυστέρια — тайна (39); тайна (103, 161, 323)
νοερός — мысленъ (1)
διμολογέω — исповедати (14, 38); исповедати (8, 74, 111)
δρθός — правъ (36); правъ (321)
οὐσία — существо (15) родъ (33); существо (saere)
παράβασις — преступник (2) преслужение (141)
σάρκωσις — въплъщениe (27, 39); въплъщениe (178)
τριάς — троица (14); троица (21, 85, 106, 112)
ὑπόστασις — существо (1, 28) сущине (47) существо (78, 89, 98)
φαντασία — мычтаник (25, 32) привидѣниe (239)
φθορὰ — тълѣник (21) истылѣник (32)
φιλανθρωπία — ч(е)л(овѣ)колювк (22) ч(е)л(овѣ) колюви (119)
φύσις — кѣство (8, 15, 28)

Приведенный список — это действительно выборка. Мы постарались отобрать такие термины, которые интересны в богословско-философском отношении и которые, кстати, продолжают жить в современном русском литературном языке, но субъективизма в отборе принципиально нельзя избежать. Тем не менее ниже излагается попытка поставить сравнение терминологии Кириллова и Владимира изложений на объективную почву. Для этого мы собрали в один список все без исключения именные термины апофатической семантики и приписали им славянские соответствия: поскольку отправным текстом остается исповедание Михаила Синекелла, каждому греческому слову имеется соответствие из изложения Владимира, но из изложения Кирилла такие соответствия отыскиваются не всегда. Выделить же апофатические термины в одну группу, вероятно, показательно и доказательно, потому что отрицательный метод познания действительно занимает в византийском любомудрии центральное место. Он сопрягается с именами не только (Псевдо-) Дионисия Ареопагита или Максима Исповедника, но уже и каппадокийских отцов, а истоки свои находит у Платона. Ко времени Никифора и Михаила апофатической традиции было уже более тысячи лет. Порядок следования выписанных из либеллия Михаила Синекелла греческих терминов — алфавитный; отсылки к славянскому материалу — те же, что и раньше.

E. M. Верещагин

ἀγεννής — **нероженъ** (1, 3, 16); **нерожденъ** (51)
ἀγεννησία — **нероженик** (3, 7); **нерождение** (26)
ἄγραφος — **безъ писания** (40)
ἀδιάβλητος — **неоклеветанъ** (32)
ἀδιάριτος — **нераздѣльнъ** (2); **нераздѣльнъ** (59)
ἀδιάφθορος — **нетелѣнъ** (23, так в роукописи!)
ἀδάνατος — **весьмѣртнъ** (16, 26); **весьмѣртнъ** (217)
ἀκίνητος — **неподвижнъ** (10)
ἄκτιστος — **несъзданъ** (16), **несътворенъ** (26)
ἀμετάβλητος — **неизмынъ** (41); **непрѣложнъ** (182)
ἀναλλοίωτος — **несъратынъ** (16), **неизмынъ** (28)¹³;
 неизмынъ (13, 138, 211)
ἀναμάρτητος — **вездѣшнъ** (33)
ἀναρχος — **вездначальнъ** (3, 16)¹⁴ **без начала** (18); **вездначальнъ** (11, 15)
ἀνόλεθрос — **не погывающн** (16)
ἀόρατος — **невидимъ** (17); **невидимъ** (11, 12, 43, 151)
ἀόριστος — **неизмѣнъ** (16)¹⁵
ἀπαθῆς — **вестрастынъ** (16, 26)
ἀπερίγραπτος — **неописанъ** (16); **неописанъ** (217)
ἀπερινότος — **недовѣдомъ** (16)
ἄρρητος — **неизздечнъ** (23); **неизгл(агол)анъ** (325)
ἀσύγχυτος — **неразмѣснъ** (2, 28); **неразмѣснъ** (23, 260)
ἀσώματος — **вес тѣла** (4)
ἄχρονος — **вездѣмнъ** (4); **вездѣмнъ** (15)

Очень интересен случай перевода греческого апофатического наречия: (32) ἀληθῶς καὶ ἀφαντασίαστως истину и не мъчтанимъ. Примечательны, наконец, описательные славянские переводы греческих апофатических глаголов: (33) τήν ἀνθρώπινην οὐσίαν ἀφθαρτίσας καὶ ἀθανατίσας чѣльскими рѣдѣ **безъ истѣлѣния сътворикъ**. И **весьмѣрти вѣскрѣси**.

Приведенный выборочный сплошной материал ясно показывает: изложение веры Кирилла и изложение веры Владимира

¹³ Конъектура. Никольский прочитал так: **но(и?) измѣнъ но(?)**.

¹⁴ Дважды встретилось συνάναρχος (6, 14) и оба раза переведено **събезначальнъ**.

¹⁵ Отождествление условное. В длинном греческом перечислении отрицательных прилагательных на одно слово больше, и может быть, что как раз ἀόριστος (букв: неограниченный) осталось без перевода.

Первоучитель Славянства и Просветитель Руси

связаны между собой отношениями преемства. И там и здесь практически использована одна и та же терминологическая система. Это означает, что заложенная Кириллом традиция славянского терминотворчества, впитавшая в себя не только христианский импульс, но и античное наследие,¹⁶ благодаря

¹⁶ Конечно, Владимира изложение веры представляет собой едва ли не первую фиксацию на Русской земле целого ряда теологических терминов: божество, отечество, сыновство, воплощение, воскресение, истиление, троица, промысл, заповедь, писание, ересь, исповедать, отрекаться, проклинать и т.д. Тем не менее это Изложение имеет значение отнюдь не для одного богословия. Исследователь Кирилло-Мефодиевской проблематики проф. Ф. Дворник справедливо отметил, что византийские отцы церкви (и образованнейший Михаил Синкелл в их числе) были знакомы с классическими (античными) философами и смело вносили "внешнюю философию" в свое богословование. (Что касается непосредственно Михаила Синкелла, то в Прологе под 18 декабря подобная образованность святого подчеркнута специально: *извѣдѣкъ оѣбо совершеннѣ єллинскѣм премудрости*). По этой причине и во Владимирам Изложении немало онтологических, гносеологических, логических, психологических, этических и эстетических терминов, причем по количеству подобная философская терминология даже превосходит теологическую. Более того: эти (по происхождению античные) философские термины сохраняют свою самостоятельность и вне теологических предикций; ср. из числа приведенных выше вина, истина, начало, свойство, сущность, тварь, душа, плоть, естество, совершенство, единство, действие, преступление и т.д. Таким образом, на материале Владимира изложения веры можно плодотворно исследовать исходный момент развития восточнославянской, в том числе и современной русской, философской терминологии. На этом же материале мы видим начальный пункт становления синтаксических конструкций, без которых сложные логические операции (выводы, посылки, подытоживания, условия и т.д.) были бы невозможны. Ср., например, ниже воспроизведя греческий источник фразу с 10-ью причастными оборотами (главное предложение выделено разрядкой):

- 1) *хотѣнкъ же оїца и дѣха.* свою спѣсти тварь.
- 2) *отъчъскыдъ іадръ.* иѣже не остоупи съшедъ.
- 3) и въ дѣвичьскок ложе пречисток. аки вѣник сѣма вѣшедъ.
- 4) и плоть съдоушенок. словесеноу же и огъмноу. не прежде вывѣшю принимъ. и изыде вѣ вѣплощень.
- 5) родивъ съ неиздреченыи.
- 6) и дѣвьство метери съхраны нетелѣнно.
- 7) не съматеник ни размѣшеник. ни измѣнения пострадавъ.
- 8) ит прѣвѣкъ кже вѣ. вы(с) кже не вѣ.
- 9) принимъ рабин зракъ. истиню а не мъчтаникъ.
- 10) всѣчъскы развѣ грѣха намъ подобынъ быкъ. (22-25).

E. M. Верещагин

Владимиру перешла в Киев. Без перерыва постепенности именно в русском литературном языке эта традиция никогда не угасала. И жива до сих пор.

Москва

В конечном итоге Владимирово изложение веры — это отправная точка русской науки, начало терминообразования и сложения научного синтаксиса. Так, многие термины, известные Владимиру, претерпев во времени семантические и внешние перемены, все же за тысячу лет не изменились в такой степени, чтобы их нельзя было отождествить и по смыслу, и по форме.

ГРЕЧЕСКИЕ ГРАМОТЫ РОССИЙСКИХ ХРАНИЛИЩ*

5. ГРАМОТА ИЕРУСАЛИМСКОГО ПАТРИАРХА ФЕОФАНА ОБ УТВЕРЖДЕНИИ МОСКОВСКИМ ПАТРИАРХОМ ФИЛАРЕТОМ НИКИТИЧА

Б. Л. Фонкич

События Смутного времени значительно ослабили ставшие с серединой XVI в. регулярными связи России с греческим Востоком. С восшествием на престол в 1613 г. Михаила Федоровича эти связи постепенно восстанавливаются.¹ Важным моментом в истории греко-русских взаимоотношений явился приезд в Москву в 1619 г. иерусалимского патриарха Феофана.

Патриарх Феофан был одной из самых замечательных фигур в истории греко-русских связей XVII в. Посетив во время своего путешествия Украину и Россию и ознакомившись с их состоянием как по личным впечатлениям, так и на основе информации находившихся там греков, он пришел к выводу о необходимости укрепления отношений православного Востока с могучей христианской державой на Севере, увидел возможности активного

* Продолжение. См.: Б. Л. Фонкич. Греческие грамоты советских хранiliщ. 1. Задачи изучения. 2. Из истории утверждения царского титула Ивана IV. Соборная грамота 1560 г. 3. Из истории учреждения патриаршества в России. Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. — Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 242-260; Он же. Греческие грамоты советских хранiliщ. 4. Акт Константинопольского собора 1593 г. об основании Московского патриархата. — *Cyrillomethodianum*, XI, 1987, с. 9-31.

¹ См., например: (А. Н. Муравьев) Сношения России с Востоком по делам церковным, часть I-II. СПб., 1858-1860; Н. Каптерев. Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. СПб., 1895 (=Православный Палестинский сборник, вып. 43), с. 1-115; Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.

Б. Л. Фонкич

влияния греческого мира на русскую внешнюю политику, церковную жизнь, культуру.²

Важнейшим событием в истории русской церкви, русско-греческих связей первой половины XVII в. явилось поставление Феофаном в московские патриархи митрополита ростовского и ярославского Филарета.

Поставление Филарета Никитича было оформлено грамотой патриарха Феофана, составленной в Москве 5 июля 1619 г. Этим документом, как считалось до сих пор, является хранящаяся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА) грамота Феофана от 5 июля 1619 г., написанная на пергамене литургическим минускулом, украшенная богатым золотым орнаментом и снабженная подвешенной на синем шелковом шнуре патриаршей печатью.³

Между тем, изучение истории этого акта показывает, что грамота ЦГАДА не является тем подлинным документом, который был составлен в Москве в 1619 г., а представляет собой его копию, изготовленную, повидимому, в Яссах в июле 1629 г. Если бы перед нами была подлинная граммата, мы имели бы дело с одним из немногочисленных греческих документов, спасенных от гибели в огне большого московского пожара, уничтожившего 3 мая 1626 г. огромные массы документов ряда правительственные учреждений. В этом случае подлинная грамота о поставлении Филарета Никитича должна была бы попасть в опись архива Посольского приказа, составленную после пожара, в самом конце 1626 - начале 1627 г., и включившую в себя сохранившиеся документы этого учреждения.⁴ Однако в описи 1626 г. этой грамоты нет. Следовательно, нужно думать, что она погибла во время пожара.

Это предположение, сделанное на основании изучения указанной описи, подтверждается документами по истории сношений иерусалимского патриарха Феофана с Русским

² См.: Н. Каптерев. Сношения иерусалимских патриархов ..., с. 27-115; Б. Л. Фонкич. Греческое книгописание в России в XVII в. (в печати).

³ ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 9. Текст грамоты с русским переводом, воспроизведением подписи и печати патриарха Феофана и описанием печати см.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, часть III. М., 1822 (далее - СГТД), с. 202-208, № 46.

⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Подготовил к печати В. И. Гальцов. Часть I. М., 1977, с. 70-76, особенно с. 75.

Греческие грамоты российских хранилищ

правительством. В Граммote Филарета Никитичa, отправленной из Москвы в июне 1626 г. с приезжавшим в русскую столицу посольством иерусалимского патриарха, говорится следующее: "...Да объявляем вашему святителству: прежде сего по воле всемогущего бога и по избранию и прошению вашего святителства и всего освященного собора Российского царьства поставил еси нас и освятил патриархом московским и всеа Русии, и по обычаю священного предания настольную грамоту написали есте и руку свою к той грамоте приложили и нам дали. И в нынешнем во рѣд-м году та грамота в нашей казне згорела, а остался с нее список, и мы, с тое грамоты списав слово в слово, послали к вашему святителству с архимаритом вашим Кирилом, да к вам же, брату нашему, послали есмѧ за ту грамоту особно два сорока соболей. И вашему б святителству велети с списка, будет у вас есть, написати новую настольную грамоту, какова была прежняя грамота. А будет у тебя списка с грамоты нет, и вашему б святителству велеть написать с того списка, что мы ныне к вам послали, и рукою своею подписать, и печатью утвердить..."⁵

Новую грамоту должен был доставить в Москву отправившийся из Ясс, повидимому, в начале августа 1629 г. посланник иерусалимского патриарха вифлеемский митрополит Афанасий.⁶ Этой грамотой и является документ, хранящийся в ЦГАДА. Так как сопроводительная грамота Феофана к царю Михаилу Федоровичу, с которой был отправлен в Россию митрополит Афанасий, датируется 28 июля 1629 г.⁷ то к этому же времени нужно относить и изготовление повторной ставленой грамоты московскому патриарху.

Таким образом, грамота ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, №9 написана в Яссах не позже конца июля 1629 г. В самом документе, однако, нет никаких намеков на то, что он является повторением сгоревшего подлинника. Грамота составлена так, как если бы это и был тот подлинный акт, который был написан в Москве в июле 1619 г. Совершенно ясно, что патриарх Феофан воспользовался при этом

⁵ ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 1625 г., № 5, лл. 216-217 (лл. 208-218 - черновик грамоты Филарета Никитича к патриарху Феофану от 8 июня 1626 г.); см. также: Н. Каптерев. Сношения иерусалимских патриархов..., с. 54.

⁶ ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 1629 г., №18; Там же, №1; Там же, №8; см. также: Н. Каптерев. Сношения иерусалимских патриархов..., с. 58-59.

⁷ ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 1629 г., №8, л. 23; см. также: Н. Каптерев. Сношения иерусалимских патриархов..., с. 58.

Б. Л. Фонкич

либо имевшимся в его распоряжении черновиком того текста, на основании которого был составлен подлинный документ, сгоревший затем в пожаре 1626 г., либо присланым из Москвы с архимандритом Кириллом списком с подлинной грамоты, изготовленным, как можно думать, еще в 1619 г.

Повторная ставленая грамота была доставлена в Москву не без приключений. Везший этот важный документ вианеемский митрополит Афанасий был задержан "литовскими людьми" недалеко от Путивля и вынужден был провести "за приставы" в Прилуках семь недель. Прежде, чем Афанасий и его свита были отведены в Прилуки, он велел архидиакону Анфиму и служке Иосифу спрятать в дубраве "под колодой" все грамоты, которые были посланы в Москву патриархом Феофаном: ставленую грамоту и пять листов с посланиями иерусалимского первосвятителя к царю Михаилу Федоровичу, патриарху Филарету Никитичу, царице Евдокии Лукьяновне и матери царя Марфе Ивановне. Свидетелем этого оказался ехавший в Москву от верийского митрополита Аверкия келарь Ватопедского монастыря Пахомий, который, сумев освободиться в Прилуках прежде митрополита Афанасия, изъял из тайника в дубраве ставленую грамоту и 10 сентября 1629 г. явился с ней в русскую столицу в надежде получить за доставку такого документа соответствующее вознаграждение. Отпущененный вскоре из Прилук митрополит Афанасий нашел в тайнике лишь сопроводительные к "благословенной" грамоте пять листов посланий патриарха Феофана. С этими документами он и прибыл 28 сентября 1629 г. в Путивль; отсюда он был отправлен в Москву, где и поведал во всех подробностях об обстоятельствах доставки повторной ставленой грамоты.⁸

В конце XVII - первой трети XVIII в., когда в Посольском приказе, а затем - в Коллегии иностранных дел пересматривались подлинные документы по истории сношений России с греческим Востоком,⁹ с наиболее важных или интересных документов иногда

⁸ См.: ЦГАДА, Ф. 52, оп. 1, 1629 г., №1, №18, №8.

⁹ Об этом свидетельствуют записи, раскрывающие содержание документов, сделанные на обороте многих греческих грамот ЦГАДА рукой архивариуса Коллегии иностранных дел Моисея Арсеньева (о нем см.: С. Л. Турилова. Мемуары русского разночинца первой половины XVIII в. ("Скаски" переводчика и архивариуса Коллегии иностранных дел Моисея Арсеньева). - Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990), а также копии и переводы некоторых документов, выполненные в указанное время.

Греческие грамоты российских хранилищ

снимались копии или делались их переводы. Повидимому, именно в рамках этой работы тогда же Софронием Лихудом был скопирован и греческий текст грамоты о поставлении Филарета Никитича. Эта копия, а также русский перевод того же времени хранятся сейчас вместе с самим документом.¹⁰

Грамота Феофана иерусалимского о поставлении московским патриархом Филарета Никитича была впервые издана в 1822 г. в третьей части "Собрания государственных грамот и договоров".¹¹ Исключительная важность документа, изложенные выше факты его истории, отсутствие его научного описания в специальной литературе, а также библиографическая редкость первого издания побуждают нас вновь издать эту грамоту вместе с ее русским переводом, сделанным в Посольском приказе либо еще с подлинника в 1619 г., либо уже с повторной грамоты осенью 1629 г.¹²

ЦГАДА, ф. 52 (Сношения России с Грецией), оп. 2, №9.

Пергамен, 1 л., 725 x 596, 47 строк.

К нижнему краю листа, в центре, на синем шелковом шнуре прикреплена серебряная позолоченная патриаршая печать, на лицевой стороне которой изображено Сожествие во ад, сопровождающееся надписью по кругу: † Η ΑΝΑΣΤΑΣΙΣ ΤΟΥ Κ(ΥΡΙΟΥ) ΗΜΩΝ Ι(ησού) Χ(ριστού) ΤΗΣ ΑΓΙΑΣ ΠΟΛΕΩΣ ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΩΝ, на оборотной стороне — надпись: † ΘΕΟΦΑΝΗΣ./ ΕΛΕΩ Θ(ΕΟΥ) ΠΑΤΡΙ/ΑΡΧΗΣ. ΤΗΣ. ΑΓΙΑΣ./ ΠΟΛΕΩΣ. ΙΕΡΟΥΣ/ΑΛΗΜ. ΚΑΙ ΠΑΣΗΣ/. ΠΑΛΑΙΣΤΙΝΗΣ/. ΑΧ.ΙΘ.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, №9, лл. 2-5 об. Копия Софрония Лихуда и русский перевод писаны на бумаге с филигранью типа: Т. В. Дианова Л. М. Костюхина. Филиграви XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог. М., 1988, №1069 (1688 г.). Этот автограф Софрония Лихуда нужно присоединить к другим известным в настоящее время его автографам; Б. Л. Фонкич. Новые материалы для биографии Лихудов. - Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988, с. 65-70.

¹¹ См. выше, прим. 3.

¹² См.: ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 1619 г., №1. Вполне вероятно, что русский перевод подлинного документа, сделанный в 1619 г., погиб вместе с оригиналом в пожаре 1626 г. и что данный перевод был сделан уже осенью 1629 г.; он имеет, однако, дату первоначальной грамоты - 5 июля 1619 г., ибо эта дата указана, без всяких оговорок, в повторном документе. Черновой список перевода повторной ставленой грамоты см.: ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 1629 г., №18, лл. 6-15.

Б. Л. Фонкич

Текст грамоты писан литургическим минускулом черными чернилами; заставка, инициал и колонка, ограничивающая текст справа, украшены богатым золотым орнаментом.

На л. 1 об. находится следующая запись конца XVII — начала XVIII в., сделанная той же рукой, которой писан перевод на лл. 3-4: "Грамота святейшаго Феофана патриарха иерусалимского, какову он дал, будучи на Москве, на поставление святейшаго патриарха Филарета Никитича, когда ево с ростовской митрополии поставил на патриаршеский престол Московский и всея Росии. Тут же воспоминает и прежние утвержденные грамоты прочих вселенских патриархов, которые даны были святейшему Иеву патриарху и на престоле московском благословили ево из митрополитов быти патриархом, лета от Христа ,ач3Ж+?.

Сама грамота, а также копия ее текста рукой Софрония Лихуда (лл. 1-2), перевод конца XVII — начала XVIII в. (лл. 3-4 об.) и перевод начала XIX в. (лл. 5-6 об.) находятся в картонной обложке конца XVIII в., на верхней крышке которой имеется описание документа 1619/1629 г., сделанное Н.Н. Бантыш-Каменским.

¹ † Θεοφάνης ἐλέωθεοῦ πατριάρχης τῆς ἀγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ καὶ πάσης Παλαιστίνης.

² Ἀνερχομένης τῆς ἡμῶν μετριότητος ἐκ τῆς ἀγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ εἰς τὴν μεγάλην καὶ βασιλεύουσαν τῶν πόλεων Μοσχοβίας, διὰ χρείαν τῆς μεγάλης³ ἑκκλησίας τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, δηλονότι τοῦ ἀγίου καὶ ζωοδόχου τάφου, ἐπὶ τοῖς χρόνοις τοῦ μεγάλου βασιλέως Μιχαὴλ Θεοφόροβήτζη καὶ αὐτοκράτορος τῆς μεγάλης Μοσχοβίας καὶ πάσης Ῥωσίας, καὶ ἐπειδὴ αὐτὸς ὁ εὐσεβέστατος καὶ ὀρθοδοξότατος μέγις βασιλεὺς Μιχαὴλ Θεοφόροβήτζης πάσης Ῥωσίας καὶ αὐτοκράτωρ Βλατιμηρίου, Νοβογραδίου, Καζανίου, Ἀστραχανίου,⁴ Σιμπτηρίου, Ποσχοβίου, καὶ πολλῶν αὐθεντῶν καὶ βασιλέων αὐθέντης καὶ βασιλεὺς μέγας, ὑποδεξάμενος τὴν ἡμῶν μετριότητα,⁵ σωματικῶς ἐνταῦθα παραγενομένην, ἀσμένως, φιλανθρώπως⁶ τε καὶ φιλευσπλάγχνως, καὶ διὰ τὴν πρὸς ἡμᾶς φιλοφροσύνην⁷ καὶ δεξίωσιν, ὅσην ἔχει περὶ τὸν θεὸν εὐσέβειαν, καὶ περὶ τὴν ἑκκλησίαν τοῦ Χριστοῦ ἀγάπην ἐπιδειξάμενος, ἔδει καὶ ἡμᾶς⁸ ὅλῃ ψυχῇ καὶ διανοίᾳ τὴν αὐτοῦ ἀγίαν καὶ μεγάλην βασιλείαν ὑπηρετῆσαι καὶ δουλεῦσαι, οὐ μόνον ταῖς⁹ ἄλλα καὶ εἰς τὸν ἄπαντα χρόνον τῆς ζωῆς ἡμῶν δεῖ εὐχαριστεῖν ὀλοφύχως καὶ χάριτας ὅμοιοι¹⁰ λογεῖν πολλάς. Τούτου χάριν (τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ εἰρηνικωτάτου βασιλέως Μιχαὴλ Θεοφόροβήτζη καὶ αὐτοκράτορος¹¹ πάσης Ῥωσίας, ἡ μετριότης ἡμῶν, ὡς οἰκείοις ὀφθαλμοῖς ἴδούσα καὶ πληρωφορηθεῖσα τὸ δεδομένον

καὶ¹³ χαρισμένον ἐκ τῆς ἄνω τοῦ θεοῦ προνοίας τῆς αὐτοῦ μεγάλης βασιλείας πλάτος καὶ μεγαλεῖον, καὶ ὅτι μόνος¹⁴ αὐτὸς ἔστι σήμερον ἐπὶ τῆς γῆς βασιλεὺς μέγας ὁμοῦ καὶ ὀρθόδοξος, καὶ ἄλλος⁶ οὐδεὶς κατὰ ἀλήθειαν, γάρ τοῦτο ἔκρινεν^δ ἡ μετριότης ἡμῶν, ὡς ἔστι δίκαιον¹⁶ καὶ εὔλογον. Ἐπειδὴ γοῦν καὶ ἐν στερήσει ποιμένος τὴν εὐαγεστάτην ταύτην ποίμνην ἐπέγνωμεν, καὶ εὑρώμενον διαμένουσαν,^ε τοῦ προποιμάντος ἥδη πρὸς τὴν ἐκεῖσε ληξίν ἀπάραντος, καὶ πρὸς τὰς ἐκεῖσε μονὰς εἰσελάμενος, οὐκ ὡήθημεν δεῖν ἐπὶ πολὺ χηρεύουσα καὶ ἀνανδρος καθίστασθαι τὴν καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ μεγάλην ἐκκλησίαν, καὶ¹⁹ τοιαύτην δηλαδή, ὅθεν ἐλέφθεος καὶ τοῦ αὐτοῦ μεγάλου βασιλέως γνώμη καὶ θελήσει, καὶ τῆς ἡμῶν μετριότητος προθυμίᾳ καὶ σπουδῇ, συνίχθη ἄπασα^ζ ἡ ἐν τῇ μεγάλῃ Μοσχοβίᾳ καὶ ἐν πάσῃ τῇ Ῥωσίᾳ ἐκκλησία σκέψιν καὶ ἐκλογὴν ποιήσασθαι· παρῆσαν γάρ τότε οἵτε ἀρχιερεῖς,^η καὶ ἀρχιεπίσκοποι, ἀρχιμανδρῖται τε καὶ ἡγούμενοι, καὶ οἱ τῆς συνάξεως γέροντες, καὶ ἀπασα ἡ τοῦ παλατίου σύγκλητος,^θ καὶ ἔζητε ἀρχιερέα μέγαν, τὸν τὴν φροντίδα τῶν ψυχῶν αὐτῶν διαδεξάμενον, καὶ δὴ πάντες, πνεύματι θείῳ κινηθέντες, συμφώνως καὶ ἐν ἑνὶ¹ στόματι καὶ καρδίᾳ, κανονικῇ ψήφῳ ἀποφήναμεν καὶ ἐκλέξαμεν τὸν πανιερώτατον μητροπολίτην κύριον Φιλάρετον, Ῥοστοβίου καὶ Ἱεροσλαβίου, ἄνδρα ὄντα²³ ἀξιον, δίκαιον καὶ ἐνάρετον, σοφὸν καὶ ἀγίον, καὶ θεοφιλῆ, καὶ ἀκοντα αὐτὸν βιασάμενοι, προσεκαλέσαμεν αὐτὸν εἰς τὸν ὑψηλώτατον θρόνον τοῦτον τῆς μεγάλης καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας, καὶ κατὰ τοὺς θεσμοὺς τῶν ἀγίων ἀποστόλων καὶ τὴν παράδοσιν^κ τῶν ἀγίων πατέρων καὶ τῶν πρώην ἡμῶν πατριαρχῶν, τῶν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν τῆς ἡμῶν μετριότητος, μὲ τὴν ἐπονομασία, καὶ ἐπὶ²⁵ κλήσει τοῦ προανάρχου πατρός, καὶ ἐπινεύσει τοῦ συνανάρχου νιοῦ, καὶ συνεργείᾳ τοῦ ἀγίου πνεύματος χείρα ἐπιθέντες, ἱερῶς καὶ ἀγιοπρεπῶς τὸν τὰ κατ' αὐτὸν ἐκτελέσαντες καὶ παναγιώτατον πατριάρχην²⁶ ἀνηγορεύσαμεν καὶ ἐπωνομάσαμεν^λ τῆς μεγάλης τοῦ Χριστοῦ καὶ καθολικῆς ἐκκλησίας, τῆς ἐν τῇ βασιλευούσῃ τῶν πόλεων Μοσχοβίᾳς, καὶ ἀδελφὸν καὶ συλλειτουργὸν τῆς ἡμῶν μετριότητος καὶ τῶν λοιπῶν πατριαρχῶν,²⁷ καὶ σὺν αὐτοῖς ἀριθμεῖσθαι^μ καὶ μνημονεύσθαι· ὡς πάλαι καὶ αὐτοὶ συνεμαρτύρησαν καὶ συνειδόκισαν καὶ ἔστερχαν εἰς τοῦτο, καὶ ἐφάνη^η αὐτοῖς ἀρεστὸν καὶ εὔλογον, καὶ ἀναγκαῖον, καὶ προσῆκον, καθὼς τὸ χρυ²⁸ σόθουντον διαλαμβάνει^ξ τοῦ ἀοιδίου βασιλέως Θεοδώρου Ἰωάννου Βίτζη καὶ τὸ συνοδικὸν γράμμα τοῦ παναγιώτατου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κυροῦ Ἱερεμίου, τὸ κυροθὲν καὶ βεβαιωθὲν ὑπὸ τῶν ἀγιωτάτων²⁹ πατριαρχῶν κυροῦ Μελετίου Ἀλεξανδρείας, Ἰωακείμ Ἀντιοχείας καὶ Σωφρονίου Ἱεροσολύμων, καὶ ὑπὸ πάντων τῶν τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας ἀρχιερέων, ἵνα ἡ εὐεργεσία αὕτη, καὶ ἡ πατριαρχικὴ τιμή, καὶ τὸ ὄνομα καθάπερ

Б. Л. Фонкич

ἥρι³⁰ξατο ἀπὸ τοῦ παναγιωτάτου Ἰώθ καὶ εἰς τοὺς μεταξὺ ἐκεῖνον ὕστερον χειροτονηθησομένους ἐν τῇ μεγάλῃ Μοσχοβίᾳ πατριάρχας μένη ἀσάλευτος εἰς ἀπεράντους αἰῶνας, κατὰ τὸν^ο γεγονότα κανόνα καὶ τύπον, οὕτως δὴ καὶ³¹ ἡμεῖς κατὰ τὸν τύπον τοῦτον ἀκολουθήσαντες ἔχειροτονήσαμεν καὶ ἐπονομάσαμεν^π ἀυτὸν παναγιώτατον πατριάρχην τῆς μεγάλης Μοσχοβίας. Τοιγαροῦν, ὡς τέκνα φωτόμορφα τῆς ἐκκλησίας καὶ τῆς εὐαγεστάτης Μοσχοβίας,^{τούτον} οὖν, τὸν ἐκ θεοῦ ψηφισθὲν καὶ τὸν παρὰ τῆς ἡμῶν μετριότητος^ρ χειροτονιθέντα πατριάρχην καὶ προστάτην ὑμῶν, ὅσμενοι γοῦν καὶ περιχαρῶς ὅλῃ τῇ ψυχῇ καὶ τῇ διανοίᾳ εἰσδέξασθε, καὶ ὡς πατέρα³³ κοινὸν^σ καὶ φιλόστοργον αἰδέσθητε, καὶ ὡς ποιμένα δομοψύχως ἐπίγνωτε, καὶ ὡς ὁδηγῷ^τ πρὸς σωτηρίαν ὁδηγοῦντι ἐπακολουθήσατε,^υ καὶ ὡς τέκνα τῷ πατρὶ ὑποτάγητε, γινώσκοντες ἀυτόν, ὡς κατὰ Πα'υλον τὸν³⁴ μέγαν διδάσκαλον ἀκοιμήτοις ὄφθαλμοῖς ἐπαγρυπνήσει καὶ τῆς ψυχικῆς ὑμῶν σωτηρίας ἐπιμελήσηται.^Φ καὶ γὰρ δὶ' αὐτοῦ ἐλπὶς ὑμῶν βεβαία ἔσεται καὶ τὰ καλὰ παρὰ θεοῦ καὶ σωτηρίας ἔχόμενα ὑμᾶς³⁵ λείψεσθαι, εἰ γὰρ αὐτῷ τὸ οὖς ὑμῶν ὑποκλίνατε καὶ τοῖς ὑπὸ αὐτοῦ λεγομένοις προσέχοιτε, τῶν ἐλπιζομένων ἀγαθῶν ἐπιτεύξοισθε καὶ τῶν ἐκεῖθεν ἀμοιβῶν συμμετάσχοιτε. Πρὸς δὲ τούτων καὶ διὰ πάντων^Ψ δεήσεις ἐκ³⁶τενεῖς καὶ ἐντεῦξεις διηνεκεῖς ὑπὲρ τοῦ εὐσεβεστάτου ἡμῶν βασιλέως Μιχαὴλ Θεοδωροβίτζη, τοῦ ἐκ θεοῦ προλάμποντος ποιεῖσθαι μὴ διαλίποιτε, δῆπος κύριος ὁ θεός, ὁ στέψας αὐτὸν τὸν μέγαν βασιλέα ἡμῶν καὶ συ³⁷μμαχῶν καὶ νικητικαῖς εὐήμερίαις τὴν γαλήνιον αὐτοῦ κορυφὴν^ω στέφων, ἐπιπλεῖον τῆς κατ' ἔχθρῶν ἀνυψώσει^α προκοπαῖς, φρουρῶν καὶ διαφυλάττων τὸ στέφος καὶ τὸ ὄψος τῆς αὐτοῦ βασιλείας εἰς³⁸ αἰῶνας αἰώνων, εἰς παντὸς τοῦ κόσμου σωτηρίαν καὶ εὐόδωσιν, μεμνημένοι καὶ τῆς ἡμῶν μετριότητος, οὕτως ὑμεῖς ποιῆτε, αὐτὸς δὲ ὁ παναγιώτατος πατριάρχης, ἀδελφὸς καὶ συλλειτουργὸς τῆς ἡμῶν³⁹ μετριότητος, ὁ προχειρισθεὶς ἐκ θεοῦ καὶ ἐμπιστεύθει τοῦ τοιούτου ποιμνίου, ὁφείλει αὐτὸν τὸν ἀγιώτατον θρόνον ἔχειν, ἀρχιερατικῶς ποιμαίνειν καὶ πατριαρχικῶς κυβερνᾶν, πάντα ποιῶν καὶ λέγων τὰ πρὸς^β δόξαν τοῦ κυρίου⁴⁰ καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ πρώτου καὶ μεγάλου ἀρχιερέως, καὶ εἰς σωτηρίαν τοῦ χριστωνύμου λαοῦ, ἔχων πᾶσαν ἔξουσίαν ὡς ἔννομος ἀρχιερεὺς καὶ πατριάρχης, τελεῖν πᾶσαν ἀρχιερατικὴν καὶ πατριαρχικὴν τάξιν, χειροτο⁴¹νεῖν ἀναγνώστας, ὑποδιάκους, ἰεροδιακόνους καὶ ἱερεῖς τε τοὺς δηλονότι ἀξίους, οὓς ἢν ἐπιγνῶν ἀρχιεροσύνης ἀξίους καὶ ἐπιτη⁴²δείους πρὸς ποιμαντικὴν ἐπιστασίαν, καὶ ποιεῖν πάντα δσα προσήκει τῇ πατριαρχικῇ ἀξίᾳ, τῇ ὑπερτάτῃ καὶ ἀγιωτάτῃ, μετὰ τῆς προσηκούσης ὁσιώτητος καὶ δικαιοσύνης, πόρῳ πάσης σιμωνιακῆς αἰσχροκερδίας,⁴³ ἔτι ὁφείλει ἔχειν γνησίας καὶ πρὸ πᾶσαν τὴν

Греческие грамоты российских христиан

ἀγίαν τοῦ θεοῦ καθολικὴν ἐκκλησίαν, καὶ πρὸς ἡμᾶς τοὺς συλλειτουργοὺς καὶ ἀδελφοὺς ἐν κυρίῳ τοιοῦτον δεῖ εἶναι τὸν λαοῦ προστησόμενον καὶ αὐθεξόμενον τοῦ κατὰ τὴν διδαχὴν⁴⁴ πιστοῦ λόγου καὶ ὀφθαλμόν, καὶ ἀκοήν, καὶ χεῖρα, καὶ πόδα τῆς ποίμνης πρὸς δῆγίαν μὲν καὶ φυλακὴν τῶν κρειττόνων, ἀποχὴν δὲ καὶ ἀνατροπὴν τῶν ἐναντίως, καὶ ἑτεροδόξως, καὶ αἱρεσιαρχῶς ἔχόντων,⁴⁵ ἐσόμενον διὰ τοῦτο δεῖ φυλάττειν τοὺς ὄρους τῶν ἀγίων πατέρων ὄρθως καὶ ἀκαινοτομήτους ὡς παρελάθομεν παρ' αὐτῶν, καὶ εὐλογεῖν μέν, οὓς καὶ ἡμεῖς εὐλογοῦμεν, ἀφορίζων δέ, οὓς καὶ ἡμεῖς ἀφορίζοι⁴⁶ μεν δικαίως. Τούτων οὖν ἀπάντων ἔνεκεν καὶ τὸ παρὸν πατριαρχικὸν γράμμα δίδοται αὐτῷ τῷ παναγιωτάτῳ Φιλαρέτῳ, ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ τῆς ἡμῶν μετριότητος. Κατ' ἔτος αχιθ, ἐν μηνὶ Ιουλίῳ ε. |

⁴⁷ † Θεοφάνης ἐλέω θεοῦ πατριάρχης τῆς ἀγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ καὶ πάσης Παλαιστίνης.

α	В оригинале:	φιλαν(θρώπ)ος
β	— " — :	ἄλος
γ	— " — :	ἀλλήθειαν
δ	— " — :	ἐκρινεν
ε	— " — :	διὰμένουσαν
ζ	— " — :	ἄπαδῆ
η	— " — :	ἀρχιεροῖς
θ	— " — :	σύγκλιτος
ι	— " — :	ἔνενὶ
κ	— " — :	παράδωσιν
λ	— " — :	ἐπ' ὄνομάσαμεν
μ	— " — :	ἀριθμῆσθαι
ν	— " — :	ἔφάνει
ξ	— " — :	διαμβάνει
ο	— " — :	τὸ
π	— " — :	ἐπ' ὄνομάσαμεν
ρ	— " — :	μετριότητα
σ	— " — :	κοινῶν
τ	— " — :	οδιγῷ
υ	— " — :	ἐπακουλουθήσατε
φ	— " — :	ἐπιμμελήσηται
χ	— " — :	προ
ψ	— " — :	διαπάντων
ω	— " — :	κοριφὴν
α	— " — :	ἀνύψωσεις
ϛ	— " — :	προς

Б. Л. Фонкич

ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, 1619 г., № 1.

/л. 1/ Перевод с настольные грамоты, какову дал благословенную настольную грамоту великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всея Русии иерусалимской патриарх Феофан.

Феофан милостию Божию патриарх святаго града Иерусалима и всея Палестины.

Благопребыл наше смиренне от святаго града Иерусалима в великом и царствующем граде Москве для ради дела великого и церкви великого Бога и спаса нашего Иисуса Христа и для ради святаго и животворящего Гроба в лето великого царя Михаила Федоровича, самодержца великого московского и всея Русии, занеже он благочестивый и православный великий царь Михаил Федорович всея Русии и самодержец владимирский, новгородцкий, казанский, астараханский, сибирский, московский и многих государств и царств государь принял наше смиренне телесне к себе желателно, /л. 2/ как есть человеколюбец и странноприимец, и нам показал любовь свою и принял под десницу свою, аки всесильный Бог благочестием к церкве Христове любовь показал. И должны мы всю душою и всем помышлением своим святому и великому его царствию делати и служити не токмо днесъ, но и по вся годы и до скончания живота своего, и должны есмъ благодарити вседушно и благодарение возсылати велие. Се же дарование благочестивому и благородному царю Михаилу Федоровичю и самодержцу всея Русии смиренне наше виде очима своима и исполнение и даяние и дарование се от всеышняго Бога, и великому царствию его разширение и величие, яко един есть он ныне на земли царь великий и благочестивый и иного ныне такова истиннаго во всей вселенней под небесем и под солнцем на земли не обретаю. И потом придумал, яко есть праведно и благословено и для ради того, что несть учителя во благочестии сем, и познахом и обретохом настоящего к прежнему настоятелству и рачителя ко всем обителем, не похотели есмъ оставити без настоятелства и без пастыря нашей Христовы /л. 3/ великие церкви и по достоянью милостию Божию и того великого царя смыслом и хотением и нашего смиренния ото всего сердца своего и любовию и делом сбравашся все в великом граде Москве всех росийских церквей и учиниша собор и приговор учинили архиереи, и архиепископы, и архимариты, и игумены со всею соборною кафалическою церковью и со всем царским

Греческие грамоты российских хранилищ

синглитом и прошали архиерея великого на соблюдение ко спасению душ своих и уложили все себе духом божественным и единственным словом и единственными устами и единственным сердцем по обычаю церковному и выбрали есмь преосвященного митрополита господина Филарета ростовского и ярославского, мужа оного достойного, и праведного, и беззлобиваго, и премудраго, и святого, и боголюбиваго и с великою нуждою возваша его на превысочайший престол великие и апостольские церкви по преданию святых апостол и святых отец и прежних бывших патриарх братий и сослужебников нашего смирения и произволением и благо /л. 4/ волением превечнаго отца и помошю превечнаго сына и совершением святого духа руку на него положили и преосвященна и святодостойна, как ему достоит, его исполнили и пресвятейшим его патриархом нарекли великие Христовы кафалическия церкви царствующаго града Москвы и братом и сослужебником нашего смирения и всем патриархом причтетца, и воспомяновен будет, якоже и прежде те свидетельствовали и благоизволили быти тому, и показася им то быти добро и благословенно и подобает быти, как произволил блаженные памяти великий государь царь и великий князь Федор Иванович соборною грамотою пресвятейшего и вселенского патриарха господина Иеремея с подтверждением и повелением с святейшими четырмя патриархи господином Мелентием Александрейским, Иоакимом Антиохейским и Софонием Иерусалимским и со всеми восточных церквей всех архиереев /л. 5/ исправление и сие патриаршеская честь и имя, как есть предался пресвятейшему Иеву патриарху и всем, которые поставленны будут в царствующем граде Москве в патриархи, навеки быти нерушимо, како уставиша по достоянию закона по прежнему подобию, також и мы по подобию сему взыскали есмь тот закон и поставили есмь и нарекли сего пресвятейшаго патриарха царствующаго града Москвы. Сей бо есть чада светлосияющия церкви и всего преславнаго московскаго царствия днесъ от Бога наречен и от нашего смирения поставлен в патриархи и настоятель ваш той есть непоколебимый, и вы радостным всем серцем и помышлением приимете его, аки отца, и все /л. 6/ любовное и должное его учение воспримете, яко пастыря и наставника спасению вашему познайте и прибегайте к нему, яко чада к отцем своим, и чтите и познайте его, яко Павла апостола великого учителя недремателна очима своима и стражи душевнаго вашего спасения, и по прошению вашему чего взыщете, то и обрящете, и мзду от Бога на

Б. Л. Фонкич

спасение ваше будущее получите, и вы то разумом вашим приложите от учения его, на что вас поучает, то все творите и упования благих воспримете и от вышняго мзду получите, и по сем все прошение всегда и моление будет о благочестивом нашем царе Михаиле Федоровиче от Бога /л. 7/ светлосиятелнаго и почитайте беспрестаны и не оставляйте, яко господь Бог помазал его великаго царя нашего соблюдателя, и победителное дарование тихомирному его высочайшеству подаровал, и царским венцем его венчал, яко да будет над всеми недруги своими свыше всегда одолетель крепок и непоколебим и соблюдет превысочайшее его царствие во веки веком всегда всему миру во спасение. Да и се воспомяновенно будет от нашего смирения, что поставленный сей пресвятейший патриарх брат и сослужебник нашего смирения, избранный от Бога на утвержжение всей паства, яко да достоин той святителской архиерейской престол патриаршеский держати и разсуждати вся и возводати славу господу Богу и спасу нашему Иисусу Христу, яко первому великому архиерею за спасение христоименитаго народа /л. 8/ и быти ему во всяком исправлении по закону архиерейскому и патриаршескому и совершати всякой архиерейской и патриаршеской чин и херотонисати в четцы, и в поддъяконы, и во дьяконы, и во архиереи, которые будут по свидетелству достойны, да и не токмо тех, но и епископов от меньших возводити на вышнее архиерейство, разсмотря и разсуждая их по их достоинству и разуму пасти и разсуждати духовное разсуждение и совершати им всякое его патриаршескаго достоинства повеление превышшее и святое с послушанием преподобне и праведне, удаляяся безо всякие мзды, /л. 9/ и быти им чистым во всякой святости к божии кафалической церкви и ко всем сослужебным братиям о господе, како подобает быти всенародному учителю верного слова очима недремателну, ушима слышателну, рукама и ногама спешну быти на всякое благое, а отщетеватися всякия находящия житейская мира сего суэтныя славы и величества укрыватися всяких ересей. Посем подобает соблюдати законное предание святых отец истинно и безмятежно, како есмя прияли от них благословение праведно, и по благословению их и мы благословляем, а по проклятию их и мы проклинаем. И сего ради всего написания сию патриаршескую грамоту даю пресвятейшему Филарету, брату и сослужебнику нашего сми-рения. Писа^Н в лета от Христова Рожества ,4х⁴Г месяца июля в ёден.

Греческие грамоты российских храмилищ

А у грамоты рука патриархова написано: Феофан милостию божиею патриарх святаго града Иерусалима и всея Палестины. /л. 10/ У грамоты ж печать вислая серебряна золочена, на одной стороне вылит образ Воскресения Христова, а около его подпись: Воскресение господа нашего Иисуса Христа во святом граде Иеросалиме. А на другой стороне печати вылиты слова: Феофан милостию божиею патриарх святаго града Иерусалима и всея Палестины „αχθι”

Москва

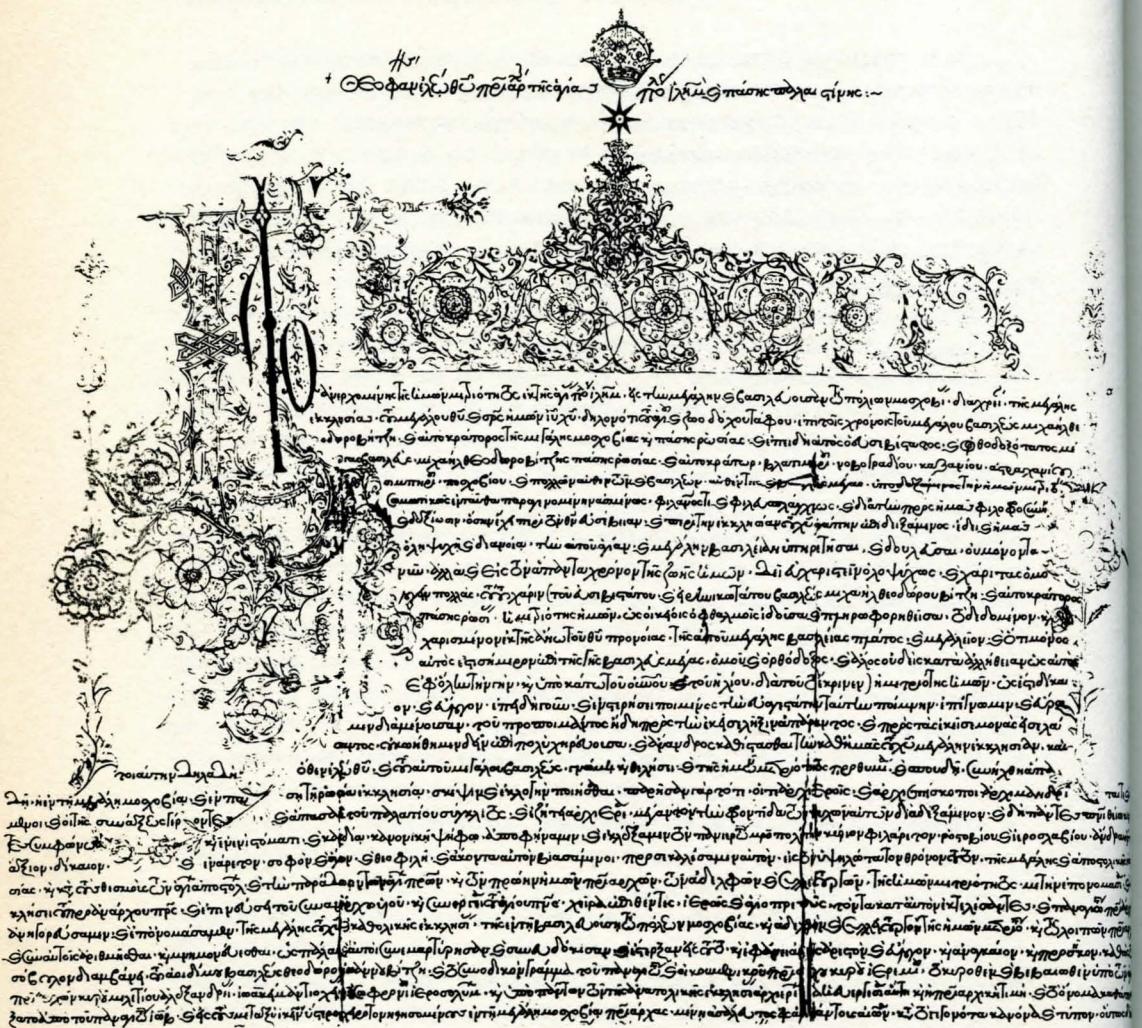

Рис. 1. ЦГАДА ф. 52, оп. 2, л. 1. Грамота иерусалимского патриарха Феофана.

Греческие грамоты российских хранилищ

König

*Georg ^{XV} έγειρθυν Παλαιούχος της αγίας Πολης Αγρινίου,
και πάτην Παρασκήνης.

Exhibit 1

Рис. 2. ЦГАДА ф. 52, оп. 2, № 9, л. 2.
Грамота иерусалимского патриарха Феофана 1619-1629 г.
Копия конца XVII в. Автограф Софрония Лихуда

Б. Л. Фонкич

Перевод:

Феофанъ милюстій брієк Патріархъ спіаго
Града Іерусалима, и' дсея Падостіні.

По прибытии наше Милости и' спіаго града Іерусалима,
дѣ Свято-Царственіи града Могилы, за нынѣшніо Собою
Церкви величаго Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, то есть сѧ-
таго, и Святопрѣмнаго Его Гроба, во времена величаго Цара
Михаила Федоровича, Самодержца Милостиваго, и' діялъ Роксии,
онъ благотвориційшии и' Православіи Иаковъ, великий Царь Михаилъ
Федоровичъ, Самодержецъ всесвітній, Владиimirій, Новгород-
скій, Казанскій, Астраханскій, Переяславскій, и многій Герцогъ
и Царевичъ Гарольдъ Великій Царь, принялъ наше Милость самъ-
 лично свадь прибывающаго, любезно, человѣческобио, и милостиво,
къ тѣ по свое, угоднѣюше намъ благословительное принятие, поиза-
полнюю и' къ Речѣ онъ и' Господъ благослови, и' Церкви Христовой
любовь. За тѣ поднесутъ и' намъ всѣхъ душъ къ мыслѣ, стомъ
гро и' даниому Царствію съхипти, и' усуги поназывати, и' не-
тоимо нигдѣ: но и' по дѣламъ Світии нашея, писдішино благодариць,
и многія благодаренія въдавати. ибо яко же его благотвори-
ційшиаго и' многійшиаго Цара Михаила Федоровича, Самодержца
Всероссійскаго, Милости наша собѣщеніемъ своимъ отсамъ,
удидівши, и' въ данномъ, и' дарованномъ въ градѣ града Бѣлѣ
величия ево Царствію развшненіи и' умнощніи упіреніи
то піадено Благопристойно расцѣдилъ. что онъ тоимъ сънѣ
быть нигдѣ на Земли величіи, и' Православіи Царь, а други по
истинѣ нигдѣ, яко же онъ до всѣхъ вісленіи, по Небесамъ,
и' по Солнцемъ. О' поисже при тойже Милости наша извѣстни-
шия, и' обрѣтиши спѣшише здѣшище Стадо бѣлыхъ Пастыря пре-
бывающо, потому что прѣднѣи Пастырь усъ ії вѣтникъ славѣ
ушѣвъ. и' въ тамошніи Обитательемъ преселался. тогѡ ради
не расцѣдилъ мѹи, съзг҃и по себѣ достопрѣмнѣи нашими Христовы, тогѡ
и' здѣшишіи, Царици, тѣ здѣсъ дѣламъ вѣдомствующіи и' безмѣр-
нѣ бѣти. и' таю Милостій брієкъ, и' его величаго града наимѣ-
ніемъ, и' изволініемъ, и' нашея Милости усердіемъ, и' тишии,

Рис. 3. ЦГАДА ф. 52, оп. 2, № 9, л. 3.
Грамота иерусалимского патриарха Феофана 1619-1629 г.
Русский перевод конца XVII в.

THE HISTORY OF RUSSIA IN WORKS BY GREEK SCHOLARS OF THE SEVENTEENTH CENTURY

O l g a A l e x a n d r o p o u l o u

In presenting Arsenios of Elasson's *Memoirs* to the scholarly world, A. Dmitrievskij observes that amongst the foreign-language accounts of the events of Russian history (meaning chiefly the *smutnoje vremja* or 'time of the troubles' at the beginning of the seventeenth century) Greek-language sources are always conspicuous by their absence. This is odd, because a great many Greeks fleeing Moslem oppression frequently sought refuge in Russia, and particularly in Moscow, and stayed for long periods of time, seeking protection and financial aid. 'These coreligionists of ours, whom Russia in general and Moscow in particular always welcomed most hospitably and with open arms, looked to their own personal advantage, and appeared to take no interest in our ecclesiastical order, our particular form of government, nor our internal national life, insofar as the latter was accessible to a transient foreigner.'¹ Dmitrievskij goes on to point out that the *Memoirs* (as also Arsenios's other, poetic, work, *Κόποι καὶ Διατριβή*)² filled this void somewhat, and moreover, as we shall see, was the first in a series of Greek-language works relating to Russia. It is the purpose of this study to present an outline of the most important of these works: Arsenios of Elasson's *Memoirs*, Matthaios Kolidzidis's *Life of Dimitrij, King of Moscow*,³ Dionysios Iviritis's *History of Russia*,⁴ Paisios Ligaridis's

¹ A. Dmitrievskij, *Archiepiskop Elassonskij Arsenij i memuary ego iz russkoj istorii po rukopisi trapezundskogo Sumelijskogo monastyryja* (Kiev, 1899), p. 2.

² K. N. Sathas, *Βιογραφικὸν σχεδίασμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου Β'* (1572-1594) (Athens, 1870; photocopy edition, Thessaloniki, 1979).

Olga Alexandropoulou

Report of the trial of Patriarch Nikon,⁵ Kosmas Iviritis's translation of Innokentij Guizel's *Synopsis*,⁶ and the anonymous *Chronology and Origins of the Princes and Kings of Russia*.⁷

³ B. Knös, 'Une version grecque de l'Histoire du Faux Démétrius, tzar de la Russie', *Δελτίον τῆς Ἰστορικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος*, 16 (1962), pp. 223-66.

⁴ See C. G. Patrinelis, 'Διονύσιος Ἰβιρίτης, μεταφραστής τῆς "Χρονογραφίας τοῦ Δωροθέου" εἰς τὴν ρωσικήν καὶ μητροπολίτης Οὐγγροβλαχίας', 'Ἐπετηρίς τῆς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν', 32 (1963), pp. 314-17; B. L. Fonkič, *Istoriya Rossii Dionisija Ivirita*, in *Problemy izuchenija kul'turnogo nasledija* (Moscow, 1985), pp. 184-200. The work's full title, as given in MS 383 of the Patriarchal Library of Alexandria, is: 'Ιστορία ἡτοὶ Διηγήσις περὶ τῆς ἀρχῆς τῶν Ρωσῶν, πόθεν κατάγονται οἱ ἀρχηγοὶ αὐτῶν, καὶ περὶ τοῦ πότε καὶ πῶς ἔλαθον τὸ ἄγιον βάπτισμα, καὶ περὶ τοῦ ἄγιον ἀποστόλου Ἀνδρέου, ὅποῦ ἤλθεν σωματικῶς εἰς τὴν Ρωσίαν καὶ ἐκήρυξε τὸ θεῖον κήρυγμα: μεταφρασθεῖσα δὲ καὶ συλλεχθεῖσα ἐν συντομίᾳ ἐκ τῶν Σλαβαϊκῶν βιβλίων παρὰ Διονυσίου φάκενδύτου καὶ μεγάλου ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἰβίρων εἰς τὴν ἡμετέραν διάλεκτον κατὰ τὸ αχεῖον' [1668] (f. 1). See also note 71 below.

⁵ Historical Museum of Moscow (GIM), No 409. Archimandrit Vladimir, *Sistematičeskoje opisanije rukopisej moskovskoj Sinodal'noj (Patriaršeji) biblioteki*, part 1: *Rukopisi grečeskiye* (Moscow, 1894), p. 606; N. Gibbenet, *Istoricheskoje issledovanije dela patriarcha Nikona* (St. Petersburg, 1884), part 2, pp. 449-56; B. Fonkič, *Grečeskoje knigopisanije v Rossii v XVII v* (in press). For a more general bibliography, cf. Z. N. Tsirpanlis, *Tό Ἐλληνικό κολλέγιο τῆς Ρώμης καὶ οἱ μαθητές του (1576-1700)* (Thessaloniki, 1980), pp. 472-8; G. Vorob'ev, 'Paisij Ligarid (1662-1666)', in *Russkij archiv*, 1(1893), pp. 5-32.

⁶ Dependency of the Holy Sepulchre, (MIIT), No 531, A. Papadopoulos-Kerameus, 'Ιεροσολυμητική βιβλιοθήκη vol. 5, (St Petersburg, 1899), p. 90. The manuscript's inscription is: Σύνοψις ἐκ διαφόρων χρονογράφων, περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ σλαβενορωσικοῦ ἔθνους [originally ὄχλου], καὶ πρωτάρχων κνεζῶν τῆς θεοσώστου πόλεως Κιοβίας, περὶ τῆς πολιτείας τοῦ ἄγιου εὐσεβεστάτου μεγάλου κνέζου Κιοβίας καὶ πάστος Ρωσίας, πρωτίστου αὐτοκράτορος Βλαδημίρου, καὶ περὶ τῶν διαδόχων τοῦ εὐσεβοῦς αὐτοῦ κράτους τῆς Ρωσίας, μέχρι τοῦ ἐκλαμπροτάτου καὶ εὐσεβεστάτου αὐθεντὸς ἡμῶν, βασιλέως καὶ μεγίστου κνέζου ΘΕΟΔΩΡΟΥ ἈΛΕΞΙΟΒΗΤΖΟΥ, πάστος μεγάλης, μικρᾶς τε, καὶ Λευκῆς Ρωσίας αὐτοκράτορος. Ἐν τῇ ἀγίᾳ μεγάλῃ θαυματοποιούσῃ λαύρᾳ Κιοβοπετζέρσκη, τῇ σταυροπηγίῳ τοῦ ἀγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ οἰκουμενικοῦ, [πατριάρχου-added by the same hand as in inscription of F. 1. See below note 27] κατ' εὐλογίαν τοῦ παντίμου ἐν Χριστῷ κυρίου πατρός Ἰννοκεντίου, τοῦ Γιζέλα, ἐλέω Θεοῦ ἀρχιμανδρίτου τῆς αὐτῆς λαύρας, ἐκτυπωθεῖσα τύπῳ. ἐν ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου -7188, ἀπὸ δὲ σαρκώσεως τοῦ Θεοῦ Λόγου -1680 (ff. 1-1v). The manuscript does not carry the name of the translator. It was C. Loparev ('Povest' o smerti knjazja Daniila Alexandroviča i o nacjale Moskvy', in *Pamjatniki drevnej pis'mennosti i iskusstva*, 141 (St

History of Russia by Greek Scholars

The very fact of these works' appearance eloquently attests the awakening of Greek interest in contemporary and earlier Russian history; an interest which for the first time in the history of Greek-Russian relations was expressed in the form of extensive writings. If one casts an eye over the recorded history of Greek-Russian relations from the Byzantine period onwards, one sees that of the accounts of events involving both sides the Russian texts are undoubtedly more numerous, while the information encountered in the Byzantine narrative sources consists for the most part of no more than fleeting references. This is by no means surprising if one considers the vast difference between the two countries' political and cultural perspectives.

Old Russian literature, particularly in its early stages, reflects the most important ideological developments which began after the Russians had converted to Christianity and assimilated the Byzantine cultural tradition transplanted amongst them. Russia was claiming its place in the history of the world, and at the same time beginning the quest for its own national identity and national frontiers: '... whence came the Russian nation, who were the first rulers of Kiev, and how the Russian realm was born...'. The struggle for a sense of nationhood swung between two poles: the Byzantine models on the one hand and the emerging national culture on the other. Byzantium was thus very present in early Russian literature, indicating now the continuity and development of the Byzantine tradition on Russian territory, and now the urge towards emancipation from Byzantine tutelage.

The complex history of 'Byzantinism' in Russia is not to be found in the Byzantine narrative sources. The Hellenic world was not to realise the historical importance of the Russian problem for a long time to come. Powerful economic and political factors compelled the Byzantine rulers to nurture good relations with Russia, but during the last five turbulent centuries of the Byzantine Empire, Russia naturally occupied a secondary place in Byzantine foreign concerns. This situation was reflected in Byzantine literature.

If one accepts, then, that the Greek works on the history of Russia had no comparable precedent, the logical question to ask is: why

Petersburg, 1901), Supplement, p. 7) who identified him as Kosmas Iviritis, a well-known figure in Greek-Russian relations in the last decades of the seventeenth century. This identification is accepted by modern scholars. See Fonkic, *Grečeskoje knigopisanije*.

⁷ MIIT 97. Papadopoulos-Kerameus, op. cit., vol. 4, p. 99.

Olga Alexandropoulou

did this striking change take place in the course of the seventeenth century?

* * *

It is not the purpose of this study to place any great emphasis on the reasons for the phenomenon. But one would wish to mention a few fundamental points.

The abolition of the Byzantine Empire, the Fall of Constantinople, and the almost simultaneous liberation of Russia from the Tartar yoke opened up a new era in Greek-Russian relations. The sixteenth century brought Russia the idea of *consolidation*, in political and economic life as also in the sphere of literature. The Russian world's gradual submission to the central authority of Moscow, its numerous conquests of new territory, and the expansion and consolidation of Russia's new frontiers marked out the Russian state as an extremely important political power. Official literature undertook the grand endeavour of reviewing Russia's past by gleaning and garnering all that had been written and said about the earlier centuries of Russian ecclesiastical and political history. In the literary monuments of this period (such as the *Great Reading Menaia* (*Velikije Cet'i Minei*), the so-called *Codex of Nikon*, the great *Illuminated Codex* (*Licevoj Letopisnyj Svod*), and the *Book of Degrees* (*Stepennaja Kniga*)), the historical material became acutely topical and formed the foundation for the new, magnificent edifice of their *Weltanschauung*. Past events were interpreted in the spirit of the new age and of the new ideological trends, amongst which was the celebrated concept of Moscow as the New Constantinople and Third Rome. The two axes of this notion — political and religious — corresponded to the two faces of Constantinople's symbolic appellation: New Rome, imperial capital of the world, and New Jerusalem, sacred centre of the world.⁸ The Tsar of Russia was considered to be the 'Emperor' of the Orthodox world, the descendant of Augustus; piety and true faith upheld the state power of the third and last great Christian realm. N. F. Kapteev describes the way the new ideology was reflected in Greek-Russian relations: 'The Russians' new attitude towards the Orthodox East, which began to manifest itself

⁸ J. M. Lotman and B. A. Uspenskij, 'Otzvuki koncepcii "Moskva — tretij Rim" v ideologii Petra Pervogo', in *Chudožestvennyj jazyk srednovekovja* (Moscow, 1982), p. 238.

with the Fall of Constantinople, was determined by their conception of Moscow as the Third Rome, of the Tsar of Moscow as the patron and mainstay of all Orthodoxy, and of Moscow's piety as being the highest and most excellent in the whole world.⁹ In this way, the theory cut once and for all the spiritual leading-string linking Russia to the Greeks, and provoked the well-known reaction in the East. Independent Russia required an independent past to demonstrate its self-sufficient capacity to assume its new historical role. This need was met by the so-called 'collective' (*obobs'ajus'ije*) works of the sixteenth century.

Like any attempt at recapitulation, this codification of the past was seeking to justify the present and, above all, to scrutinise the future. The great question of 'Whither Russia?' could be answered through a review of its past. It became even more timely after the tribulations of the early seventeenth century, when mortal danger from outside, coupled with the fearful pressure of the internal problems caused by the state's economic and political contraction, brought Russia to the verge of disaster. The state of ferment surrounding Russia's historical fortunes penetrated all sectors of intellectual life, bringing up the old, but never before so acute, dilemma: East or West? The traditional Byzantium-orientated and the pro-Western forces clashed on Russian soil over the most vital questions of national life.

* * *

Although it is frequently difficult to link the intellectual phenomena of a certain period with more profound historical factors, there can be no doubt that the Orthodox East's sudden surge of interest in Russian affairs in the seventeenth century was no mere coincidence, but may to a great extent be correlated with these critical historical processes. We know, moreover, that this interest was not confined to the Church, but, as demonstrated by the works under consideration here, embraced the whole of Russian life.

We know that for the Greek world the seventeenth century saw the dawn of a new era in its hopes for liberation from Turkish domination. During this century, the Greeks' hopes for Russia's salutary intervention in the Eastern Question were reinforced and intensively nurtured. This is exemplified by Athanasios Patellaros's *Discourse* of 1653

⁹ N. F. Kapterev, *Charakter otnošenij Rossii k Pravoslavnому Vostoku v XVI i XVII stoletijach* (Sergiev Posad, second edition, 1914), pp. 24-5.

addressed to Tsar Alexej, in which the former Patriarch of Constantinople urges the Tsar to fulfil the prophecies and free Constantinople, seizing the moment when the Ottomans' military power has been weakened by the war with Venice over Crete.¹⁰

References to this subject — indirect at the beginning of the century, and much more direct later on — are also encountered in the works dealt with in the present study. Thus, for instance, in his book on the life and work of Arsenios of Elasson, F. Demetracopoulos notes that one of the writer's principal messages in his poem *Kópoi kai Διατριβή* is precisely this: 'It is not expressed in so many words, but may easily be inferred from reading, and is possibly the most important message for the unfortunate and despairing enslaved people: there exists an Orthodox sovereign, the pious ruler of a great land, richer almost than you can imagine, philanthropic and bountiful.'¹¹ In his *Memoirs*, too, Arsenios lays particular emphasis on the financial aid given by the Tsars of Moscow to the Orthodox East. It is apparent from the detailed description of the work and from the quotations included in Dmitrievskij's study that generosity was a recurring feature of the portraits of the Princes and Tsars of Russia. Despite the Russian State's critical ups and downs, which he witnessed and recounted, Arsenios maintains the same attitude in this work too: he extols the piety and philanthropy of Tsar Feodor¹² (as also of Boris Godunov),¹³ as well as the abundance of wealth prior to the catastrophes of pseudo-Dimitrij's time, and he closes his narrative with an hopeful account of the election of Tsar Michail Feodorovič.¹⁴

Matthaios Kolidzidis also finds Russia's example a source of optimism and draws a parallel between Russia's tribulations during the

¹⁰ As Fonkić notes, the Greek text has probably not survived. A few copies of the Russian translation do exist, however, such as GBL (Gosudarstvennaja Biblioteka imeni Lenina, Moscow), f. 310, No 712, ff. 181-204v, GBL f. 17, No 743.2, GIM, Uvar. No 1755, ff. 247-75. See Fonkić, 'Grečeskoe knigopisanije'. My warmest thanks to him for allowing me to read his study at the manuscript stage, as also the photocopy of Paisios Ligaridis's work on Nikon's trial.

¹¹ F. A. Demetracopoulos, 'Αρσένιος Ἐλασσόνος, (1550-1626): Βίος και ἔργο (Athens, 1984), p. 138.

¹² Dmitrievskij, *Archiepiskop Elassonskij*, pp. 78, 227.

¹³ Ibid, pp. 96, 230.

¹⁴ Ibid, p. 172.

History of Russia by Greek Scholars

smutnoje vremja and the situation of enslaved 'Greece'. He dedicates his poem (*ριμάδα*) to the Metropolitan of Philadelphia, Gabriel Seviroς, in the hope:

νὰ λάβουσι μικρὰν χαρὰν καὶ οἱ πτωχοὶ Ρωμαῖοι,
ώσδὲν αὐτοὶ γροικήσουσι τὴν νίκη πῶς ἐγένη.
Ἡ νίκη τῆς Μοσχοβίας ἔκ πίστεως ἐγίνη,
καὶ μὲ τὴν πίστιν τὴν ὄρθὴν ἐκέρδισαν ἑκεῖνοι.
Οὕτως καὶ τὸ ἡμέτερον γένος, διὰ τὴν ὥραν,
θλίψεις καὶ πόνους ἔχουσιν ἡμέραν καὶ καθ' ὥραν
ἐκ πάντων ὄνειδίζονται, Τουρκῶν καὶ ἀλλοφύλων·
ἔνεκεν γὰρ τῆς πίστεως οὐκ ἔχουν τινὰ φίλον.
Διὰ τοῦτο λέγω βέβαια, ἀν ἔχῃ τινὰς πίστιν
στερρὰν καὶ ἀμετάτρεπτον, εἴ τι ζητᾷ, τὸ βρίσκει·
μόνον τὴν πίστιν καὶ τὸν νοῦν νά 'χουν στερεωμένον,
κι ἀν τοὺς ὑδρίσῃ καὶ τινάς, μικρὸν ἀς ὑπομένουν·
καὶ νά 'χουν θάρρος πρὸς Θεόν, ἐλπίδα σωτηρίας,
ἄμποτες νὰ ἔλθῃ νίκη κ' εἰς αὐτούς, ὡσδὲν τῆς
Μοσχοβίας.¹⁵

As B. Knös says: 'La valeur du récit de Matthieu n'est ni historique ni littéraire, mais il présente un peu d'intérêt en donnant une image de l'attention qu'a prêté le clergé grec en Russie aux événements, où les affaires de l'Église catholique et de l'Église orthodoxe étaient en jeu.'¹⁶

The idea that the Orthodox East could be liberated with Russia's help waxed and throve particularly in the second half of the seventeenth century. Thus, in the works of Paisios Ligaridis, the hope that this assistance will be forthcoming is crystallised and clearly expressed. In the foreword to his *Book of Prophecies* (*Χρησμολόγιον*), a collection of predictions for the future of Christianity in the East dedicated to Tsar Alexej, Paisos writes: "Ιδοὺ τώρα καὶ ἐγὼ γαληνότατε καὶ κράτιστε βασιλεῦ Ἀλέξιε ... ἀπὸ διάφορα βιβλία τῆς οἰκουμένης ἐσύναξα τὰ ὅσα ἐδρέθησαν καὶ φημίζονται περὶ τῆς κλεινῆς Κωνσταντινουπόλεως, ἐλπίζων ὅμοῦ καὶ θαρρῶν νά ἐλκύσω τὴν μεγάλην σου βασιλείαν, εἰς ζῆλον καὶ ἔρωτα τῆς τοσαύτης περικαλλοῦς αὐτοκρατορίσσης, τῆς κλεινῆς

¹⁵ Knös, 'Une version grecque', pp. 232-3.

¹⁶ Ibid, pp. 262-3.

Κωνσταντινουπόλεως.¹⁷ On the basis of the etymology of the Tsar's name (*alexios* meaning 'helper'), Paisios states his conviction that it is the Russian Tsar's destiny to help the Greek people.

This idea is also encountered throughout Paisios's lengthy work on the trial of Patriarch Nikon, which is again preceded by an introduction-cum-dedication to the Tsar. Alexej is described as "Ελλάδος σωτήρ καὶ ἀντιλήπτωρ": "... καὶ δὴ φέρε ἴδωμεν τὰ στοιχεῖα τοῦ ὄντος σου, καὶ τὰ ψηφία ὡς μέταλλα μεταλλεύσωμεν, ἀλέξιος τὸ, α, σημαίνει ὅτι ἀρξεῖς, λ, λαοῦ, ε, ἐλευθέρου, ξ, ξενοπρεπῶς, ι, ισμαῆλ, ο, ὀλέθριον, σ, συντρίψεις...".¹⁸

The purpose of the above mentioned works was to keep the Orthodox East (whence these three scholars originated) informed about contemporary events in Russia. Indeed, in dedicating his poem to Gabriel Seviroς, Matthaios Kolidzidis expresses the hope that through him the text will be disseminated all over the Greek world.

* * *

A further stage in the kindling of Greek interest in Russia was the discussion not only of current events but also of Russia's past history, of which, despite the close relations the two countries had enjoyed for centuries, very little was known in the Eastern world. A number of works on general Russian history came into being, based in large part on Russian sources.

In 1668, Dionysios Iviritis used the Russian sources as the basis for a quite extensive history of Russia from the arrival there of St Andrew the Apostle until Alexej Michajlovič's accession to the throne. In B. L. Fonkić's opinion, it is by no means improbable that the idea of writing a history of Russia was originally proposed by Patriarchs Paisios of Alexandria and Makarios of Antioch, who came to Moscow to take part in Nikon's trial.¹⁹

The history of Russia from ancient times until the seventeenth century is also the subject of the anonymous *Chronology and Origins of the Princes and Kings of Russia, in Summary* (Χρονολογία καὶ ἀρχὴ τῶν Κνεζίδων καὶ βασιλέων τῆς Ρωσίας, ἐν συνόψει). We know that until the second half of the nineteenth century there was a 'salutation addressed

¹⁷ MITT 23, f. 1.

¹⁸ GIM 409, f. 7 (new numbering).

¹⁹ Fonkić, 'Istorija Rossii', p. 187.

History of Russia by Greek Scholars

to the Emperor of Russia, Alexej' at the beginning of the manuscript,²⁰ but the text itself rules out any possibility that it was written in Tsar Alexej's time. The last dated entry concerns the Tsar's marriage to Maria Miloslavskaja in 1648 and is followed by a list of the male offspring of this marriage (the names are in the wrong order and the name of Peter, who was born of Alexej's second marriage, is erroneously included here). The list ends with the names of Ivan and Peter, who are referred to as 'now ruling', the latter, indeed, as 'now happily ruling'. The manuscript must therefore have been written during the joint reign of Ivan and Peter, which is to say between 1682 and 1696. The handwriting is characteristic of the late seventeenth or early eighteenth century and, in my opinion, is identifiable as one of the hands which contributed to Codex 176 of the Dependency (*Metochion*) of the Monastery of the Holy Sepulchre. The specific section in question is ff. 228-246v, which Fonkić describes as an imitation of Sofronios Leichoudis's handwriting and attributes to one of his students.²¹ It is also worth noting that the watermarks are identical to those of the manuscripts of Kosmas Iviritis (MIT 409 and MIT 531).²²

On the basis of these observations, the *Chronology* — or at least the specific manuscript preserving the text of it — must have been written somewhere between 1685 and 1696: that is, from when the Leichoudis brothers arrived in Moscow until the end of Ivan and Peter's joint reign.

The veritable explosion of translation that took place at the end of the seventeenth century was connected with the visit to Moscow from 1692 to 1694 of Archimandrite Chrysanthos Notaras, who was a nephew of Patriarch Dositheos and one of whose purposes was to collect material relating to Russian history.²³ In 1693, Kosmas Iviritis translated Innokentij Guizel's *Synopsis* and in 1694 the *Kievo-Pečerskij*

²⁰ Papadopoulos-Kerameus, op. cit., vol. 4, p. 99.

²¹ Fonkić, 'Grečeskoje knigopisanije'.

²² Unfortunately, it has not been possible to consult T. V. Dianova and L. M. Kost'uchina's study, *Vod'anyje znaki rukopisej Rossii XVII v.* (Moscow, 1980). All the same, the watermarks mentioned (depicting a jester's head) closely resemble those which N. P. Lichačev, in *Bumaga i drevnejšye bumaznyje mel'ničy v Moskovskom gosudarstve* (St Petersburg, 1891), p. 71, No 551, describes as a Russian imitation of Dutch watermarks. See also, L. V. Cerepnin, *Russkaja paleographija* (Moscow, 1956), p. 93.

²³ Fonkić, 'Grečeskoje knigopisanije'.

Paterik.²⁴ A characteristic example of the breadth of the new interests was the compilation of a great collection of translations of travel journals relating to Siberia and China,²⁵ including Nikolaos Spatharis's account of his travels in China in 1675. The collection also includes the 'Account of the Origin of the Great Orthodox Power, the Ruling City of Moscow' (Διήγηση περὶ τῆς ἀρχῆς τῆς μεγίστης ὁρθοδόξου αὐθεντείας, βασιλευούσης πόλεως Μόσκβης), which is a translation of the Russian 'Povest' ob ubijenii Daniila Suzdal'skogo i o načale Moskvy'.²⁶ As the colophons of the manuscripts reveal, both this collection and the translation of the *Paterik* were commissioned by Chrysanthos.

We do not know whether the *Synopsis* was translated on Chrysanthos's initiative; but it is certain that this manuscript too was very soon in his hands. This is attested by the inscription in his own hand at the bottom of f. 1: 'ἐκ τῶν τοῦ Χρυσάνθου',²⁷ which must have been written at the same time as his note on f. 199v: "Ανεγνώσθη ἐν Μόσκβῃ, 1693, Μαΐου 17."²⁸ At all events, palaeographical evidence allows us to suppose that at some point during the writing of the manuscript (probably in the final stage), there was some kind of collaboration between the translator and Chrysanthos.²⁹

²⁴ MIIT 409, Papadopoulos-Kerameus, op. cit., vol. 4, p. 365.

²⁵ MIIT 176, ibid, pp. 148-9. We do not know the identity of the translator (or translators). As for the manuscript's scribes, as Fonkić observes in 'Grečeskoje knigopisanije', it represents a joint effort by a team of scribes.

²⁶ Loparev, 'Povest' o smerti', pp. 12-34; M. A. Salmina, *Povesti o načale Moskvy* (Moscow and Leningrad, 1964).

²⁷ MIIT 531, f. 1. Papadopoulos-Kerameus interprets the α just below the note, in between the words τοῦ and Χρυσάνθου, as ἀρχιμανδρίτου (giving 'of the archimandrite Chrysanthos'). In my own opinion, it is merely the number of the gathering: See later ff. 13, 25, etc.

²⁸ Fonkić, 'Grečeskoje Knigopisanije'.

²⁹ Despite his good knowledge of Russian, Kosmas frequently has trouble rendering Russian words into Greek. He thus leaves gaps (as, for instance, on f. 21v) or simply transliterates into the Greek alphabet (ff. 33v, 104, etc.), while often writing the Russian word in the margin; sometimes Russian words are encountered in the text in Russian letters (e.g. вроня, f. 32v). The frequent interventions, corrections, and additions made by Chrysanthos, together with those of Kosmas himself, give one a clear idea of how carefully the two men edited the text, probably working on it together. For instance, on f. 121, Kosmas has written three Russian words in the margin: төрөр [i.e. төрөмъ], наөөржнын, пригнөвшын. The first was originally translated by Kosmas as τέμερον

History of Russia by Greek Scholars

So we see that at the end of the seventeenth century there was an endeavour to 'investigate' Russian history, connected with the intensive activity in Russia of Patriarch Dositheos. It was natural that the interest in and the need to learn about contemporary and earlier Russian history should have its source in the higher ecclesiastical circles, which had formed very close relations with Russia during the seventeenth century. For this reason, Fonkić's hypothesis about Arsenios of Elasson seems quite convincing — namely that he was urged to complete his *Memoirs* by Patriarch Theophanes of Jerusalem. At the Patriarch's insistence, probably, Arsenios put his notes in order and added, as an introduction, a review of Russian history from Vladimir to Tsar Feodor Alexejević.³⁰

* * *

The foregoing brief review reveals two different kinds of approach to Russian history: 1) the recording of events which took place 'before the eyes' of the writers, which amounts to more or less direct evidence within the context of their personal narrative; 2) the composition of works of a chiefly historiographical nature, which as a rule make use of Russian sources and are intended to present complete and documented accounts — to offer scientific knowledge, one might say. The works cannot, of course, be absolutely divided in this way: in the

(which he changed to τέρεμον) and the second as τό τετηρημένον; Chrysanthos corrected the first word to παλλάτιον ἀνώτατον and Kosmas the second to κατά τόν ποταμόν, giving the phrase 'supreme palace by the river'. The Greek translation of the third word seems to have satisfied the proof-readers, and all three words in the margin have been crossed out.

One further observation is that the gatherings seem to have been cut down to the modern size after the text was written, with the result that many of the marginalia (which are usually references to the sources) were cut in two. These references have been rewritten alternately in Kosmas's or Chrysanthos's hand (see, for instance, ff. 6, 20, 76).

³⁰ Fonkić, 'Grečeskoje knigopisanije'. The fact that Arsenios's introduction could not satisfy a great need for information about Russian history does not conflict with this hypothesis, since we know that the Orthodox East was almost completely ignorant of Russia's distant past. Nor can one rule out another explanation offered by Demetracopoulos, who maintains that Arsenios added the first chapter in order to bring his work closer to the genre of chronography.

Olga Alexandropoulou

case, for instance, of Arsenios of Elasson both features are present; though here it must be said that his work is chiefly characterised by the overriding personal narrative style. It is with Arsenios that we shall begin our review of the first group.

The twelve pages of the first chapter of his work, 'Βασιλεία καὶ αὐτοκρατορία τῶν Ρωσσῶν, ἣ τις ἤρξατο ἀπὸ Βλαντιμήρου τοῦ μεγάλου κνέζου τῆς μεγάλης πόλεως Κιέβου',³¹ comprise a review of the history of Russia prior to Tsar Feodor Alexejevič's accession to the throne in 1584. As Dmitrievskij points out, only two points are worth noting in this introductory chapter: the anachronisms that Arsenios is unable to avoid, owing to his superficial knowledge of the historical sources, and his own opinions about the subjects he deals with. Thus, Vladimir is presented as the *founder* of the old Russian state, before whose time 'ό τόπος καὶ ἡ βασιλεία τῶν Ρωσσῶν ἦταν ἀρχίτερα ἄνθρωποι Ἕλληνες³² καὶ ἀρχηγοὶ πολλοί, κυριεύοντες κάστρα καὶ χωρία καὶ τόπους πολλοὺς παρ' μηδενός [instead of οὐδενός — Dmitrievskij] βασιλευόμενοι.' According to Arsenios, the Russians were baptised on the initiative of Emperor Basil the Macedonian, who, together with Patriarch Ignatius, sent prelates and teachers to Kiev. "Ο δὲ μέγας κνέζης, ἀγαθὸς ἀνὴρ ὅν, προθύμως ἐδέξατο τὸ κήρυγμα τῶν ἀρχιερέων αὐτός τε καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ "Ολγα."³³ His descriptions of the rulers are quite general and inexpressive. Arsenios writes of Dimitrij Donskoj, who liberated Russia from the Tartars, that he was most benevolent and 'not only distributed alms to the poor every day, but even at night would secretly walk the streets of the city clad in ragged attire, and give alms to the poor and weak'.³⁴

In my opinion, Arsenios's persistence in this kind of description is not exclusively due to his relative ignorance of the Russian sources, which would naturally make his account vague. As we have already seen, charity and almsgiving are also an ever-present motif in his account of events of his own time and must have been one of his own special concerns.

³¹ Dmitrievskij, *Archiepiskop Elassonskij*, pp. 72-6.

³² Dmitrievskij renders the word "Ἐλληνες" as 'Greeks', but the context makes it clear that "Ἐλληνες" is employed here in the same sense as in early Christian literature, which is to say, 'pagans'. Thus, Dmitrievskij's version reads: 'the land and realm of the Russians formerly belonged to the Greeks and to many leaders...' (p. 73).

³³ Dmitrievskij, *Archiepiskop Elassonskij*, p. 74.

³⁴ *Ibid.*, p. 75.

History of Russia by Greek Scholars

The author's presence, modest and discreet³⁵ even when recounting events in which he has participated himself, is perceptible throughout the narrative. It is evident, for instance, in his exceptionally restrained judgements of historical figures. Dmitrievskij notes Arsenios's endeavour to describe events as they would appear to an eyewitness,³⁶ thus creating a certain fluidity in his evaluations. Arsenios recounts the terrible crimes committed by the ruler Boris Godunov — his murder of the tsarevič Dimitrij, his setting fire to Moscow, his invitation to the Tartar khan to cause havoc in Moscow and thereby prevent investigations into the death of the Tsar's younger brother³⁷ — but his reaction to all this information does not eclipse the rest of the narrative. When he goes on to describe Godunov's reign, Arsenios admires his generous donations to the Eastern Patriarchates and the decoration of numerous churches and monasteries financed by him. And later, commenting on the appearance of the pseudo-Dmitrij, he states that he was incited to commit this unlawful act by 'the good-hating devil, who could not longer bear to see the numerous good works and virtues of the pious Tsar Boris'.³⁸ After this comment, the narrative returns to vivid description. The circumspection Arsenios shows in his judgements and descriptions does not prevent him from offering interpretations of certain events and indicating their causes and consequences. For instance, in his description of the marriage ceremony of the pseudo-Dmitrij and Marina Mnišek, he notes the details which aroused the wrath of the people of Moscow: 'Τοῦτο πάντα μεγάλως ἐλύπησε. Τοῦτο ἐγένετο αἰτίᾳ καὶ ἀφορμῇ πολλῶν κακῶν καὶ ἀπώλεια τοῦ βασιλέως καὶ παντὸς τοῦ λαοῦ ἀμφοτέρων τῶν ἔθνῶν 'Ρουσσῶν καὶ Λεχῶν'.³⁹ He does not hesitate to express his feelings, particularly in the chapter on the Polish occupation of Moscow (1610-12), during which he himself suffered: 'Φεῦ τῆς

³⁵ Certain changes to the narrative style towards the end were made by the two scribes, archimandrite Christophoros and the hieromonk Neophytor, who arrived in Moscow with Patriarch Theophanes. For instance, Arsenios is no longer referred to as 'humble archbishop', but as a 'very holy and admirable man'. Concerning these interventions, see Dmitrievskij, *Archiepiskop Elassonskij*, pp. 179-99, and Demetracopoulos, *'Αρσένιος Ἐλασσόνος*, pp. 112, 114-15, 25-7.

³⁶ Dmitrievskij, *Archiepiskop Elassonskij*, p. 76.

³⁷ *Ibid.*, pp. 92-3.

³⁸ *Ibid.*, pp. 96-7.

³⁹ *Ibid.*, p. 113.

ἀπωλείας, ἡς ἐγένετο ἐν τῇ περιφήμῳ καὶ μεγάλῃ Μοσχοβίᾳ! Ἡ βασίλισσα καὶ κυρία πολλῶν πόλεων ἐγένετο δύνειδος καὶ ἔξουδένημα πολλῶν ἐθνῶν! Φεῦ τοῦ πτώματος!⁴⁰

Arsenios's vivid and detailed presentation of the events which were played out in Moscow constitutes an important historical source.⁴¹ Though his own opinions are not entirely absent from the text, he makes no attempt to impose them on his reader (in contrast to Ligaridis, as we shall see). Arsenios endeavours to present an objective account, free of polemic.⁴² At most, he expresses his doubt about any item of information through reference to the source from which he took it — which is usually hearsay. The fact that he makes no comment on 'borrowed' information indicates, in my opinion, the dual purpose of these observations: they distance the narrator and relieve him of any responsibility for the opinions expressed, while at the same time making it possible to shed more light on the prevailing atmosphere.

If the basis of Arsenios's narrative consists of his own personal impressions and of what he has seen with his own eyes, Matthaios Kolidzidis's *Life of Dimitrij* is rife with the rumours that were circulating in Russia in the time of pseudo-Dimitrij. It is clear that this difference is a result of the two writers' differing aims: Arsenios tends towards chronography and sheds light on all the events taking place in Moscow, while Kolidzidis creates a self-contained, poetic narrative, the subject of which is clearly confined to a single story.

Kolidzidis's narrative concentrates on a historical figure, 'King Dimitrij', though it covers a wide geographical area, while the narrator remains in Smolensk.⁴³ Thus the text is necessarily fashioned out of

⁴⁰ *Ibid.*, p. 150.

⁴¹ Concerning the historical value of the *Memoirs*, see Dmitrievskij, *Archiepiskop Elassonskij*, pp. 86-91, 114-36, 167-72, 178; K. Papoulidis, "Ητο Κύπριος δὲ Ἰγνάτιος (1540-1640) πατριάρχης Μόσχας (1605-1606, 1611), Κυπριακαὶ Σπουδαί", 40 (1976), 69-76.

⁴² The only instance of his presenting two opinions is characteristic of Arsenios's narrative style: 'Εἴπον τινές, ὅτι ἡ ἐπανάστασις τῶν κάστρων καὶ τοῦ λαοῦ ἐγένετο μετὰ γνώμης τοῦ πατριάρχου κύρου Ἐρμογένους, ἀμὴ Κύριος οἶδε τὸ ἀληθές; αὐτὸς γάρ ἡρνεῖται' (Dmitrievskij, p. 146-7).

⁴³ As, for instance, Knös, who has studied the *Life*, observes, the account of Marina Mnišek's arrival in Smolensk is extremely rich in detail, showing that Matthaios was actually present at her reception. The description of her arrival in Moscow, however, is probably based on second-hand accounts. Knös, 'Une version grecque', pp. 259-60.

a combination of hard evidence and rumour. Here the writer's opinion is frankly expressed and he gives a full and clear interpretation of events which is evident in the very title itself ('Βίος Δημητρίου, θασιλέως Μοσχοβίας. Σαντομίρου βούδοντα, καὶ ἀρχόντων τῆς Λεχίας') and is manifest throughout the narrative. In his opinion, Dimitrij was the tool of the Poles, the 'Jesuits', the 'latter-day false prophets', who had come to destroy the Orthodox realm:

ὅνειδος μεγαλώτατον πλησίασεν νὰ γένη
εἰς ὅλην τὴν Μοσχόβιαν κ' εἰς τῶν Γραικῶν τὰ γένη·
ὅτι κ' οἱ βασιλεῖς οἱ Μόσχοβοι οὕτως εἰν' διδαγμένοι
εἰς τὸ ριτόν ὄποδχουσι καὶ τῶν Γραικῶν τὰ γένη.
Τοσοῦτον χρόνον πέρασαν κ' ἡτον λευθερωμένοι,
καὶ τώρα λίγον ἔλειψε νὰ γένουν σκλαδωμένοι.⁴⁴

The same concern and the same sense of the inseparable unity of the 'Muscovites' and the 'Greeks' are also encountered at the end of the poem:

Τὸ ὅνειδος καὶ ἐντροπή, ὅπού θελε νὰ γένη
εἰς ὅλην τὴν Μοσχόβιαν κ' εἰς τῶν Γραικῶν τὰ γένη,
στοὺς Λέχους τώρα ἔγινε κ' ἔμειναν ντροπιασμένοι·
οἱ Μόσχοβοι ἐπρόλαβαν καὶ βγῆκαν νικημένοι.⁴⁵

In subordinating his narrative to this central idea, Matthaios's 'Orthodox zeal'⁴⁶ frequently carries him away into poetic licence, as, for instance, in his description of the massacre of the Poles. He also creates a rather romantic aura around the person of Marina Mnišek, whose beauty he extolls in his 'Laudation of the Queen'.⁴⁷ Marina is presented as the victim of the whole affair and her 'disgrace' as one more charge against Dimitrij (whereas to Arsenios, this same woman 'ἐγένετο ἀπώλεια καὶ χαλασμὸς πάσης Ρωσσίας καὶ τῆς μεγάλης Μοσχοβίας, ὥσπερ ποτὶ ἡ Ἐλένη τῆς Τρωάδας').⁴⁸

⁴⁴ Ibid., p. 234.

⁴⁵ Ibid., p. 251.

⁴⁶ Ibid., p. 262.

⁴⁷ Ibid., p. 245.

⁴⁸ Dmitrievskij, *Archiepiskop Elassonskij*, pp. 139-140.

To sum up, one may say that in Matthaios Kolidzidis's work a specific episode in Russian history becomes a subject for topical literary elaboration, through which some of the writer's own fundamental concerns are advanced. The ideological nub of the work is Russia's position between the Greek world — with which it is connected by a profound spiritual affinity — and the West — bearer of havoc and destruction. The Russians' victory is lauded as the victory of the 'perfect faith' which must hearten the Greeks in the tribulations they have to endure.

The third and last in this group of original Greek works dedicated to Russian history and offering contemporary evidence of events is Paisios Ligaridis's great work on the trial of Patriarch Nikon:⁴⁹ *"Ἐκθεσις, ἡτοῦν [sic] διήγησις, τῆς μερικῆς συνόδου, τῆς ἐν τῇ κλεινῇ Μοσχοβίᾳ γεγονείας, κατὰ τοῦ ποτὲ Νίκωνος πατριάρχου, συντεθεῖσα παρὰ τοῦ ταπεινοῦ μητροπολίτου Γαζέων, κυροῦ Παισίου, τοῦ πίκλην Λιγαρίδου τοῦ χιοπολίτου (1667)"* (Report, or account, of the partial council which took place in illustrious Moscow against the erstwhile Patriarch Nikon, composed by the humble Metropolitan of Gaza, *kyr Paisios Ligaridis of Chios*).

Paisios narrates the various events of Russian Church history from the time of Nikon's resignation until the election and consecration of Joasaph. As we know, his purpose was to report in detail and justify his own part in the conduct of the 'Nikon affair', which aroused strong disapproval in the Orthodox East. This purpose informs the whole style and structure of the work. The account of the events is accompanied by an extensive theoretical argumentation and historical commentary. Paisios marshalls all his extensive learning in support of his opinions and proposals, with references to Holy Writ, ecclesiastical literature in general, and Church history. (His expertise in this respect and the facility with which he clothed the required or expected judgements in, at least superficially, invincible arguments was much appreciated in Moscow.) Thus, for instance, in answer to the question of whether Tsar Alexej had the right to convoke the council against Nikon, Paisios culls from Byzantine history a long series of similar cases, and concludes that, 'πρὸς τῶν Ῥωμαίων βασιλέων αἱ οἰκουμενικαὶ καὶ κανονικαὶ σύνοδοι συναθροίζονται καὶ ἀνακυρίττονται, καὶ καθ' εἰρμὸν ἐπόμενον ἡδύνατο καὶ ὁ ἡμέτερος κράτιστος βασιλεὺς Ἀλέξιος, ὃς τοῖς ἀρχαίοις αὐτοκράτορσιν ἰσοστάσιος ... καὶ σύνοδον ποιῆσαι καὶ μεταπέμψασθαι διὰ γραμμάτων δεητικῶν, τοῦ ἐλθεῖν εἰς αὐτὴν τοὺς

⁴⁹ GIM No 409, f. 20v.

History of Russia by Greek Scholars

τέσσαρας πατριάρχας τοὺς τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας προϊσταμένους.⁵⁰ His opinions and arguments are advanced in the text repeatedly and in various ways: first as his own views and later as the council's conclusions, which are essentially the same, thus confirming the soundness of his own judgement. It is interesting to note that his effort to make his report as persuasive as possible involves not only the essence of the narrative but also its structure. His indictment of Nikon is conducted in three stages: the first, 'introductory', part brings him up to the announcement of the 'Advent of the Metropolitan of Gaza'.⁵¹ Not content with merely describing the events which preceded his own arrival in Moscow, Paisios is already criticising Nikon's personality, his character, and his 'unheard of' actions. The second, and main, part concerns the charges levelled against the Russian Patriarch, as attested in the report of Ligaridis's activity in Moscow. It begins with Paisios's response ('οὐκ ἄνευ ἐπιταγῆς βασιλικῆς')⁵² to Nikon's valedictory letter and goes on to expatiate on the events which took place during this period. He essentially gives all the interpretations that are confirmed in the third and final part, which is the account of the council. In this way, apart from reinforcing his own views and initiatives, Ligaridis asserts his own correctness quantitatively, through the increasing flood of accusations. One indication of this bias is the frequent 'rhetorical' descriptions of Nikon which litter the work: 'δεινὸς εἰς τὸ σκευωρίσασθαι, ὅξὺς εἰς τὸ μεγεθύνεσθαι, ταχὺς εἰς τὸ ἐκδικήσασθαι',⁵³ 'καὶ τὴν πλεονεξίαν ἡγάπα, καὶ τὴν αἰσχροκέρδιαν ἐπεφιλίκα, καὶ τὴν ρίζαν τῶν κακῶν ἀπάντων, τὴν φυλαργυρίαν, ὡς περ συζυγύν τινα νεάνιδα ἐνεστερνίζετο'.⁵⁴

Ligaridis makes his presence very clearly felt in the work, and naturally this is due to a great extent to the fact that he himself was one of the leading agents in the affair. The titles he gives to some of the chapters are significant: 'Χρηματικὴ ζημία τοῦ Γάζης',⁵⁵ 'Συκοφαντία κατὰ τοῦ Γάζης πολύμορφος'.⁵⁶ Now and then he slips out of the impersonal narrative form and uses the first person: 'ἐν αὐτῇ τῇ

⁵⁰ GIM 409, f. 177.

⁵¹ Ibid., f. 56v.

⁵² Ibid., f. 57v.

⁵³ Ibid., f. 41v.

⁵⁴ Ibid., f. 225.

⁵⁵ Ibid., f. 95.

⁵⁶ Ibid., f. 102v.

ώρα τῆς ήμῶν ἀπελεύσεως πέπομφεν ὁ Νίκων κατ' ἐμοῦ λιθέλλους.' He goes on to describe these 'libels', and observes that 'ἄλλα ἄττα μύρια ἔγκλήματα προσαπεσέφρησεν, ἄπερ κατ' ἐκδρομήν ὁ λόγος χαίρων ἀφίσιν, ἵνα μὴ διακειμένην περι ἐμέ.⁵⁷' At all events, it is Ligaridis's own experiences and activity that are almost constantly the centre of attention, and in accordance with the writer's main aim his treatise tends to become the story of his own part in the Russian Patriarch's trial.

Apart from the 'Nikon affair' as such, Paisios also refers to the Old Believers, to whom he devotes two chapters ('Περὶ τῶν κακοδόξων σχιματικῶν [sic]', f. 112v, and 'Σπουδὴ τοῦ Κροτίσκης [Krutičkij] Παῦλου, τοῦ Γάζης Παϊσίου καὶ Ἰλαρίωνος τοῦ Ριζανίου, κατὰ τῶν νεωτεριζόντων Ρώσσων', f. 116) and numerous sporadic observations. He is chiefly interested in the 'schismatics' views on the Greeks and the state of religious devotion in Greece. He passionately condemns the 'ἔνθεν κάκεῖθεν ἐρανισαμένους τὰ πονηρὰ ἐκεῖνα γεώργια, εἰς τοῦμφανὲς μὲν τὸν Νίκωνα κατελέγχοντας, εἰς δὲ τ' ἀληθές τοὺς Ρωμαίους ἡμᾶς στηλιτεύοντας, ὡς τάχα τῆς ὁρθοδοξίας παρεκτραπέντας, καὶ τῆς πατροπαραδότου πίστεως παρεκκλίναντας, περὶ τὴν συνείδησιν ἀστοχήσαντας, καὶ περὶ τῆς εὐσεβείας τὸ μυστήριον ναυαγήσαντες'.⁵⁸

Ligaridis makes minimal use of earlier Russian history. In the first, introductory, chapters he gives a brief account of the foundation of the Patriarchate of Moscow and designates its position in relation to the other four Eastern Patriarchates.⁵⁹ The reign of Ivan is presented as the immediate pre-history to this event. Ivan 'πρῶτος γενναιότατος βασιλεύς ἐκηρύχθη, διὰ τὸ καθυποτάξαι, καὶ πατάξαι, οὐκ ἀμαχές καὶ ἀναιμωτί, τοὺς ἀμφαύτὸν νεμομένους Σκύθας Καλμούκιδας τυραννικῶς κατεσχηκότας τὰς πέριξ ἀστη πάντα ὑπόδουλα'.⁶⁰ Obviously Paisios is referring to Ivan IV, although mention is also made of the Tsar's marriage to Sophia Palaeologina. In his account of the Patriarchate's foundation, Ligaridis stresses the initiative of Tsar Feodor ('ἵνα δηλαδὴ

⁵⁷ Ibid., f. 83.

⁵⁸ Ibid., f. 118.

⁵⁹ 'Διήγησις ὅπως ἤρξατο ἡ βασιλεία τῶν βώσσων καὶ ἡ πατριαρχικὴ ἔξουσία, ἐν τῇ Μοσχοβίᾳ', 'Πρεσβεία βασιλική, καὶ συνοδική ἀπόφασις τοῦ εἰναι τὸν μοσχοβίας, πέμπτον πατριάρχην'. The titles of the chapters are written out in full in the list of contents, but in the text itself they are in abbreviated form: "Ἐκθεσις διηγήσεως" (f. 24v) and "Πρεσβεία βασιλική" (f. 28) respectively.

⁶⁰ GIM 409, f. 26.

History of Russia by Greek Scholars

ἀμφότερα, ισορόπη ἄμα βασιλεία τε, καὶ ἀρχιερωσύνη', f. 27). Particular attention is paid to the privileges of each Patriarchate,⁶¹ a subject developed further in the account of the sessions of the council against Nikon.⁶²

In connection with the question of whether Nikon was entitled to appeal to the Pope of Rome, mention is made of the Russians' conversion to Christianity: 'Μεθ' ἡμέρας δὲ ίκανὰς ἐκλήθην ὁ Γάζης ἐγὼ εἰς τὸ πατριαρχεῖον συζητήσεως ἔνεκα, ὁ ἐναποκείμενος δὲ ἄπας σκοπὸς ἦν τοῦ ἀνιχνεῦσαι τὴν δραυματουργηθεῖσαν παρὰ τοῦ Νίκωνος πρὸς τὸν πάπαν ἔκκλητον, καὶ εἰ ἀληθῶς ἡ πίστις τῶν 'Ρώσων βυζαντιόθεν προῆλθεν, καὶ κατά τινα καιρὸν ίστορεῖται χριστιανίσαι καὶ μετατεθῆναι τουτὶ τὸ ἔθνος πρὸς εὐσέβειαν.'⁶³ Paisios recounts the conversion of the Russians and goes on to that of the Bulgars ('ἐπὶ Βορίσσου τοῦ ἡγεμόνος'), who likewise received the faith from the Eastern and not the Western Church.⁶⁴ Ligaridis proves that the faith came to Russia from Byzantium and uses this as one of his arguments against the Russian Patriarch's illicit action.

The Russians' conversion is mentioned again, reference this time being made to the fact that it took place in the time of Vladimir, that 'most great king' ('παμμέγιστος "Αναξ'), in the passage where Paisios composes a hymn to the enlightening activity of the Eastern Patriarchs.⁶⁵

The integrity of Greek Orthodoxy, the Eastern Church's inestimable contribution to Russian spiritual life, and the Greeks' hopes for the help of the powerful Russians, 'τῶν νῦν βασιλευόντων καὶ κατεχόντων τὴν τῶν ρώμαίων μοναρχίαν τε καὶ ὁρθοδοξίαν',⁶⁶ are the narrative's constant leitmotifs, defining the message and the style of the work.

Paisios Ligaridis's *Report* is a very important source for mid-seventeenth-century Russia and especially for the state of Greek-Russian relations, which at the time of the 'Nikon affair' and in the decades

⁶¹ "Ανακεφαλαίωση τῶν πατριαρχικῶν προνομίων" (f. 31).

⁶² For instance, 'Πῶς δύο μεγάλα προβλήματα ἀπό τῶν πατριαρχῶν λυθησόμενα προετέθησαν' (ff. 187-209); in respect of the title of 'μακαριώτατος' usurped by the Russian Patriarch, see ff. 223-4ff.

⁶³ GIM 409, f. 72-73.

⁶⁴ Ibid., ff. 73v-74.

⁶⁵ Ibid., ff. 206-7.

⁶⁶ Ibid., f. 287.

which followed reached their peak. Like the contemporary Russian sources, it gives a far from objective view of events. This turbulent period seems to have left no room for objective assessments, while at the same time individual voices were beginning to make themselves heard more and more in the sphere of literature.

* * *

The second group of seventeenth-century Greek texts on Russian history comprises translated works: they offer no new information and cannot be considered as historical sources. (There is only one instance of a direct reflection of current events, and that is in Dionysios Iviritis's work; but, as we shall see, this fragment is no more than the writer's clearly formulated *opinion* of the role of the Orthodox East in Russian spiritual life). Consequently, these works are primarily cultural phenomena, monuments of Greek-Russian cultural relations, examples of the broadening and deepening of Greek interest in Russian history. In these works, the historical essay no longer serves merely as a 'good introduction' to the main theme, as is essentially the case with Arsenios's *Memoirs*. Dionysios's *History*, Kosmas Iviritis's translation of Guizel's *Synopsis*, and the anonymous *Chronology* are self-contained works, which recount the history of Russia from ancient times to the seventeenth century. In addition to these, we have the translation of the Kievan Laura *Paterik* and the collection of translations of works about Siberia and China, which present two further aspects of the 'exploration' of Russia. The last two works will not concern us here; they will be mentioned only in the context of a few brief correlations.

Of prime importance with respect to this group are the sources their authors used, the selection of which seems to have been by no means fortuitous.

The basic source used by Dionysios Iviritis was the *Stepennaja Kniga*.⁶⁷ Reference has already been made to the ideological significance of this work, which was written in the mid-sixteenth century in Metropolitan Makarios's circle and expressed the official perception of Russia's past. It should be noted that the idea of Moscow as the Third Rome was clearly the Russian writer's point of departure in the interpretation of various events in Russian history and indeed of the whole

⁶⁷ This hypothesis has been advanced by B. M. Kloss; see Fonkič, 'Istoriya Rossii', p. 200, note 17.

History of Russia by Greek Scholars

course of the development of the Russian State and Church. The present writer's comparative study of the Greek work and the basic text of the *Stepennaja Kniga*⁶⁸ demonstrates fundamental differences between them on all levels, including content, structure, and style, due in large part to the intervention of the translator. In my opinion, the main factor that led Dionysios to make these interventions was his own entirely different intentions in his approach to the Russian text. Following the genealogical schema, the author of the *Stepennaja Kniga* extols the members of the ruling dynasty as the 'sacred seed' of St Vladimir and consolidates the idea of the monarchy and the succession of sovereign power in Russia, while at the same time praising the spiritual pastors of the Russian people. The notion of Moscow as the Third Rome underpins the whole narrative, like a permanent ideological substratum. Dionysios systematically avoids the various manifestations of this theory and rewrites this 'hagiobiographical' work⁶⁹ with the principal aim of informing the reader, in accordance with the contemporary conception of historiography.

Only once does he emerge from his role of compiler and translator and express his own opinion, on that aspect of the theory which concerned Greek Orthodoxy. The passage is touched off by the Russian Church's strong propensity towards emancipation from the tutelage of the by now Turkish-held Constantinople:

'καὶ ἔκτοτε μείναντες ἀφ' ἑαυτούτων, αὐτοκέφαλοι, καὶ αὐτοχειροτόνητοι εἰς καιρὸν ικανόν, πολλὰς ιδίας τάξεις καὶ συνηθείας ἐπαράδωσαν καὶ ἐτύπωσαν εἰς τὴν ἐκκλησίαν αὐτῶν, παραχαράξαντες καὶ τὸ ιερὸν σύμβολον καὶ ἔτερα πολλὰ βιβλία τινὲς δοκόφρονες καὶ ματαιόφρονες ἐδιέφθειραν, καὶ ἐὰν ὁ πανοικτίρμων Θεός δὲν ἥθελεν ἐλεῆσαι αὐτοὺς ἐπίπτασιν εἰς μεγάλας ἀτοπίας καὶ εἰς τὰς τῶν ἀκεφάλων αἱρέσεις καὶ ἥθελον ἀποσκιρτῆσαι ἐκ τῆς ὅμηγύρεως τῶν ὄρθοδόξων καὶ ἀπὸ τὴν ἀγίαν τοῦ Χριστοῦ ἀνατολικὴν ἐκκλησίαν. Πλὴν ὁ πάντας θέλων σωθῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν εὐδόκησε πρῶτον ἐλθεῖν ἐν τῇ περιωνύμῳ βασιλευούσῃ πόλει Μοσκοβίᾳ ὁ παναγιώτατος οἰκουμενικὸς πατριάρχης κύρῳ Ἱερεμίᾳς, εἰς τὰς ἡμέρας τοῦ εὐσεβεστάτου, χριστιανικωτάτου, καὶ πραοτάτου βασιλέως Θεοδώρου Ἰωαννοβίτζη, καὶ

⁶⁸ PSRL, vol. XXI, parts 1-2 (St Petersburg, 1913).

⁶⁹ P. G. Vasenko, 'Kniga Stepennaja čarskogo rodoslovija' i eja značenije v drevnerusskoj istoričeskoj pis'mennosti, part 1 (St Petersburg, 1904), pp. 232, 237.

διὰ πολλῆς δεήσεως τοῦ αὐτοῦ χριστιανικωτάτου βασιλέως ἔχειροτόνησεν αὐτοῖς πρῶτον πατριάρχην Μοσκοβίας καὶ πάσης 'Ρωσσίας τὸν Ἰώθ, συναινούντων καὶ τῶν λοιπῶν τριῶν πατριαρχῶν τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας. "Υστερον ἀντ'" αὐτοῦ τοῦ ἀγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κὺρ 'Ιερεμίου, ἄνοιξεν ἡ ὁδὸς αὕτη καὶ ἥλθον καὶ ἕτεροι πατριάρχαι τῆς ἀγίας πόλεως 'Ιερουσαλήμ καὶ τῆς μεγάλης Θεοῦ πόλεως 'Αντιοχείας καὶ πολλοὶ τῶν 'Ρωμαίων ἀρχιερέων ἥλθεν εἰς τὴν Μεγαλωρωσίαν). Καὶ οὕτως ἐλκύσαντες αὐτοὺς ὀλίγον κατ' ὀλίγον ἐσύνδεσαν πάλιν τῇ ἀγίᾳ ἀνατολικῇ ἐκκλησίᾳ. 'Ἐπὶ δὲ τοῦ εὐσεβεστάτου γαληνοτάτου, χριστιανικωτάτου τε καὶ συνετοτάτου θεοστέπτου ἡμῶν μεγάλου αὐθεντὸς βασιλέως καὶ μεγάλου Κνέζη κυρίου Ἀλεξίου Μιχαηλοβίτζου, αὐτοκράτορος καὶ μεγάλου Κνέζη Μοσκοβίας καὶ πάσης μεγάλης, μικρᾶς τε καὶ λευκῆς 'Ρωσσίας τῇ παρουσίᾳ τῶν μακαριωτάτων καὶ παναγιωτάτων πατριαρχῶν, τοῦ τε κύρ Παΐσιου πάπα καὶ πατριάρχου τῆς μεγάλης πόλεως Ἀλεξανδρείας καὶ κριτοῦ τῆς οἰκουμένης καὶ τοῦ κύρ μακαριωτάτου πατριάρχου κύρ Μακαρίου πατριάρχου τῆς μεγάλης θεουπόλεως Ἀντιοχείας καὶ πάσης Ἀνατολῆς, εἰς τέλος τὰ παραφύέντα ἀκάνθια καὶ ζιζάνια ἐν τῇ τῶν 'Ρωσῶν ἐκκλησίᾳ ἀποσπάσθησαν καὶ ἔξοστρακίστησαν καὶ τελείως ἐδιορθώθησαν τὰ πάντα καλὰ λίαν καὶ ἐναπελήφθησαν ὡς ὁ καθαρὸς σῖτος, ἥτοι τὰ εὐσεβῆ ἀποστολικὰ καὶ πατρικὰ δόγματα καὶ παραδόσεις ἐν τῇ ὑπ' αὐτῶν ἐκκλησίᾳ. 'Η δὲ αἰτία τῆς παρουσίας αὐτῶν τῶν δύο μακαριωτάτων πατριαρχῶν, ἐν τῇ βασιλεούσῃ μεγάλῃ πόλει Μοσκοβίᾳ ἅπασα ἐστὶ γεγραμμένη σαφέστατα εἰς τὰ πρακτικὰ τῆς αὐτῆς ιερᾶς τοπικῆς συνόδου καὶ μερικῆς ἐν τῇ μεγάλῃ Μοσκοβίᾳ γενομένης ἐπὶ παρουσίᾳ τοῦ φιλοχρίστου καὶ θεοστέπτου βασιλέως Ἀλεξίου Μιχαηλοβίτζη, τοῦ καὶ νέου Κωνσταντίνου, καὶ ἐπὶ παρουσίᾳ τῶν μακαριωτάτων πατριαρχῶν καὶ τῶν λοιπῶν ἀρχιερέων ἐν ἔτει .ζροε. οἱ δποῖοι καὶ πολλοὺς κανόνας ἔχέθεντο. "Ομως ἐπὶ τὸ προκείμενον ἐπανέλθωμεν.'⁷⁰

⁷⁰ Patriarchal Library of Alexandria 383, ff. 102v-103. The fate of Dionysios's autograph remains unknown. At present, the following manuscript codices are known to contain his work: Alexandr. 383 (1669), Sinait. 548/1849 (1673), Great Laura of Mount Athos 1119-135, (1697), Iviron Monastery of Mount Athos 4294/174 (17th c.) ΜΠΤ 333 (17th c.), ΜΠΤ 23 (early 18th c.). My warmest thanks to Professor C. G. Patrinelis for showing me the manuscript in the Benakis Museum in Athens (Exchanges, 233).

History of Russia by Greek Scholars

Dionysios's account goes as far as Alexej Michajlovič's accession to the throne, which means that he must have used other sources in addition to the *Stepennaja Kniga*. This latter work is known to have carried great authority both at the time when it was written and in the mid-seventeenth century, when Dionysios arrived in Moscow. Attempts were made to continue its account of events, one of them, indeed, on the initiative of the government,⁷¹ which shows that the work was not considered outdated. The question of the other sources Dionysios used — whether one of these 'Books of Degrees' (with the supplements) or other works — remains open to investigation.

* * *

Like the *Stepennaja Kniga*, Innokentij Guizel's *Synopsis*, translated by Kosmas Iviritis, was one of the most authoritative works on Russian history. First printed in 1674, it came out in some twenty-nine editions and also had a notable manuscript tradition. The *Synopsis* represented a new trend in historiography that was slow to spread to Russia — a strong leaning towards secular narrative, with more extensive and more critical use of the sources.⁷² Unlike the *Stepennaja Kniga*, which followed the histories of the great princes and comprised a series of self-contained narratives, the *Synopsis* set out to present a unified account. The subject is the history of the Principality of Kiev. The narrative contains chronological lacunae: the consistent account of events stops after the reign of Michail Vsevolodovič, and thereafter

⁷¹ S. Belokurov, *Iz duchovnoj žizni Moskovskogo obšestva v XVII v.* (Moscow, 1903), pp. 53-84.

⁷² There follow some examples from Kosmas's translation. For instance, he frequently presents conflicting evidence: 'καὶ ἐν ἐκείνῳ τῷ πολέμῳ ὁ Ἡζιασλάθης δόρατι λογχευθεὶς ἀπέθανε κατὰ τὴν μαρτυρίαν τοῦ παλαιοῦ ρωσικοῦ χρονογράφου τοῦ ὄσιου Νέστωρος τοῦ μοναχοῦ τοῦ πετζέρσκου· κατὰ δὲ ἑτέρους πολλοὺς χρονογράφους ἀλλέως: Γράφουσι γάρ, ὡς ἐδιώξαντες ἐκ τοῦ θρόνου τῆς Κιοβίας τὸν Κνέζην Ἡζιασλάθην οἱ ἀδελφοί αὐτοῦ.....' (ff. 73-73v). He also comments on the silence of the sources. Thus, in the chapter 'Περὶ τοῦ θανάτου Κίου, Στέρχου καὶ Χορέου καὶ περὶ τῆς κληρονομίας αὐτῶν μετ' αὐτούς', the narrator notes: 'Μεγάλη περὶ τούτου διαφορὰ ἀναμεταξὺ τῶν χρονογράφων, ἔτιν γάρ καὶ ἐμείνασι κληρονόμοι, ἀλλ' ὅμως τῇ γραφῇ ἥσαν ἄγνωστοι, διότι ἀπλοῦς ἦν ὁ λαὸς τὴν γραφήν μὴ οἰδότες. εἰ δὲ καὶ ἦν περὶ αὐτῶν τι γεγραμμένον, βεβαίως καὶ τοῦτῳ διὰ τῶν συχνῶν καὶ μεγάλων πολέμων ἀνάγκη ἐγένετο ἀπολεσθεῖναι, μόνον ὁ Στρίκοδσκης τὸ γένος αὐτῶν φανερώνει...' (f. 18).

only certain incidents are selected from the whole subsequent history of the Russian land — the historic Battle of Kulikovo, events in the Polish and Lithuanian territories in south-western Russia, the history of the Metropolis of Kiev, and the foundation of the Patriarchate of Moscow. A brief review, or rather enumeration, of the voivodes of Kiev follows, bringing us up to the mid-seventeenth century. The final chapters concern the reigns of Tsars Alexej Michajlovič and Feodor Alexejevič and recount the Moscow-assisted victory over the Turks.

Kosmas based his translation on the third, improved, edition of the work, which was produced in 1680 in the Kievan Laura — as were the first two — 'with the blessing of the most honourable lord and father in Christ, Innokentij Guizel', by the mercy of God archimandrite of this Laura.⁷³ I have not been able to compare the Greek text with the Russian. A detailed description of the *Synopsis*,⁷⁴ however, indicates that Kosmas made no significant interventions in the text. The difference between Dionysios and Kosmas in their approach to the sources is also apparent in the inscriptions of the two works. Dionysios does not even mention his sources and makes reference to the eclectic nature of his methodology: "Ιστορία ἡτοι Διήγησις ... μεταφρασθεῖσα δὲ καὶ συλλεχθεῖσα ἐν συντομίᾳ ἐκ τῶν Σλαβαϊκῶν βιβλίων παρὰ Διονυσίου ῥακενδύτου καὶ μεγάλου ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἰβήρων εἰς τὴν ἡμετέραν διάλεκτον, κατὰ τὸ αχζῆν."⁷⁵ The inscription of the Greek *Synopsis* follows the title of the printed Russian text, and further information is supplied in the note on f. 199v: 'Μεταφράσθη ἐν ἔτει 1693ῷ, ἐν μηνὶ ἀπριλλίῳ, ἐν τῇ βασιλευόντῃ μεγαλοπόλει Μοσκῷ, ἐν τῇ σεβασμίᾳ μονῆ τοῦ ἀγίου Νικολάου τῇ ἐπιλεγομένῃ Μπολσάγια Γλαβά, ὑποτελούσῃ τῇ ἐν τῷ Ἀθῷ τῶν Ἰβήρων ιερῷ καὶ βασιλικῇ μονῇ.' In the *Paterik*, which was also translated by Kosmas Iviritis, all the information about the translation (this time the names of both translator and commissioner are given) is supplied in the inscription, after the original title.

The ideological message of the *Synopsis* is conveyed unchanged in translation. Despite the work's 'Kievocentrism', its conception of the

⁷³ МИТ 531, f. 1v.

⁷⁴ A. S. Lappo-Danilevskij, 'Očerk razvitiya russkoj istoriographii', in *Russkij istoričeskij žurnal*, 6 (1920), 18–26.

⁷⁵ *Alexandr.* 383. f. 1. The adjective 'great' (*μεγάλος*) probably replaced the original 'least' (*ἐλάχιστος*), which survives in MSS МИТ 333, Great Laura 135, Benakis 233, and, judging by the inscription in Lambros's catalogue, Iviron 174.

relations between Russia's ancient capital and Moscow essentially coincides with the obviously Muscovite theory of Kievan succession. Tsar Feodor Alexejevič is called the ἄγαθὸς βλαστὸς ἐκ τῆς καλῆς ρίζης τοῦ ἐν εὐσεβείᾳ πρωτάρχου βασιλέως Κιοβίας καὶ πάσης Ῥωσίας αὐτοκράτορος, τοῦ ἀγίου Ἰσαποστόλου Κνέζου Βλαδημήρου, ἀπό τῶν βασιλικῶν δέ αὐτοῦ αἰμάτων καὶ τῆς δσφύος καλῶς ἐκ βλαστήσας.⁷⁶ In the chapter 'Περὶ τοῦ πόθεν οἱ τῶν Ῥωσῶν αὐτοκράτορες στέφανον βασιλικὸν ἔν' ἔαυτοῖς φέρειν ἥρξαντο',⁷⁷ the account of the 'royal signs' Vladimir Monomachus received from Byzantium ends with the statement that his descendants rule and govern the Empire of Moscow and All Russia to this very day.

It is characteristic of the translator's approach to the Russian source as a unified whole that the Greek translation preserves the parts that don't really relate to the main subject of the book, as, for instance, the chapters concerning the history of the Kievan Laura, which is frequently mentioned throughout the narrative. The constant leitmotiv in these descriptions ('Περὶ τῆς καταστροφῆς τῆς ὡραιωτάτης ἀγίας μεγάλης θαυματουργοῦ λαύρας τῆς Κιοβοπετζέρσκας', f. 101; 'Περὶ τῆς ἀνακάμψεως αὐθίς εἰς τὴν πρωτέραν βασιλικήν γένεσιν τῆς θεοσώστου πόλεως Κιοβίας', f. 168r-v) is the special care and attention given to the monastery by the Tsars of Moscow, Alexej Michajlovič and his son Feodor. The inclusion of these chapters of 'local' interest is due, naturally, to the fact that the text had been composed and printed at the Kievan Laura — as, too, had the *Paterik* (1661), of which the main subject is the monastery and its saints. The two texts are manifestly closely connected. For instance, the material used in the *Synopsis* concerning the history of the Russians' conversion to Christianity ('Περὶ τοῦ ποσάκις οἱ Ῥώσοι πρὶν τοῦ βλαδημήρου ἔως τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἐθαπτίσθησαν', ff. 56-58v) is encountered with the same references to the sources in the 'Προοίμιον πρός τὸν ἐντευξόμενον δρθόδοξον ἀναγνώστην, περιέχον ἀποκρίσεις κατά τῶν βλασφημούντων τούς πετζερσκιῶτας ἀγίους',⁷⁸ which precedes the text of the *Paterik* and was also translated by Kosmas.

The thoroughness of Kosmas's translation is also evident in the fact that he includes references to the sources used by the compilers of

⁷⁶ МИТ 531, f. 170.

⁷⁷ Ibid., ff. 78-80.

⁷⁸ МИТ 409, f. 2.

the *Synopsis*. The detailed information about the sources also exemplifies the new trend in historiography, of which the *Synopsis* was part.⁷⁹

In one of the early chapters of the *Synopsis*, in which interpretations are given of the various names applied to the Russians (σλαβάνοι, ρωσιάνοι, etc.), there is the story of how Alexander the Great gave the Slavs a 'πριβηλέγιον ἥγουν γράμμα ἐπί μεμβράνην χρυσίῳ γεγραμμένον ἐν ἀλεξανδρείᾳ, τήν ἐλευθερίαν καὶ τήν γήν αὐτοῖς ἐπιστερέων'.⁸⁰ With reference to the pre-Mongol period, the main part of the *Synopsis* gives a great many of this sort of legendary tale, and their introduction into the narrative might be described (and indeed has been so described)⁸¹ as demonstrating a complete lack of even the most elementary critical approach to the sources. It should be noted, however, that the new trend in historiography also involved a new attitude to the sources, which was close to the modern concept of the 'collection'. As D. S. Lichačev has observed,⁸² one feature of the modern era is the appearance of new tendencies in the handling of old works. In medieval literature, a text developed at every stage of its existence, changed shape, and was added to in accordance with new ideological and aesthetic concepts. In the modern era, however, a source tended to be included in a text with the express intention of preserving it in precisely that form. One would not go so far as to maintain that such was the case with the *Synopsis*: it is much too early to draw such a conclusion. But I believe that it is a very important detail as far as the Greek translator's attitude to his source is concerned. We have here an endeavour to inform, which focuses not only on Russian history but also on the texts themselves, on the sources which are its monuments — on literature itself. In

⁷⁹ Despite its compilatory nature, the *Stepennaja Kniga* (insofar as it may be considered a historiographical work) contains no such references. Even in Dionysios's *History*, in which the Russian material is updated, the system of references is still only in its infancy. Dionysios rarely mentions the cuts he makes (for instance, he usually omits the posthumous miracles of the saints), and at best notes vaguely: 'τὰ δὲ μετὰ θάνατον αὐτοῦ θαύματα εἰσὶ γεγραμμένα ἐν τῷ πανηγυρικῷ βιβλίῳ' (Alexandr. f. 66). He much more frequently contents himself with: 'μετὰ ταῦτα δὲ πολλαὶ λάσεις καὶ πολλὰ θαύματα ἀπὸ τὸν ... τίμιον αὐτοῦ τάφον ἐγινήκασι, τὰ οποῖα διὰ συντομίαν τὰ ἀφήσαμεν' (Alexandr. f. 48v).

⁸⁰ МИТ 531, ff. 4-4v.

⁸¹ Lappo-Danilevskij, 'Očerk', p. 18.

⁸² D. S. Lichačev, *Razvitiye russkoj literatury X-XVII vekov (epochi i stili)* (Leningrad, 1973), p. 22.

other words, together with the criterion of information for its own sake (as in the case of Dionysios Iviritis), there now emerges a 'philological' interest. An excellent example of the coincidence of these two trends is the MIIT 176 manuscript collection. On the one hand, this codex contains works that were translated for the purpose of giving information, such as Nikolaos Spatharis's *Travel Journal*. In six months, Chrysanthos Notaras, who commissioned the translation of the works in the collection, wrote a work of his own, *Κιταία δουλεύοντα*, based on these translations.⁸³ In addition to Spatharis's *Travel Journal*, the report on Feodor Bajkov's journey to China, Petr Godunov's description of China, and other works, the collection also contains two relatively short translations which bear no thematic relationship to the rest of its contents: the above-mentioned 'Διήγησις περὶ τῆς ἀρχῆς τῆς μεγίστης ὁρθοδόξου αὐθεντείας, βασιλευούσης πόλεως Μόσκως', and 'Κυρίλλου Φιλοσόφου τοῦ Ῥωμαίου ὄμιλα εὑσεβοῦς διδαχῆς, πρὸς τὸν εὐσεβέστατον κνέζην Βλαδημήρην'.⁸⁴ These two works are quite worthless as historical sources. The latter constitutes a brief summary of the Scriptures, while the former is a typical example of the inventiveness that had developed in Old Russian literature, when in the midst of medieval 'historicism' the new fictional trend was born (in this particular case, the development of the love theme is significant).⁸⁵ The attraction of these two texts, then, lies not in the historiographical interests of the translators or the commissioner, but rather in its reflection of the new 'philological' tendency towards 'collection' in the gathering of Russian material.

⁸³ E. Legrand, *Bibliothèque grecque vulgaire*, vol. III (Paris, 1881), p. XLIII; Fonkič, 'Grečeskoje knigopisanije'.

⁸⁴ Cf. this text in the *Stepennaja Kniga*, in which this famous 'discourse' is to be found in the account of Vladimir's choice of religion. Though it is not possible for the time being to draw any further conclusions, it is interesting to note the close correspondence between the Greek text and this specific version of the Russian text, even to the extent that the Greek translator as a rule leaves gaps where the Russian text is divided by subtitles. The only difference between the two texts is found at the end: according to the Russian version, the frightful representation of the Last Judgement leads to the conclusion that Vladimir must be baptised in order to avoid suffering the same fate as the sinful; the Greek text ends with the simple wish that God 'may deliver us' from this endless hell. (PSRL, XXI, part 1, pp. 76-88.)

⁸⁵ Salmina, *Povesti o načale Moskvy*, p. 4.

* * *

The last text which concerns us here is the *Chronology and Origins of the Princes and Kings of Russia, in Summary*. As mentioned above, MS MIIT 97, which contains the *Chronology*, gives no information about its author, the sources he used, or the time or place of the work's composition. I believe that it was based on a similar, possibly Russian, text,⁸⁶ which must have been written at the beginning of the period which concerns us here. This would account for the 'salutation' addressed to the Tsar, as also the absence of even a brief account of Alexej's reign: the last detailed (insofar as a chronological table allows) information given concerns Alexej's coronation.⁸⁷ If one accepts this hypothesis, the fact that the last dated entry — about the Tsar's marriage — immediately after the account of the coronation, offers no details of the ceremony and simply mentions the name of the Tsar's bride must mean that this information was added subsequently by the translator. The hypothesis is reinforced by the inaccuracies in the list of the Tsar's sons.

The text is obviously intended for practical use. The material is listed under chronological headings, each beginning with the standard formula, 'In the year...' ('ἐν ἔτει...'). Most of the entries concern the accession to the throne or the death of the various Princes and Tsars of Russia.⁸⁸ Then comes information about wars, battles, truces, etc.,⁸⁹ while third in order of frequency are the entries concerning events in ec-

⁸⁶ The hypothesis that a Russian source was used is supported, for instance, by the rendition of certain Russian personal and place names. To give an example: 'τοῦ δεσπότου ... Θεοδώρου τοῦ Νικητοβίτζη τοῦ πίκλην Ρομάνοβα, ἣς εύσεβέστατος...' (f. 26v); the Russian genitive ending is retained.

⁸⁷ MIIT 97, ff. 28-28v.

⁸⁸ For instance: "Ἐν ἔτει 6760 ἐκάθισεν εἰς τὴν [here the word ὅρδα has been crossed out] βλαδημηρίαν ἀδελφὸς τοῦ ἀποθανόντος Ἀλέξανδρος, ἔγγονος τοῦ Βοεβολόδου, προέγγονος τοῦ Ἰουρίου μακροχείρου, προπροέγγονος τοῦ Βλαδημήρου τοῦ τοῦ [sic] μονομάχου." (f. 9)

⁸⁹ For instance: "Ἐν ἔτει ցփկօ 'Իարօսլանօ հլթեն մէ ֆուսάտօ առանա եւս տօն Տիատոպօլկօն և մէտ' անտօն նարացօն և իարօսլանօ, և տօն էնիկեսեն, ծ ծ Տիատոպօլկօ էփսցն եւս տին Լեշիան." (f. 3v)

clesiastical life, including accounts of divers miracles.⁹⁰ In fourth place there is information about the construction of various buildings.⁹¹

The system of dividing the material up into concise sections is not followed in a few rare instances — one of these being the quite detailed account of Ivan the Terrible. It immediately follows the entry about his birth (which also upsets the chronological order of the entries). A change of style is clearly apparent, dry reportage giving way to vivid and lively narrative: '... μοναχός του ἔζέταζε, δὲν ἐπίστευε ἄλλους. Τὴν νύχτα ἐπεριπάτει μόνος του καὶ ἔζέταζε κρυφᾶ κάθε ὑπόθεσιν καὶ ἐρῶτα πῶς ἐκυβερνούσαν τὰ πράγματα οἱ ἀρχοντες του καὶ εἰς τὰ πρικάζια ἢ εἰς τὰ κουμέρκια, καὶ ἀν ἡθελεν εὔρη παραμικρὸν τίποτες, εὐθὺς ἔκοφτε κεφάλι, χωρὶς καμμίαν εὐσπλαχνίαν, καὶ οὕτως ἔκαμε σχεδὸν κάθε νύκτα καὶ ὅπου καὶ ἀν ἐπεριπάτει τὴν ἡμέραν εἶχε σιμά του καὶ σπεκουλατόρους ἢ τυράννους...'⁹²

Like Dionysios's *History*, the text covers the whole history of the Russian state, contains no significant chronological lacunae, and betrays a greater interest in political than in Church history. Here too there is no commentary on the events, nor is the text underpinned by any obvious ideology (the fact that it focuses on the history of the Great Princes was of no particular significance in the seventeenth century). The differences between the two works lie in the writers' differing intentions: Dionysios gives a unified, fairly detailed narrative free of the year-by-year reporting of events; while the *Chronology* is merely a brief cataloguing of Russian history. Dionysios follows chronological order along general lines, but systematically avoids cutting up his material into self-contained sections; he does not adhere inflexibly to chronological order, however, and allows himself to move freely within time, supplementing his narrative with earlier or subsequent events whenever the logic of the text demands it. In the *Chronology* the rare instances when chronological order is interrupted seem almost to violate a rule, since the main aim here is a precisely chronological account. The reporting of the information is not blessed with the

⁹⁰ For instance: "Ἐν ἔτει 6900 ὁ Σέργιος ἡγούμενος τῆς ἀγίας τριάδος ἀπέθανε καὶ ἐφάνη χάρητι θεοῦ μέγας καὶ πολὺς τὴν ἀγιότητα κάμνοντας θαύματα καθεκάστην." (f. 14v)

⁹¹ For instance: "Ἐν ἔτει 6838 ἐκτίσθη εἰς τὴν Μοσχοβίαν ἐκκλησία τοῦ ἀρχαγγέλου, ὅπου οἱ βασιλεῖς καὶ τὰ νῦν θάπτονται, ἐκτίσθη δὲ εἰς ἔνα καλοκέρι μόνον" (f. 11v)

⁹² ΜΠΤ 97, f. 21.

'polyphony' of the *Synopsis*. In both these works, the events and dates are presented as certain, indisputable facts, but the *Synopsis* does attempt to bring together the contradictory evidence presented by the chroniclers.

The three texts comprising the second group in our series demonstrate three different ways of presenting Russian history: Dionysios gives the basic core of Russian history; the *Chronology* a brief outline for practical purposes; and the *Synopsis* an imperfect encyclopaedia of the early history of the Russian state. (From the Tartar invasion onwards, the latter is merely an arbitrary accumulation of texts that happen to correspond to the ideological leanings of the work's compilers.)

All three cases attest considerable knowledge of the Russian language and Russian life, and this not only enables the authors to use the Russian sources, but is also useful in rendering and explaining Russian place-names and various aspects of Russian life of which the Greek reading public might be ignorant. Thus, for instance, Dionysios explains the difference between the Russian *djak* and the Greek *diakos*: 'τὸ δὲ διάκος κατὰ τοὺς Ἀράσσους είναι ἀξιωμα, καθ' ἡμᾶς δὲ ἥτοι κατὰ τὴν ἡμετέραν διάλεκτον καὶ τάξιν ὑπάρχει καὶ λέγεται ὑπογραφεύς τῶν βασιλικῶν ὑπομνημάτων' (f. 168v). The Greek text of the *Synopsis* shows particular sensitivity to the rendition of Russian personal and place-names. The translator attempts to surmount the difficulties inherent in phonetic rendition by using diacritic marks of his own devising. One of these takes the form of three dots making an inverted triangle: thus, the Russian *š* is rendered as *σ* (e.g. *роскошных* (*roskošnykh*), f. 31v); *č* as *τζ* ("Ηγοροβήτζου" (*Igoroviču*), f. 31v); *šč* as *στζ* (*Στζέκος* (*Sčekos*), f. 16v); while the palatal vowels *ja* and *je* are rendered by diphthongs linked by a curved line below: *ια* (*Γιαροπόλκου* (*Jaropolku*), f. 34v, *κολιαδά* (*koljada*), f. 38v), *ιε* (*Γλιέμπου* (*Glebu*), f. 55). The palatal vowels are rendered in the same way in the *Chronology*. The *Synopsis* also provides glosses: 'Τράφεται μὲν παρὰ ἔλλησι τὸ Ῥώσοι ἐνί σ., παρὰ δὲ Ῥώσσας δυσί σσ. Ωσαύτως καὶ τὰ ἐξ αὐτῶν' (f. 31v). On ff. 115r-v, there is a gloss on the Russian expression *bit' čelom*, which is rendered as 'ἔτυψε τζελόμ'. In the margin, the translator explains: 'ἥτοι ποιῆσαι μετάνοιαν τύψας ἐπὶ τῆς γῆς τὸ μέτοπον. τζελό γὰρ παρ' αὐτοῖς τὸ μέτοπον, δθεν ἡ ὄργανικὴ τζελόμ.'

* * *

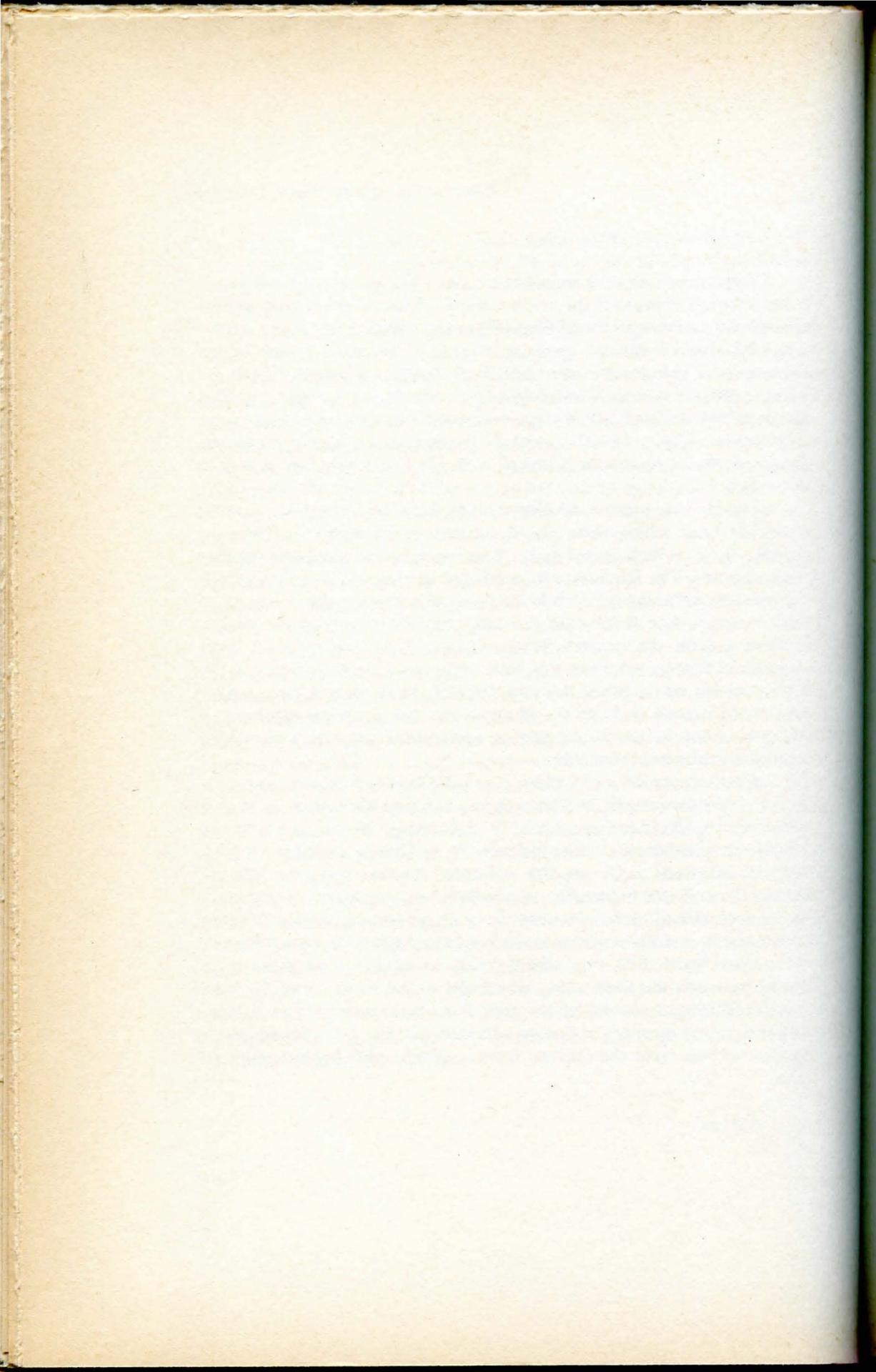
This brings us to the end of our review. The six works upon which it has focused represent the wide variety of forms developed in this new phase in the quality of Greek-Russian cultural relations. An attempt has been made to sketch an outline of the basic trends which characterised the development of Greek-Russian relations. Greek interest in Russia was manifested to begin with through original works, which recorded their authors' experiences and impressions of contemporary Russia. The personal aspect of these texts is clearly apparent, though at the same time it is linked with the Greek scholars' desire to share their knowledge of Russian events with the Greek world.

The next step in the development of this interest took the form of secondary texts which were edited versions or translations of Russian sources, works which were almost completely free of any personal bias or perspective. The scholars who produced them lived, like the preceding writers, in Russia, but this fact no longer influences the character of their writings, which fall into the category of histories or chronicles. In other words, the writers clearly distanced themselves from their subjects. In Dionysios's case, this distancing has a decisive effect on the content of his work, while the other Iviritis, Kosmas, is a 'non-participant' with regard to both the content and the form he employs — which is to say, he simply translates, and indeed has a very clear idea about the nature of his function.

The fact, furthermore, that general histories of Russia were produced by two clerics who had been monks at Iviron Monastery on Mount Athos is of particular importance in the context of research into the Athonite contribution to the spiritual life of Greece under the Turks, and the relations between the Athonite monasteries and Russia. Iviron's dependency in Moscow stands out as an important and constant (in the second half of the seventeenth century) seat of Greek culture in Russia and one of the centres in which spiritual relations were fostered.

Apart from this, our albeit simple comparison of these texts clearly indicates the lines along which the narrative genre of the time was developing, as revealed through texts that were by now Greek. And this, in my opinion, makes an adequate starting point for an investigation of the texts themselves from a purely philological point of view.

Athens

PLETENIE SLOVES IN THE WORKS OF DEMETRIUS CANTACUZENE

Eleni Economou

At the end of the fourteenth and beginning of the fifteenth century, the Palaeologan renaissance was beginning to exert its influence on the school of Euthymius and its immediate sphere.¹ The new wave was characterised by emotional warmth and beautiful, inspiring expression both in literature and in art.² The literature of the Southern and Eastern Orthodox Slavs flowered anew at this time as they cultivated a highly original style, to which specialists have applied Epifanij

¹ A. I. Sobolevskij, 'Južnoslavjansko vlijanje na russkuju pis'mennost' v XIV-XV vekach', *Perevodnaja literatura Moskovskoj Rusi XIV-XVII vekov. Bibliografičeskie materialy. Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademij nauk*, 74 (St Petersburg IAN, Otdelenije Russkogo Jazyka i Slovesnosti, 1903, 1-460; D. S. Lichačev, 'Nekotorye zadači izučenija vtorogo južnoslavjanskogo vlijanja v Rossii', *Issledovaniya po slavjanskomu literaturovedeniju i fol'kloristike: Doklady sovetskikh učenych na IV Meždunarodnom s'ezde slavistov* (Moscow, 1960), pp. 95-151; M. Mulić, 'Vizantijska kulturnoknjževna tradicija kao baza slavenske književnosti', *Filološki pregled*, 1-4 (1966), 71-89; idem, 'Prilog pitanju ruskoga utečaja na južnoslavenske književnosti u srijednom vijeku', *Radovi Zavoda za slavensku filologiju*, XIII (1971), 21-32; D. S. Lichačev, *Razvitie russkoj literatury X-XVII vekov* (Leningrad, 1973), pp. 75-137.

² O. F. Konovalova, "Pletenie sloves" i pletenie ornament konca XIV v. (k voprosu o sootnošenii), *Trudy Otdela Drevnerusskoj Literatury*, XXII (1966), 101-11; S. Radojčić, *Staro srpsko slikarstvo* (Belgrade, 1966); V. N. Lazarev, *Russkaja srednevekovaja živopis': Stat'i i issledovaniya* (Moscow, 1970), pp. 234-78; V. J. Đurić, *Vizantijske freske u Jugoslaviji* (Belgrade, 1974); R. Hamann-MacLean and H. Hallensleben, *Die Monumentalmalerei in Serbien und Makedonien vom 11. bis zum frühen 14. Jahrhunderten*, 3 vols (Giessen, 1963-76); G. K. Vagner, *Problema žanrov v drevnerusskom iskusstve* (Moscow, 1974), esp. pp. 175-251.

Premudryj's term, *pletenie sloves*, or the 'weaving of words'.³ This was a deliberately contrived, artistic, and ornate style, the purpose of which was to appeal to the reader's senses and thus arouse the feelings and sentiments necessary for receiving the writer's message. This flowery style was employed by such writers as Euthymius of Trnovo⁴, Grigorij Camblak, Konstantin Kostenečki, and Kyprian, as also by other scholars, such as Demetrius Cantacuzene, whose style has not yet been closely examined. The relationship built up between the writer, expressing himself with such eloquent elegance, and the reader, is described in the following passage, which dates from an earlier period.

³ V. P. Zubov, 'Epifanij Premudryj i Pachomij Serb. (K voprosu o redakcijach "Žitija Sergija Radonežskogo")', *Trudy ODRL*, IX (1953); D. S. Lichačev, *Nekotorye zadači...,* 144; M. Mulić, 'Srpsko "pletenje sloves" do 14. stoljeća', *Radovi Zavoda za slavensku filologiju*, V (Zagreb, 1963), 117-29; idem, 'Plethenije Sloves i hesihazam', *Radovi ZSF*, VII (1965), 141-56; idem, 'Serbskie agiografii XIII-XIV vv. i osobennosti ich stilja', *TODRL*, XXIII (1968), 127-42; Ju. K. Begunov, 'Problemy izuchenija toržestvennogo krasnorečija južnykh i vostočnykh slavjan IX-XVI vekov (K postanovke voprosa)', *Slavjanskie literatury: VII Meždunarodnyj s'ezd slavistov, Varšava 1973, Doklady sovetskoy delegacii*, edited by M. P. Alekseev, D. F. Markov, and A. N. Robinson (Moscow, 1973), pp. 380-99; idem 'K stilistike toržestvennogo krasnorečija: Kirill Turovskij i Grigorij Camblak', *Tarnovska knižovna škola 1371-1971* (Sofia, 1974), pp. 39-51; idem, 'Tipologija oratorskoj prozy Bolgarii i Rusi IX-XII vv.', *Anzeiger für slavische Philologie*, 7 (1975), 133-50; F. C. M. Kitch, 'The Literary Style of Epifanij Premudryj: Plethenie Sloves', *Slavistische Beiträge*, 96 (Munich, 1976); R. Pope, 'Neskol'ko zamečanij o literaturnom metode Epifanija Premudrogo', *Kul'turnoe nasledie drevnej Rusi*. (Moscow, Nauka, 1976), pp. 88-94; R. Picchio, 'L'intreccio delle parole e gli stili letterari presso gli Slavi ortodossi nel tardo medio evo', *Studi slavistici in ricordo di Carlo Verdiani*, edited by Anton Maria Raffo (Pisa, Giardini, 1979), pp. 245-62; J. Børtnes, 'The Function of Word-Weaving in the Structure of Epiphanius' Life of Saint Stephan, Bishop of Perm', *Medieval Russian Culture*, edited by H. Birnbaum and M. S. Flier, California Slavic Studies, 12 (1984), pp. 311-42; idem, *Visions of Glory: Studies in Early Russian Hagiography*, English translation by Jostein Børtnes and Paul L. Nielsen, Slavica Norvegica, V, Solum Forlag A/S: Oslo, 1988, Humanities Press International, Inc.: New Jersey, pp. 126-93.

⁴ A comparative analysis of the byzantine hagiographical style and its transmitted new form to the slavic orthodox literatures in Cv. Vrantska's brilliant study: 'Stilni pohvati na Patriarh Evtimij', *Sbornik na Bălgarskata Akademija na Naukite i Izkustvata, Klasič-istor.-filolog. i filosof. obštstvo*, 37 (1942), pp. 105-280.

With reference to the aesthetic pleasure he derives from reading the highly expressive works of Gregory of Nazianzus, the eleventh-century Byzantine scholar Michael Psellus writes: 'I myself, each time that I read him, and I frequently turn my attention to him, first for philosophy and then for recreation,⁵ am overwhelmed by the grace of the indescribable beauty of his language, and my mind often strays from what I have been studying. I release my mind from theology to float through the rosery of words; and I am robbed of my senses. But knowing that I have been robbed, I yet love and adore him who has thus plundered me.'⁶ This text is possibly the most expressive ever written of the emotion aroused by *pletonie sloves*. While admiring the philosophical content of Gregory's work, which is expressed on a very high level indeed, Psellus is swept away by the play of words. It is precisely this aspect that I intend to discuss in the works of Demetrios Canatacuzene.

A scion of the Byzantine Cantacuzene family,⁷ Demetrios lived and worked amongst the Slavs of the Balkans.⁸ His scholarly work,

⁵ Concerning rhetoric termed 'recreation', see Plato, *Phaedrus*, edited by I. Burnet (Oxford, 1973), 261a, 271cd.

⁶ Michael Psellus, Λόγος πρὸς Πόθον βεστάρχην 3, edited by A. Papadopoulos Kerameus in: 'Τρηγόριος ὁ Θεολόγος κρινόμενος ὑπὸ Μιχαήλ τοῦ Ψελλοῦ', *Zurnal ministerstva narodnogo prosveschenija*, 25 (1910), 5. See also A. Meyer, 'Psellos' Rede über den Rhetorischen Charakter des Gregorios von Nazianz', *Byzantinische Zeitschrift*, 20 (1911), 27-100.

⁷ See D. Nicol, *The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus) ca. 1100-1460: A Genealogical and Prosopographical Study* (Dumbarton Oaks, 1968), Dumbarton Oaks Studies, XI, pp. 226-7.

⁸ The first scholars to initiate research into the studies connected with Demetrios Cantacuzene were: D. Marinov, 'Dimitri Kantakuzin', *Sbornik za narodni umotvoreniya, nauka i knižnina*, XVIII (1901), 74-98; and P. A. Syrku, *Očerki po istorii literaturnych snošenij Bolgar i Serbov v XIV-XVIII vekach* (St Petersburg, 1901), esp. pp. CCII-CCXI; A.-E. Tachiaos's article, 'Nouvelles considérations sur l'œuvre littéraire de Demétrius Cantacuzène', *Cyrillomethodianum*, I (Thessaloniki, 1971), 131-82, gives and discusses a full bibliography spanning the seventy years thereafter (see esp. p. 132), and publishes two of Demetrios's works: the *Encomium of St Demetrius* taken from a manuscript of Chelandar Monastery, and, for the first time, the *Letter to the Domestichos Isaiah* (pp. 159-82). In the same year, D. Petkanova-Toteva made a fresh appraisal of Cantacuzene's biographical and literary work in her article, 'Dimităr Kantakuzin — žiznena sâdba i poetičesko otkrovenie', *Starobălgarska literatura*, I (Sofia, 1971), 243-61. In 1979, the first monograph on

written in Serbian, clearly reveals his Greek learning and literary talent: varied in both form and content, it ranges through lives of saints, encomia, poetry, letters, and geographical notes, and embraces both religious and secular subjects. Demetrius Cantacuzene typified the Southern Slav, a man of the Balkans who travelled and wrote and lived the international⁹ tradition of the Byzantine Hesychasts.¹⁰ Of Greek extraction, he spent the first years of his life in Novo Brdo, but left after the Turkish massacre of 1467,¹¹ and thereafter divided his time between Rila and Serres. A large part of his work, namely the *Life*¹² and the *Service*¹³ of St John of Rila, is dedicated to Bulgarian

Demetrius Cantacuzene was published by G. Dančev, *Dimităr Kantakuzin* (Sofia, 1979); see also idem, 'Dimităr Kantakuzin, i agiografskite tradicii na Tārnovskata knižovna škola', *Tārnovska knižovna škola*, 2. Učenici i posledovateli na Evtimiji Tārnovski: Vtori meždunaroden simpozium, Veliko Tārnovo, 1976 (Sofia, 1980), pp. 156-68; K. Stančev, 'Dimităr Kantakuzin', *Tvori na bālgarskata literatura*, vol. I (Sofia, 1980), pp. 143-51. In 1984, the whole of the Service of St John of Rila was published as a critical edition based on four copies of manuscripts and taking into account Stefan Kožuharov's edition of Neofit Rilski's first printed edition of the work, 'Prinosat na Dimităr Kantakuzin v razvitioto na himnografskija cikāl za Ivan Rilski (Služba za 1. VII)', *Starobālgarska literatura*, 15 (1984), 74-105 (text 87-105). Finally, a critical edition of Cantacuzene's collected works has been published by the Bulgarian Academy of Sciences in Sofia, 1989: *Dimităr Kantakuzin: Sābrani Sāčinenja*, edited by B. Angelov, G. Dančev, S. Kožuharov, and G. Petkov. Brief excerpts from the Service with a modern Serbian translation have been published by Đ. Trifunović, *Dimitrije Kantakuzin*, in the series *Zivi pesnici*, (Belgrade, 1963), pp. 106-7.

⁹ I borrow the A. Elian's term: 'Byzance et les Roumains à la fin du Moyen Age', *Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies* (Oxford 1966), London, 1967, 199.

¹⁰ See Syrku, *Očerki*, CCII-CCX; A.-E. Tachiaos, 'Επιδράσεις τοῦ ἡσυχασμοῦ εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν Ρωσίᾳ, 1328-1406 (Thessaloniki, 1962), pp. 96-102; Cf. idem, 'Nouvelles considérations', 146; K. Ivanova-Konstantinova, 'Njakoi momenti na bālgarovizantijskite literaturni vrāzki prez XIV v. Isihazmāt i negovoto pronikvane v Bālgarija', *Starobālgarska literatura*, I (1971), 209-42; John Meyendorff, *Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century* (New York, 1989), pp. 119-44.

¹¹ A.-E. Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 132.

¹² The *Life* and a short encomium of John of Rila was published for the first time by Marinov, 'Dimităr Kantakuzin' *SbNU*, XVIII, 86-98; and later by J.

subjects. All his literary output, both prose and verse, is imbued with an intense lyricism and is strongly characterised by his own particular style of *pletenie sloves*. Scholars of *pletenie sloves* have maintained that other writers of Lives of saints adopt this style only in their hagiographical and encomiastic works: this is not true of Demetrius Canatacuzene, whose every work overflows with the fine qualities of the Slavonic concept of the 'weaving' or 'braiding of words', in its broadest sense of the ability to create style. This is also true of the work of other Southern Slav and Russian writers of his time. According to Academician D. S. Lichačev, this style is intimately bound up with the word: assonance, alliteration, etymology, neologisms, calques, intonation, and parallelism are interlaced and entwined in a poignancy of expression which conveys the writer's message to the seat of the reader's emotions.¹⁴ A typical example of this is Epifanij Premudryj's *Life of Stefan of Perm*.¹⁵

Investigating the sources of the Serbian *pletenie sloves*, Mulić finds that its most distant origins lie in Russian literature,¹⁶ specifi-

Ivanov, 'Zitija na sv. Ivana Rilski s uvodni beležki', *Godišnik na Sofijskija Universitet, Istoriko-Filologičeski fakultet*, XIII (1936), 22-5, text: 86-102; and B. Angelov, 'Zitie s mala pohvala na Ivan Rilski', *Dimităr Kantakuzin, sâbrani săcinenija*, pp. 21-43, text: 26-43. See also idem, 'Nova redakcija na povestta za Ivan Rilski', *Izvestija na Institut za bălgarska literatura*, 9 (1960), 247-57; G. Dančev, 'Nova redakcija na Rilskata povest na Vladislav Gramatik', *Slavistični proučvania: Sbornik posveten na VII međunaroden slavističen kongres*, published by Veliko Trnovo 'Kiril i Metodij' University (Sofia, 1973), pp. 317-31. The text has been translated into modern Bulgarian by A. Minčeva, 'Zitie s malka pohvala na Ivan Rilski ot Dimităr Kantakuzin', *Zitiepisni tvorbi, Stara bălgarska literatura*, edited by K. Ivanova, Bălgarski pisatel (Sofia, 1986), pp. 148-64 text, 556-563 comments.

¹³ Kožuharov, 'Prinosat', 87-105, and *Dimităr Kantakuzin, Sâbrani săcinenija*, 58-77.

¹⁴ Lichačev, 'Nekotorye zadači', 114-51.

¹⁵ *Zitie Stefana Permskogo*, Izdanie Archeografskoj Komissii (St Petersburg, 1897).

¹⁶ Mulić, 'Srpsko pletenije', 120. This study considerably expanded both the geographical and the temporal scope/limits of the Serbian *pletenie sloves*, for researchers had hitherto either ignored or at least depreciated/disparaged the Serbian contribution to the second south Slavonic influence and consequently to the gradual development of this stylistic particularity. Such was the position of A. I. Sobolevskij, 'Južnoslavjanskoe vlijanie'; K. Radčenko,

cally in Metropolitan Ilarion's *Slovo o zakone i blagodati*, which was the common stylistic source of both Epifanij Premudryj and Domentijan (who wrote a *Life of Symeon and Sava*). Domentijan, indeed, borrows not only the panegyrical and Byzantine rhetorical style, but whole chapters at a time.¹⁷ Ilarion's and Domentijan's continuators followed parallel stylistic paths. The fourteenth-century Serbs became keenly aware of Byzantine influence, first on Mount Athos,¹⁸ where *nedelniki*¹⁹ and the works of Ephraem Syrus²⁰ were being translated and Lives of saints written (at the original instigation of Sava), and to a lesser extent in Constantinople, where there was a Serbian and Russian colony.²¹ The Serbs were breathing the atmosphere of Greek-speaking Byzantine Hesychasm, which offered them the ideological and cultural substructure of the new literary style; but they were also receiving the same message from Trnovo, which was the most immediate vehicle of the Byzantine element. The reforms undertaken by Patriarch Euthymius were carried out in the context of the Byzantine worldview and aesthetic. In the Byzantium of Hesychasm, the epic

Religioznoe i literaturnoe dvizhenie v Bolgarii v épochu pered tureckim zavoevaniem (Kiev, 1898), 299; and D. S. Lichačev, 'Nekotorye zadači'. It is interesting to note that H. Birnbaum supports Mulić's reappraisal and the re-orientation of scholarly opinion concerning the scale/spread of the second south Slavonic influence within a network of south Slavonic and Russian centres which mutually influenced each other: 'The Balkan Slavic Component of Medieval Russian Culture', *Medieval Russian Culture*, edited by H. Birnbaum and M. S. Flier, California Slavic Studies, 12 (1984), pp. 3-30; see also H. Birnbaum, 'Old Rus' and the Orthodox Balkans: Differences in Kind, Extent, and Significance of the Earlier and the Later Cultural Impact', *Cyrillomethodianum*, VIII-IX (1984-5), 1-15.

¹⁷ Mulić, 'Srpsko pletenje', 119-20.

¹⁸ I. Dujčev, 'Centry vizantijskoslavjanskogo obščenija i sotrudničestva' *TODRL*, XIX (1963), 107-29; Mulić, 'Srpsko pletenie', 125; idem, 'Pletenie i hesihazam'; A.-E. Tachiaos, 'Mount Athos and the Slavic Literatures', *Cyrillomethodianum*, IV (1977), 1-35; G. M. Prochorov, *Pamjatniki literatury vizantijskorusskogo obščestvenogo dvizhenija epochi Kulikovskoj bitvy* (Lenigrad, 1977).

¹⁹ L. Stojanović, *Stari srpski zapisi i natpisi*, vol. III (Belgrade, 1905), p. 39.

²⁰ Stojanović, *Stari srpski*, vol. I (Belgrade, 1902), p. 28.

²¹ *Zivoti kraljeva i arhiepiskopa srpskih*, edited by D. Daničić (Zagreb, 1866), p. 134.

and the hero²² are replaced by the Life and the Saint, martial valour becomes the perfecting of man through his brief earthly span, athletic contests the tormenting of body or conscience; the sword is the Saint's cross, and the victor's laurel-wreath the encomium, the laudation, which must be intricately woven and beautifully ornamented, made of no physical substance but of words.²³ This was why a work concerning a Saint had to be written in a high-flown style, *no ακοντί*, even if intended for the people. It was hagiographical works that were required, particularly when the hero was a contemporary of the Hesychast hagiographer (as was the case with Palamas, Callistus, Patriarch of Constantinople, Gregory Camblak, and Epifanij Premudryj), for it was thus that Hesychasm's victory over heresy was demonstrated. The saint who ends his days as an ascetic is the very proof of Orthodoxy and his life is the criterion of correct doctrine in action. This aspect, certainly, does not apply to Demetrius Cantacuzene, for he did not write about contemporary saints; but the fact that he produced a Life and encomium of St John of Rila, as did Euthymius, as also encomia of St Demetrius²⁴ and St Nicholas,²⁵ about whom

²² H. Delehaye, *Les Passions des martyrs et les genres littéraires*, Bureau de la société des Bollandistes (1921).

²³ Concerning the manneristic concepts of ancient Greek rhetoric and the semantic development of the Homeric: 'God crowns form with words', see Mulić, 'Pletonije i hesihazam', 143-5.

²⁴ B. Angelov, 'Dve neizvestni tvorbi na Dimităr Kantakuzin', *Izvestija na Instituta za bǎlgarska literatura*, VIII (1959), 263-73; A.-E. Tachiaos, 'Nouvelles considérations', critical edition of the text: pp. 152-9; G. Dančev, 'Neizvesten prepis na "Pohvalno slovo na Dimităr Solunski" ot Dimităr Kantakuzin', *Izvestija na Institut za literatura*, XXI (1972), 67-78; Đ. Trifunović, *Dimitrije Kantakuzin*, 110-11. See also G. Dančev's critical edition, *Dimităr Kantakuzin* (1989), pp. 78-90, text 82ff; and a modern Bulgarian translation by Dančev in *Oratoraska proza*, edited by L. Graševa, *Stara bǎlgarska literatura*, vol. II (Sofia, 1982), pp. 241-7.

Concerning the cult of St Demetrius in the Byzantine-Slavonic world, Ant. Papadopoulos, 'Ο ἄγιος Δημήτριος εἰς τὴν Ἑλληνικὴν καὶ βουλγαρικὴν παράδοσιν', (Thessaloniki 1971); see D. Obolensky, 'The Cult of St Demetrius of Thessaloniki in the History of Byzantine-Slav Relations', *Balkan Studies*, 15 (1974), 3-20; V. Tǎpkova-Zaimova, 'Les Légendes de Saint Démétrius dans les textes byzantines et slaves', *Slavjanskie kul'tury i Balkany*, 1. IX-XVII vv, (Sofia, 1978), pp. 161-9; eadem, 'Kultat na sv. Dimităr Solunski i njakoi vǎprosi,

Philotheus Kokkinos also wrote, shows that he embraced the unbroken Hesychast ideology shared by both Greeks and Slavs, and that he drew upon this tradition for his themes and the aesthetic basis of his own *pletenie sloves*.²⁶

Furthermore, the circumstances of his time, which were those of slavery to the Turks and the moral degradation of prelates, clergy, and people, compelled him not to write encomia of contemporary figures, but to censure the prevailing state of corruption, bemoaning enslavement and seeking its causes in the devil. The images of the desert, both moral and political, and of the lack of 'living water' are biblical motifs²⁷ which frequently appear in his work, together with the counter-balancing images of the bird of the desert, the saint and his tears, the tears and blood of the faithful, the blood of Christ, and Mount Athos, whose monks he sees as angels of the desert who have not succumbed to the Latin heresy²⁸. In this case, Cantacuzane's brief but laudatory words about Sultan Mohammed II²⁹ are a striking exception. According to K. Ivanova³⁰, this short commendation of the Moslem conqueror was precipitated by the fact that the Sultan had given his consent for the relics of St John to be translated from Tirnovo to Rila Monastery. She thinks it significant too that Demetrius Cantacuzane was a civil servant, and also that he was related to the Syltan's widow Mara. Without wishing to exclude the human factor, I do feel that all this should be considered and interpreted in the light of a number of contemporary texts. Demetrius displays the same attitude as other

svārzani s vizantijskoto kulturno vlijanie v balkanskie i slavjanske strani', *Problemi na balkanskata istorija i kultura* (Sofia, 1979), pp. 5-18.

²⁵ B. Angelov, 'Dve neizvestni', 273-4; idem, in *Dimităr Kantakuzin* (1989), 91-2; modern Bulgarian translation by G. Dančev and G. Petkov in *Oratorska Proza*, 247-8; excerpts with modern Serbian translation by Đ. Trifunović in *Dimitrije Kantakuzin*, pp. 114-17.

²⁶ See D. S. Lichačev, *Celovek v literature drevnej Rusi*, second edition (Moscow, 1970).

²⁷ Cf. A. von Schmücke, 'Sprachliche Verfahren in hagiographischen Texten', *Slavistische Studien zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988*, edited by R. Olesch and H. Rothe (Cologne and Vienna, 1988), pp. 521-42.

²⁸ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 142

²⁹ Ivanov, 'Zitija', 98

³⁰ *Zitiepisni tvorbi, Stara bāgarska literatura IV*, (Sofia, 1986), 558.

Orthodox Christian writers as George of Trebizond³¹, George Amiroutzes³², Francis Philelphus³³, who believe that the Christian nations were subjugated by the Moslems with God's consent because of their sinfulness. In keeping with this perception, they prefer to be occupied by the infidel rather than to align themselves with the aberration which is Roman Catholicism³⁴. Cantacuzene's pen bedecks the non-Christian ruler with virtues encountered in the ideology of Byzantine theocracy. The commendation has to be articulated, because the Sultan is filling in the lacunae created by the dissension and sins of the Orthodox. The translation of the relics of the best-loved saint in Bulgaria, John of Rila, was a sacred mission, and it had been fulfilled by this foreign ruler. The saint's relics would bring blessings and spiritual rebirth to the place and the people who received them. And perhaps it is no coincidence that Cantacuzene ends his encomium to John of Rila by citing the example of the good thief, who inherited the kingdom of heaven even as he hung on the cross³⁵. For this reason alone, the infidel conqueror is regarded as almost godsent. In all other respects, Demetrius is oppressed by the burden of the Ottoman yoke and seems to be mulling over the notion of a universal consciousness shared by all the united Orthodox of the Balkan Peninsula³⁶. The lamentation brings him and his contemporaries down to Tartarus, while the

³¹ A. Mercati, 'Le due leterre di Giorgio di Trebisonda a Maometo II', *Orientalia Christiana Periodica*, Rome IX (1943), pp. 65-68; G. Toffanin, *Lettera a Maometto II ... di Pio II*, (Naples, 1953); Γ. Ζώρας, *Γεώργιος ὁ Τραπεζούντιος καὶ αἱ πρὸς ἐλληνοτουρκικὴν συνεννόησιν προσπάθειαι αὐτοῦ*, (Athens, 1954); Th. Khoury, 'Georges de Trebizonde (1395-1484) avocat de l'union politico-religieuse de l'Islam et du Christianisme', *Revue de l'Orient Chrétien* 18 (1968); M. Balivet, 'Deux partisans de la fusion religieuse des Chrétiens et des Musulmans au XVe siècle: le turc Bedreddin de Samavna et le grec Georges de Trebizonde', *Βυζαντινά* 10 (1980), pp. 363-400.

³² Γ. Τωμαδάκης, 'Ετούρκευσεν ὁ Γεώργιος Ἀμιρούτζης;', 'Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν' 18 (1948), pp. 99-143; A. Argyriou-G. Lagarrigue, *Georges Amiroutzès et son "Dialogue sur la foi au Christ tenu avec le Sultan des Turcs"*, (Amsterdam, 1987).

³³ E. Legrand, *Cent-dix lettres grecques de François Filelfe*, (Paris 1892), espec. pp. 211-214.

³⁴ Tachiaos, 'Ἐπιδράσεις τοῦ ἡσυχασμοῦ', pp. 96-102.

³⁵ Ivanov, 'Zitija', 102.

³⁶ Iv. Dujčev, 'La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine', *Byzantinoslavica*, XIV (1954), pp. 45-51.

encomium raises the saint and the Blessed Virgin to Heaven. Strongly contrasting images, negations and positions even in small lectal units, make up the stylistic dramatisation of the dialectic of the Christian struggle. Poetry pervades Cantacuzene's every work, whether prose or verse. Each and every subject to which he dedicates his writing — the Virgin Mary, the saint, the love of God, the mystery of death, the angels — is worthy of glory and laudation; they are objects of poetry and deserve the highest praise. But there is a vast gulf between the subject of the poetry and the poet himself, for the former is either the archetype or has attained 'the likeness of God', while the human poet is the stain on the image. This is why symbols are employed. The difference between symbol and truth is the difference between image and prototype. This typology is the central axis of Cantacuzene's work: the laudation of the archetype or prototype must be rendered by a doxology, an encomium. The best possible poetry for this laudation is called upon to bridge the tragic distance between the maculate image and the prototype, through vertical antitheses. In contrast, *izvitie sloves*³⁷ employs horizontal tautological groups, synonyms, etymological groups, repetition, cyclical forms, litotes, antonomasia, rhyme, and forms which appeal primarily to the ear. Thus, Cantacuzene's stylistic forms develop around a cruciform schema, which endeavours to provide a solution to the writer's agonising struggle to find the best means of expressing praise or lamentation. This is why he uses *pletenie sloves* to push language to the very limits of its possibilities, to demolish the barrier of the restricted lexical norm. The anguished quest for new verbal forms is expressed through an internal rhythm. Using as a vehicle the rhetorical tradition inherited from Hermogenes, Aphthonius, Minucian, and Joseph Rakendytes,³⁸ Byzantine Hesychasm enables Cantacuzene to pair his words in negation and affirmation. The countless questions in the text, such as: *Уто рѣкъ или что възглаголю;*³⁹ *что оубо достоинно шврѣшоу къ твоен высотѣ Аовродетелен и чудесъ похвалкню;*⁴⁰ *что пакы рѣкоу, или что възглаголю въ*

³⁷ Mulić, 'Srpsko pletenije', 127

³⁸ Cf. G. Kustas, *Studies in Byzantine Rhetoric*, Analecta Vlatadon, 17 (ed. P. Christou), Patriarchal Institute for Patristic Studies (Thessaloniki, 1973); J. Alissandratos, *Medieval Slavic and Patristic Eulogies*, Studia Historica et Philologica, XIV, Sectio Slavica, 6 (Florence, 1982).

³⁹ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 159.

⁴⁰ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 158.

истинъ не дооумѣваю се...;⁴¹ И что възdam ти, въ слѣдѣнїе, въ сїихъ мѣсто.⁴² Кое слово сїа исчѣти възможеть / кое шть кынѣ прѣкѣ да скажет се / кое прѣжде по дѣлѣ да исповѣсть се / кое ли похваленїе достонно / кое величествѣ вожественные славѣ,⁴³ and a host of others have their ideological basis in the conception of the Divine Name.

The Old Testament God is Yahweh, he who has no name, 'the One'; the God of the New Testament is 'love', 'life', 'light', and 'truth'. Hesychast literature, which Cantacuzene knows so well, centres on the pseudo-Areopagite's 'On divine names', Maxim the Confessor and his commentary on divine names, and Gregory Palamas's summary of the strong Hesychast tradition. This is what made Cantacuzene realise the writer's inadequacy to produce language worthy of the prototype to be lauded or the evil to be condemned. *Pletonie sloves* is the solution which brings a vocabulary pluralism to remedy the lexical paucity in which human language is imprisoned. In this respect, a dynamic use of adjectives plays an important part in the development of Cantacuzene's style. The adjective and the participle are abundantly employed to make the substantive's meaning more specific and to intensify the reader's emotional response. He also shows a strong tendency to use or invent new adjectives and substantives, particularly compound ones, which assist simile and metaphor and function through assonance. Cantacuzene also seeks out compound words in which one of the components comprises the morphemes **благо-**, **любо-**, **от вого-**, usually for laudatory purposes, while **зло-**, **мало-**, **вез-**, **от не-** are used for condemnation. The combinations are endless. The following are a few examples: **приснопѣніе благодарственное**,⁴⁴ **праздниколюбци и моченикилюбци и воголюбци**,⁴⁵ **любослышателіе**,⁴⁶ **сладкогласныи и многопицал 'ни**,⁴⁷ и

⁴¹ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 160.

⁴² From the Enconium of St Nicholas, B. Angelov, *Dimitar Kantakuzin* (1989), 92.

⁴³ Molitva, stanza 59-60a, in Dimitar Kantakuzin, *Sabrani Sâcinenija*, 120.

⁴⁴ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 155.

⁴⁵ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 152.

⁴⁶ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 156.

⁴⁷ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 159.

зломоудрихъ и шкаанъ нинъ,⁴⁸ злочытростъ,⁴⁹ безнадеждныи,⁵⁰ тѣло
многотерпѣливое.⁵¹

The Slavonic literary tradition had acquainted Cantacuzene with the achievements of Byzantine hymnography, such as the Service of the Acathist Hymn to the Virgin Mary,⁵² and he thus includes a number of salutations in his Encomium of St Demetrios of Thessalonica and his Prayer to the Blessed Virgin. In the last chapter of the Encomium, he describes the Saint as a fertile olive and a beautiful red rose adorned with his own blood.⁵³ St John of Rila is a 'denizen of the desert, man of heaven, earthly angel'.⁵⁴ This motif, which is encountered in earlier hymnography and is followed here by a long discourse, comprises three juxtaposed figures of speech, metaphor, contrast, repetition, each of which is a restatement of the same idea; all together they form an epexegesis to the holy history of the name John through pairs of adjectives and substantives in which the concepts behind the adjectives seemingly conflict with those of the substantives. It is through these apparent incompatibilities that he endeavours to express transcendent concepts which are beyond words. The Saint closed the doors of his soul that the devil might not enter. The 'door' is a metaphor frequently encountered in hymnography — the door of the soul, the gate of hell, the portals of death — and is another favourite motif for Cantacuzene. The devil rejoices in sin, while the saint achieves sanctity. He is tried and tested as is gold in fire.⁵⁵

Demetrius Cantacuzene wrote the Service for the translation of St John of Rila's relics from Trnovo to Rila Monastery. It comprises the greater and lesser Vespers and Matins, and clearly demonstrates its author's poetic gifts. Hymnography is a genre which has to follow the traditional rules of devotional poetry. Furthermore, the hymnogra-

⁴⁸ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 182.

⁴⁹ Ivanov, 'Zitija', 91.

⁵⁰ Molitva, v. 49.

⁵¹ *Služba*, troparion 15, Kožuharov, 'Dimităr Kantakuzin' (1989), 60

⁵² Cf. R. Mathiesen, 'Nota sul genere acatistico e sulla letteratura agiografica slava', *Ricerche slavistiche*, XIII (1965), 57-63; See *Srbljak, Službe, kanoni, akatisti*, edited by Đ. Trifunović, translation by D. Bogdanović, vol. III (Belgrade, 1970), pp. 211-39, 435-81.

⁵³ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 158.

⁵⁴ Ivanov, 'Zitija', 89.

⁵⁵ Ivanov, 'Zitija', 91-2.

pher has to have a knowledge of music, so that the words may bear a thematic and morphological relationship to the melody. Here the use of encomiastic *pletenie sloves* reaches its apogee.

Cantacuzene's acrostic to John of Rila, *Похвалоу ти оче Іоанне плетоу Димитріе*, is another metaphor. Although prose does not have to follow the rules of stress, much less those of syllabics, it possesses an internal rhythm;⁵⁶ it is, as Cantacuzene himself observes, writing 'po stihom'.⁵⁷ The isocolic structure supports the rhythm of the sentence and makes poetry of it. The rhythmic cadences of the short prose clauses become the poetic technique of "the weaving of words". The following examples are an early attempt at an isocolic reading of texts by Cantacuzene:

3	Подовно Ѹво /сіє /тъвє
3	и Ѣшо /да приложимъ /сіа
3	ты /млднцѣм /въспитатель
3	ты /юности /наказатель
2	мъжъств /производителъ
2	старости /чъсть
2	въкѣпѣ /и жъдъль

⁵⁶ Concerning the use of the isocolic principle in the medieval Slavonic texts, see R. Picchio, 'Strutture isoliche e poesia slava medievale: A proposito dei capitoli III e XIII della Vita Constantini', *Ricerche slavistiche*, XVII-XIX (1970-72), *In memoriam G. Maver Sansoni Editore*, (Rome and Florence, 1973), 419-45; idem, 'The Isocolic Principle in Old Russian Prose', *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*, edited by R. Jacobson, S. H. van Schooneveld, and D. S. Worth, Mouton (The Hague and Paris, 1973), pp. 299-331; idem, 'Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom', *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, Warsaw 1973, II. Literature and Folklore*, edited by V. Terras, pp. 439-67; idem, 'The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of "Slavia Orthodoxa"', offprint from *Slavica Hierosolymitana*, I, (Jerusalem 1977), The Magnes Press and The Hebrew University, pp. 1-31; idem, 'Vârhu izokolnite strukturi v srednovekovnata slavjanska proza', *Literaturna Misâl*, 3 (1980), 75-107. Dim. Dritsas in his corpus, 'Ο εўрұтмос патерикð лόγος εις τὴν ιστορικὴν του ἐξέλιξιν. (Η προϊστορία τοῦ κοντακίου)', (Athens, 1986) applies rhythmic reading on early greek patristic texts up to the fifth century.

⁵⁷ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 181, line 188.

2	слѣпіймъ /виждъ
2	слѣпіймъ /исправленіе
2	влаѣціймъ /врачъ
2	нemoциймъ /помощь
2	плавающійм /наставникъ
3	потапляеміймъ /избавитель /и пристанище
2	пътъшествующіймъ /съшѣстъвникъ
2	плѣнникум /избавленіе
2	иже въ таланицахъ /сковожденіе
2	и въ 8дахъ /раздрѣшеніе ⁵⁸

From the *Encomium of St Demetrius*:⁵⁹

4	Уто /пакы рѣкъ /или што /вызлаголю
3	въ истинѣ/не дооумѣдю се/въсечестнѣ
3	въс во /шть сладости /завихъ се
3	въсь шть /висоти словесъ / огдивихъ се
3	васъ /люв ве /оғиаѣкихъ се
4	инъ /шт и ноги /въ истинѣ /вихъ

From the *Letter to the Domestichos Isaiah*:⁶⁰

3	Прїими /оғсрѣдъ ное /сїе малое
3	слово /вол ше во /сего
3	невѣзмогохъ /послати /ти
3	люво /оғсрѣднє /прїемъ
3	люво /чѣстнѣ /прочать
3	люво /тѣднє /сїе разсѣди

Cantacuzene uses his knowledge of the art of rhetoric to orchestrate this singular rhythm, employing numerous figures of speech used by Gorgias⁶¹ or taught by Demosthenes. As far as the Gorgian style is concerned, he frequently shows a certain preference for liquids and nasals, possibly because this combination is aesthetically very pleasing. Consider the following examples: тѣды къ тѣдамъ и рѣвност къ

⁵⁸ From the *Encomium of St Nicholas*; B. Angelov, *Dimitar Kantakuzin* (1989), 92.

⁵⁹ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 160.

⁶⁰ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 181.

⁶¹ Cf. R. Katičić, 'Σχῆματα Γοργίεια и jednoj staroslovenskoj ispovjednoj molitvi', *Slovo*, 6-8 (Zagreb, 1957), 236-46.

ревности прилагает (alliteration and assonance); единъ единомѹж живыи вѣшс
вѣже вѣрѣ вѣроу.⁶²

From the point of view of the Gorgian form, Cantacuzene's prayer in verse to the Virgin Mary is just such a form from start to finish.⁶³ Its seventy-seven stanzas offer a tremendous verbal diversity. The first words of the first line of each stanza are repeated in the remaining lines of the same stanza, while in the twelfth stanza each line begins and ends with the same word. Although each line carries a different lexical load, it nonetheless comprises an epexegesis on the message of the first line of the stanza. Familiar as he is with the achievements of Byzantine hymnography and Slavic eulogies,⁶⁴ Cantacuzene brings his confessional prayer to a climactic close with the splendid salutation in the final stanza: [радѹи се]. The salutation is acoustically presaged by the preceding stanza, which begins with the word Аарѹи. In this case, the vowel sounds are the same, while the two consonants *а* and *ρ* are transposed in an AB BA pattern. Consequently, the Аарѹи stanza, with its acoustical foreshadowing of the salutation, forms a link with the preceding lengthy confessional prayer and brings the cycle to a close. There then follows the explosion of the радѹи се doxology. The salutation formula is also employed in the Encomium of St Demetrius in a series of fifteen repetitions throughout the last section prior to the

⁶² Ivanov, 'Zitija', 92-3.

⁶³ D. Marinov, 'Dimitri Kantakuzin', *SbNU*, XVIII, (1901) 77-82; B. Angelov and M. Genov, *Stara bălgarska literatura (IX-XIII v.) v primeri, prevodi i bibliografija* (Sofia, 1922), pp. 560-4; B. Angelov, 'Njakolko novi vesti za knižovnoto delo na Dimităr Kantakuzin', *Izvestija na Instituta za bălgarska literatura*, II (1954), 249-62; Đ. S. Radojičić, *Razvojni luk stare srpske književnosti* (Novi Sad, 1962), pp. 234-51; Đ. Trifunović, *Dimitrije Kantakuzin* (Beograd, 1963), pp. 40-70. See also A.-E. Tachiaos's critical edition, 'Pesma Bogorodici Dimitrija Kantakuzina u hilendarskim rukopisama', *Zbornik istorije književnosti Odeljenje jezika i književnosti*, 10 (Belgrade, 1976), 181-95, text 187ff.; and the most recent, and most complete, critical edition in Cantacuzene's *Selected Works* (1989) by B. Angelov, G. Dančev, and G. Petkov, which, apart from the basic redaction of the Molitva, pp. 93-127, text 112ff., also includes the annotated short redaction, pp. 128-30, and the Romanian translation of the poem, based on the manuscript of 1700 and edited by G. Petkov, text pp. 131-9.

⁶⁴ Kliment Ohridski, *Sâbrani Sâčinenija*, edited by B. St. Angelov, K. M. Kuev, Hr. Kodov, I (Sofia, 1970), pp. 235, 281-282, 302-303, 767, 773.

epilogue. The salutation's repetition is quite a common *topos* in encomiastic literature beginning from the most ancient patristic salutation, the Gregory's of Nazianzus, *Supremum Vale*⁶⁵, continued by Modestus of Jerusalem, John of Damascus, Theodore of Studios and Philotheus Kokkinos⁶⁶ and in church byzantine poetry⁶⁷ with the eminent model of the Service to the Virgin Mary, *Akathistos Hymnos*⁶⁸. Another motif frequently encountered in Cantacuzene's writings is *slava*. In the *Encomium*, for instance, it runs through one paragraph from begining to end.⁶⁹

One part of Cantacuzene's letter to the hieromonk and *domesticos* Isaiah could be titled 'Discourse on Love', and does seem to have been intended as a separate work in its own right.⁷⁰ It is one of Cantacuzene's loveliest and most poetic texts, a perfect example of his own style of *pletenie sloves*. Poetry pervades the whole piece, which is inspired by the 'hymn to love' of the First Epistle to the Corinthians, to which Cantacuzene specifically refers, though it develops its theme through a long series of examples of the love of God taken from the Old Testament. Although it refers to individuals in both the Old and the New Testament, one might say that the text subconsciously reflects the atmosphere and the rhythm of another, equally poetic, Pauline text, the eleventh chapter of the Epistle to the Hebrews. Cantacuzene adapts it freely and replaces the word 'faith' with 'love'. This seems most appropriate, in view of the fact that, on the one hand, Paul's text is combative and testificatory in tone, and on the other, the theme Cantacuzene addresses immediately after that of love is the degradation and sordidness of all things. His call to resist evil rings out like a prelude to martyrdom: and all this within the oppressive climate of slavery, which manifestly influences the writer's mood.

⁶⁵ Migne, *Patrologia Graeca*, 36, 469B-492C.

⁶⁶ Detailed bibliography see in V. Psevtogas' critical edition with introduction and commentary to: 'Φιλοθέου Κοκκίνου Πατριάρχου Κων/πόλεως Εἰς τὴν Κοίμησιν τῆς Θεοτόκου', reprint of *Επιστημονική Επετηρίδα Θεολογικής Σχολής* 27 (1982), University of Aristotle, (Thessaloniki, 1984), 15.

⁶⁷ Σ. Εύστρατιάδης, "Αγιολογικά. Ο ἄγιος Δημήτριος ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ", EEBΣ 11 (1935), pp. 120-150.

⁶⁸ See N. Tomadakis, *Ρωμανοῦ τοῦ Μελωδοῦ "Υμνοι*, I (Athens, 1952), 306.

⁶⁹ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 153.

⁷⁰ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 161-3.

One could give countless examples of biblical references in Cantacuzene's work. Indeed, one wonders whether he might not have given the *Molitva* seventy-seven stanzas deliberately, as a symbol of divine absolution; for seventy times seven symbolises infinity multiplied by infinity.⁷¹ His text evolves around a central axis comprising the Bible, the works of the Church Fathers, and his own wide-ranging interpretation. For this reason, at the points where he inserts quotations, as also at the beginning and end of his texts, where he has particular reason to enhance the original, *pletonie sloves* soars to new heights:

Того свѣтою шт словесъ якоже комоу възможно похвалными вѣнчанте вѣнцы главоу, главоу на никаке прочише вождя душа дарованіа чудеснаа, главоу, вражіе главы смѣрившою смѣренною мудростию и сердца съкроющеніемъ и трѣпѣніемъ, и аггелскые съворы възвеселившою равно аггелнимъ въздржаніемъ и молитвою и непрестаннымъ пѣніемъ.⁷²

... свѣтлыми и чистными вѣнѣчаніемъ главоу страдалца, иже по силѣ похвалами, аще и недостонны сощє... тѣмъ же сердьцемъ и очстнами, душовнѣ радоющи се и глаголющи радоющи се въсъстнѣ ... радоющи се, чистне..., радоющи се, чистыи..., радоющи се плодовитаа дома... радоющи се, иже цара..., радоющи се, иже кръвъ свою..., радоющи се Нестора..., радоющи се Солоуніаніемъ надежде... радоющи се скръвециими...

Нѣ, въ красное и мнѣ сладчайшее име Димитріе, что оуло достоинно... Пріими оуло сїа, пріими маленша... Отъ радости оуло сердьца и веселіемъ душа паки въззову глаголк Радоющи се мѹченикимъ оудовреніе и похвало, весели се аггеліемъ и архаггеліемъ съжителю.... Радоющи се невеснаго... Весели се и радоющи се....⁷³

All that has been said here about *pletonie sloves* in the work of Demetrius Cantacuzene is but a drop in the ocean (though it must be admitted that in this case the 'ocean' is no more than a pond). One cannot properly evaluate his style without some idea of the linguistic norm of the period in which he was writing and of the 'conductor' of his message, the church, to give us a notion of the acoustic image it created. I mean the church not as a building, but as a personal and social point of reference, a place of living devotional assembly, where hymns, recita-

⁷¹ Cf. Matthew 18: 21-2.

⁷² Ivanov, 'Zitija', 100.

⁷³ Tachiaos, 'Nouvelles considérations', 157-9.

Eleni Economou

tion, movement, and above all music and imagery are mutually supplemented by the word. Such an attitude to life profoundly influences human creation. It becomes a work of art, a manuscript, a skilful illumination. And difficult though times were under Turkish domination, offering no inspiration for works of a high aesthetic level, it seems that the dialogue with beauty did not fall silent. Countless notes in the margins of the South Slavonic manuscripts offer observations and comments and attest the emotion experienced by the readers of this beautiful literature.

Thessaloniki

ГРЕЧЕСКО-ВОЛЫНСКАЯ ИКОНА ХРИСТА ПАНТОКРАТОРА

Василий Пуцко

Много лет назад профессор Манолис Хатзидакис высказал весьма трезвый взгляд на поствизантийскую живопись, объективно оценив ее историческое значение.¹ С того времени было опубликовано немало разнообразных произведений XV-XVI веков, в том числе икон, возникших преимущественно в грекоязычной среде. Вероятно, богатейшим по составу является собрание в Венеции, исследованное тем же ученым.²

Нельзя сказать, чтобы иконы кисти греческих мастеров в славянских странах были совсем обойдены вниманием исследователей. Стоит вспомнить хотя бы о статьях Л. Мирковича, вошедших в сборник его иконографических разысканий.³ Греческие иконы на Балканах, естественно, многочисленны, и уже поэтому не могут совершенно ускользнуть от внимания историков христианского искусства. Иное дело в восточной Европе, где тоже есть поствизантийские памятники, но только большей частью

¹ M. Chatzidakis. Contribution à l'étude de la peinture post-byzantine. В кн.: L'Hellénisme contemporain. Le cinq-centième anniversaire de la prise de Constantinople, 29 Mai 1953, p. 193-219.

² M. Chatzidakis. Icônes de Saint-Georges des Grecs et la collection de l'Institut. Venise, 1962 (Bibliothèque de l'Institut hellénique d'études byzantines et post-byzantines de Venise, N 1).

³ Л. Мирковић. 1) Иконе грчких зографа у Југославији и у српским црквама ван Југославије; 2) Итало-византијска породица иконописаца Рицо. - В кн.: Л. Мирковић. Иконографске студије. Нови Сад, 1974 (Студије за историју српске уметности, књ. 7), с. 325-343, 345-349.

Василий Пуцко

обязанные своим появлением деятельности коллекционеров.⁴ Конечно, проникали сюда греческие иконы и в течение столетия, следовавшего за падением Константинополя в 1453 г. Однако крайне редко они сохранялись на своих первоначальных местах. Исключение составляют лишь пользовавшиеся почитанием как реликвии.

Вряд ли следует сомневаться в том, что греческие иконописцы могли в поствизантийский период работать, сотрудничая с местными мастерами, и в Московской Руси, и в границах Великого княжества Литовского. Как нам представляется, говорить об этом, в частности, позволяет недавно подвергнутая реставрационному раскрытию большая по размерам икона с Волыни, информация о которой затерялась на страницах киевского журнала.⁵

Икона обнаружена экспедицией под руководством П. Н. Жолтовского в 1973 г. в Троицкой церкви села Речицы заречнянского района Ровенской области и тогда же вывезена в Ровно, в областной краеведческий музей (инв. № 642/ж-38). Речицы впервые упомянуты в исторических источниках под 1553 г., но могли существовать, конечно, и в более ранний период. Были собственностью Йодков.⁶ Некоторое время, по-видимому, принадлежали также Терлецким. Церковь в Речицах позднего времени.⁷ Произведение, о котором идет речь, было передано на реставрацию во львовский филиал Украинских реставрационных мастерских в октябре 1985 г. Реставрационные работы выполнены в течение 1986 г. Н.А.Скрентович.

Иконная доска липовая, размером 137 х 101 см, с ковчегом и с двумя врезными односторонними шпонками. Паволока, наклеенная на доску, из крупнотканного полотна, по 19-20 нитей на 1 кв. см. Живопись в технике яичной темперы выполнена по левкасу. Фон золотой, в углублении ковчега расчерченный на ромбы; нимб вокруг головы Христа гладкий, с контуром обозначенным двумя

⁴ См.: Ю. А. Пятницкий. О происхождении некоторых икон из собрания Эрмитажа. - В кн.: Восточное Средиземноморье и Кавказ IV-XVI вв. / Сб. статей. Ленинград, 1988, с. 126-140.

⁵ О. Сидор, Н. Скрентович. Шедевр волинського малярства. - Образотворче мистецтво, 1987, № 3, с. 29-30.

⁶ Słownik geograficzny, t. IX. Warszawa, 1888, s. 583.

⁷ См.: Н. В. Переверзев. Справочная книга о приходах и монастырях Волынской епархии. Житомир, 1914.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

параллельными тонкими граffьями с наколом между ними; аналогичными приемами обозначены и все другие нимбы. Поверхность иконы несколько деформирована и покрыта густой сеткой кракелюр. В местах утраты живописи заметно тщательное обозначение рисунка тонкой граffьей, контуру которой тщательно следует художник. Отступления от нее не заметны. Общую сохранность авторской живописи можно считать более чем удовлетворительной: утраты отчасти затронули лишь головы Богоматери и некоторых апостолов, исключительно там, где краска нанесена на золото, а не непосредственно на левкас. Есть и незначительные потертыости красочного слоя, впрочем не перпятствующие восприятию иконописного произведения. По краям широкая киноварная опушь. Характер боковых полей, более широких чем верхнее и нижнее, предполагает размещение на них изображений.

На иконе из Речиц в углублении ковчега находится крупное поясное изображение Христа Пантократора, дополненное полуфигурами Богоматери и Иоанна Предтечи, расположенными в верхних углах, и размещенными на широких полях обрамления двенадцатью полуфигурами апостолов. Вместе с ними оно составляет деисусную композицию. Причем сочетание по парам и последовательность изображений соответствуют порядку расположения икон в деисусном ряду иконостаса. Это в сущности пятнадцатифигурный Деисус. Его место в храме можно определить в функции местной либо запрестольной иконы.

Общая схема композиции, предполагающая приписные изображения Богоматери, Иоанна Предтечи и апостолов, не типична для русской иконописной традиции. Её истоки византийские, а временем появления следует считать эпоху Палеологов. На это косвенно указывают, в частности, две иконы XIV века в Венеции. На одной из них по сторонам полуфигуры Христа Пантократора представлены апостолы и пророки,⁸ на второй — двенадцать апостолов flankируют изображение Христа на троне с символами евангелистов.⁹ В первом случае апостолы с раскрытыми кодексами в руках, во втором — с раскрытыми свитками, заполненными греческим текстом. Различные варианты указанной

⁸ M. Chatzidakis. *Icones de Saint-Georges des Grecs et la collection de l'Institut*, No 1, p. 4-6, pl. I.

⁹ Ibidem, No 2, p. 7-8, pl. 1.

Василий Пуцко

иконографической схемы, основной частью которой являются крупная полуфигура Христа Пантократора и вынесенные на плоскость обрамления поясные изображения апостолов, получили распространение в поствизантийский период преимущественно на Балканах и в Румынии.¹⁰ Известна также подобная икона из Галиции, датированная 1565 г.¹¹ Единственная икона русского происхождения, относимая к первой половине XIV века,¹² явно восходит к палеологовскому оригиналу, если не является его вольной копией, несколько упростившей сложный и изысканный живописный язык произведения греческого мастера. Исходя из сохранившегося материала, говорить об очень большой популярности этой иконографии не приходится.

В центре речицкой иконы почти силуэтно выделяется на блестящем золотом фоне крупная фигура Христа, одетого в светлокрасный хитон с золотым клавом на плече, очерченным тонкой черной линией, и серосиний гиматий, почти сплошь покрытый тонкими линиями золотого ассиста. Плоскость хитона имеет несколько тонов, кроме локального: разбеленный, доведенный до блика, а также глубокий, усиленный вишневым. Гиматий кажется затканным золотой паутиной: тонкие золотые штрихи то равномерно покрывают одежду, то, сливаясь под острым углом, образуют широкие пятна и полосы. Ткань гиматия плотно облегает фигуру, очерчивая контур согнутой в локте благословляющей правой руки (рис. 1). Левой рукой Христос поддерживает раскрытый кодекс Евангелия в золотом окладе, с красным обрезом, с написанным на страницах разворота в пять строк славянским текстом (рис. 16).

Лицо Христа, равно как и характер обрамляющих его прядей длинных русых волос, разделенных пробором посредине, соответствует нормам, утвердившимся в византийской иконописи к XIV веку.¹³ Классическим примером такого изображения может

¹⁰ Л. Прашков. Църквата "Рождество Христово" в Арбанаси. София, 1979, обр. 26 (апостолы в рост); С. Nicolescu. Icoane vechi românești. Bucurescți, 1976, cat. 15, pl. 27.

¹¹ І. Свенцицкий. Иконопись Галицької України XV-XVI. віків. Львів, 1928, с. 5.

¹² С. И. Масляницин. Ярославская иконопись. Москва, 1973, с. 19, табл. 18.

¹³ См.: Иконы на Балканах: Синай, Греция, Болгария, Югославия. София-Белград, 1967, табл. 71, 179, 189.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

служить икона Христа Пантократора, написанная в 1363 г. для афонского монастыря Пантократора, по заказу великого стратопедарха Алексея и великого примикирия Иоанна.¹⁴ О том, что уже на рубеже XIV-XV веков в Византии (и даже в её столице — Константинополе) этот образ пережил известную адаптацию, свидетельствуют две иконы, находящиеся ныне в Москве. Одна из них исполнена в суховатой манере и отличается плотностью колорита, свойственной поствизантийским памятникам.¹⁵ Другая — входит в состав семифигурного Высоцкого деисусного чина, написанного в Константинополе между 1387-1395 гг.¹⁶ В последнем случае на страницах раскрытоГО кодекса в руках Христа цитирован тот же славянский евангельский текст, нанесенный здесь в XVI веке. Однако своими палеографическими признаками он заметно отличается от находящегося на речицкой иконе.

Пряди волнистых русых волос Христа были прорисованы тонкой контурной черной линией. Борода короткая, окладистая, чуть разделенная посередине, вьющаяся; усы тонкие, отчасти закрывающие концы рта. Выделенные слегка разбеленной киноварью тонкие губы плотно скжаты. Борода и тени на лице выполнены по зеленому санкирю (пряди бороды тщательно прорисованы, как и волосы, черными параллельно нанесенными линиями); охрение золотистого оттенка; мускулы лба и надбровные дуги с зеленоватыми притенениями, а выпуклые места подчеркнуты посредством веерообразных по своему расположению тонких белильных линий. Дуговидные четко очерченные брови плавно изогнуты, а их контур усилен тонкой темной линией. Глаза ассиметрично расставленные карие, их белки высветлены голубоватым и белым. Очень тщательно моделированы мышцы шеи, с постепенными светотеневыми переходами и с легкой аккуратно нанесенной в виде тонких параллельных линий штриховкой на освещенных местах.

В византийской иконописи XIV века в изображениях Христа Пантократора преобладает мое положение расположенной перед грудью благословляющей правой руки, обычно почти повернутой

¹⁴ В. Н. Лазарев. Византийские иконы XIV-XV веков. — В кн.: В. Н. Лазарев. Византийская живопись. Москва, 1971, с. 340 и табл.

¹⁵ Там же, с. 349, илл. на с. 347.

¹⁶ В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. Высоцкий чин. — Там же, с. 357-372, илл. на с 359.

Василий Пуцко

ладонью к зрителю. Изогнутая кисть с пальцами в именословном сложении почти касающимися груди, отмечаемая на иконе из Речиц, встречается уже в византийских мозаиках XI-XII веков, а в XVI веке этот жест можно отметить, в частности, в тех иконах из Галиции и Румынии, на которых крупное поясное изображение Христа Пантократора дополнено обращенными в молении Богоматерью и Иоанном Предтечей, а также апостолами. Едва ли следует сомневаться в том, что эти иконы в конечном счете восходят к общемуprotoоригиналу, возникновение которого приходится, вероятнее всего, на поствизантийское время, примерно на рубеж XV-XVI веков. В собственно греческих иконах в эту общую схему входят только Христос и апостолы. На Волыни, напротив, в более позднее время нередко встречаются иконы Спаса дополненные полуфигурами Богоматери и Иоанна Предтечи (Деисус), но без изображений апостолов на полях. Следовательно, в этом отношении речицкая икона является уникальной.

Для того, чтобы получить более широкое представление об обнаруженной на Волыни иконе, необходимо хотя бы весьма кратко описать изображения, расположенные по сторонам крупной по размерам полуфигуры Христа Пантократора. Два из них, молитвенно простерших руки Богоматери (рис. 2) и Иоанна Предтечи (рис. 3), как уже было прежде отмечено, находятся в верхних углах в углублении ковчега. Поясное изображение Иоанна Предтечи почти соприкасается с очерченной графьей линией контура нимба вокруг головы Христа, с обычными крестовидным делением и обозначением Сущего. Этот широкий нимб сильно смещен вправо от центра, хотя это, впрочем, не сразу становится заметным, поскольку полуфигура Богоматери с более вынесенной вперед левой рукой занимает несколько больше пространства чем чуть сдвинутая к краю ковчега полуфигура Предтечи. Богоматерь в синих чепце и хитоне, с киноварно-золотистыми обшлагами, и красноватом с коричневым в тенях мафории с золотыми позументом и бахромой. Лицо Богоматери, со строгими правильными чертами, обращенное в трехчетвертном повороте влево, окружено нимбом, контур которого в виде двух тонких прочекенных линий с рядом наколов между ними.¹⁷ Иоанн Предтеча, соответственно, обращен в

¹⁷ Тщательно выполненное одухотворенное лицо Богоматери, к сожалению, сохранилось лишь немногим больше чем наполовину: обширные осыпи красочного слоя приходятся на левый глазищеку, а также

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

трехчетвертном повороте вправо, но его голова больше наклонена. Иконографический тип не выдает какихлибо оригинальных особенностей по отношению к утвердившимся в поздневизантийской живописи. Одежду составляют охряный хитон и зеленый гиматий, основной тон которого сильно высветлен пробелами в одних местах и усилен изумрудной зеленою краской в других; на левом плече параллельными тонкими золотыми линиями обозначены нашитые на ткань полоски. Сопроводительная надпись, как и монограммы Христа и Богоматери, выполнена киноварью.

Рассматривая попарно изображения апостолов, помещенные на полях, следует прежде всего отметить верхние полуфигуры Петра и Павла, по размерам несколько меньшие двух только что описанных, как и все последующие. Первоверховые апостолы представлены в обычных иконографических типах, лишь незначительно варьируемых в византийской иконописной традиции.¹⁸ Петр в синем хитоне и фисташковом гиматии, зеленом в тенях, благославляющий согнутой в локте и покрытой гиматием правой рукой, держа в левой короткий полураскрытый свиток (рис. 4). Лицо обрамлено прядями седых волос и короткой окладистой бородой, причем пробелы нанесены по зеленому санкирю.¹⁹ Павел в изумрудно-зеленом хитоне с широким охряным клавом и зеленом гиматии, проработанном в тенях изумрудным цветом и высветленном энергично нанесенными резкими пробелами. Лицо обрамляют коротко подстриженные курчавые русые волосы и такого же цвета окладистая борода с завитыми концами локонов (рис. 5). Правой рукой благословляет именословно на уровне груди, левой поддерживает толстый кодекс с киноварым обрезом и соединенными с боковой и торцевых сторон застежками

верхнюю часть головы, плечи и меньшие — на кисть левой руки, а потертости, с обнажением левкаса, по всему изображению.

¹⁸ Сводку материалов и литературы по иконографии первоверховых апостолов см.: М. Татић-Бурић. Икона апостола Петра и Павла у Ватикану. — Зограф, бр. 2. Београд, 1967, с. 11-16.

¹⁹ Вследствие осыпей красочного слоя утрачена живопись левой щеки и левого глаза, верхней и особенно правой части волос, кисти левой руки; менее значительные осыпи приходятся на левую и нижнюю части бороды, запястье правой руки и складки гиматия.

Василий Пуцко

золотистыми крышками, украшенными по периметру жемчужной обнизью.²⁰

Ниже изображены евангелисты Матфей и Иоанн Богослов, в виде седобородых старцев, с почти одинаковыми бородами: наиболее заметным иконографическим отличием первого является копна седых волос над лбом (рис. 6), а у второго на этом месте выступают тщательно моделированные иконописцем мускулы (рис. 7). Матфей изображен держащим перед собой в руках кодекс с киноварным обрезом и украшенной жемчугом охряной крышкой; одет в зеленый хитон и сильно разбеленного изумрудного тона гиматий, изумруднозеленый в тенях. Седые пряди бороды и волос голубоватого оттенка.²¹ Иоанн Богослов с несколько наклоненной головой, поднесенной к бороде правой рукой, прижимающей к груди кодекс, крышка которого украшена жемчужной обнizью и золотыми штрихами; одет в синий хитон и фисташковый гиматий, собранный в резко изломанные складки, выявленные энергичными пробелами.²² Иконографический тип погруженного в размышления Иоанна Богослова, чаще всего с книгописной тростью в правой руке, получает распространение в эпоху Палеологов и остается популярным в поствизантийский период.²³ Конец трости можно рассмотреть и в изображении на речицкой иконе, после чего заточенная часть уже не воспринимается как элемент складок хитона.

Следующую пару составляют изображения евангелистов Марка и Луки. Внешне они как будто похожи, однако Луку отличают иная форма бороды и особенно простиженная на макушке тонзура. Марк представлен слева, в розоватом хитоне и яркосинем гиматии, с гладкими русыми волосами и такого же цвета окладистой

²⁰ Частично утрачена живопись вдоль верхней части головы, правой щеки, бороды, на пальцах правой руки; мелкие осыпи на одежде, в различных местах.

²¹ Это одно из наиболее удивительных сохранившихся изображений апостолов на иконе; мелкими осыпями повреждена живопись волос, бороды, одежды, и еще более мелкие утраты живописи у левого глаза, а также на левой щеке.

²² Мелкими осыпями повреждена живопись правой части лица, бороды, верхней части головы, затылка, кисти правой руки; более обширные утраты красочного слоя вдоль левого плеча.

²³ Sm. 5 M. Chatzidakis. Une icône en mosaïque de Lavra. — Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik, Bd. 21, 1972, p. 73-81, fig. 2, 3, 14, 15.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

бородой, держащим в руках, прижимая к груди, кодекс²⁴ (рис. 8). Лука в синем хитоне и зеленом гиматии, высветленном пробелами; в правой руке держит обращенный корешком вниз кодекс, которого касается левой рукой²⁵ (рис. 9). Как уже было сказано, облик Луки имеет индивидуальные особенности, позволяющие распознать его изображения даже при отсутствии сопроводительных надписей.

В отличие от апостола Павла и четырех евангелистов, все остальные апостолы изображены не с кодексами, а со свитками в руках.

Иуда, по плоти брат Господень, представлен в виде старца, одетого в розовокрасный хитон и светлозеленый гиматий, с перевязанным красной нитью свитком в левой руке, с благословляющей правой (рис. 10). Апостол с лысой головой, седые пряди кудрявых коротко подстриженных волос лишь на затылке и на висках; снизу лицо обрамляет короткая окладистая седая борода.²⁶ Парным предыдущему является изображение апостола Андрея, немного сгорбленного, с длинной окладистой седой бородой и длинными седыми всклокоченными волосами, в светлозеленом хитоне с широким клавом на рукаве и зеленом гиматии, с поднятой перед грудью благословляющей правой рукой и со свитком на уровне пояса в левой²⁷ (рис. 11).

Изображение апостола Симона без сопроводительной надписи, однако его оказывается возможным идентифицировать благодаря соотнесению с мозаиками собора Михайловского-Златоверхого монастыря в Киеве, Чефалу и Мартораны, а также фрески Дмитриевского собора во Владимире. Оно расположено в левой части обрамления. По сохранности принадлежит к числу

²⁴ Вследствие осыпей утрачена живопись вдоль контура головы и левой руки; кроме того выпадения красочного слоя на небольших участках ниже груди почти по всему изображению.

²⁵ Утраты живописи в верхней части головы, на затылке, шее, вдоль левого плеча и левой руки, почти по контуру. Незначительные повреждения живописи на лице и шее спереди.

²⁶ Сильно повреждена осыпями живопись головы (практически вся левая часть лица) и шеи; утраты красочного слоя в виде небольших пятен почти по всей полуфигуре.

²⁷ Выпадами красочного слоя немного задеты правая часть лба, волосы и борода, а также левая часть фигуры ниже плеча; более существенные утраты на благословляющей руке (живопись осыпалась наполовину) и вдоль края ниспадающей с этой руки части гиматия.

Василий Пуцко

наиболее поврежденных.²⁸ Симон в киноварного цвета хитоне и богатом различными оттенками зеленом гиматии, со свитком, который держит обеими руками перед грудью (рис. 12). Сколь ни разрушенной является живопись головы апостола, — всё же ясно различимы высокий лоб, изогнутый нос и темная округлая борода. Парным Симону служит изображение Варфоломея, в зеленом хитоне и розовокрасном гиматии, благословляющего согнутой в локте правой рукой, держа свиток в левой²⁹ (рис. 13). Типологически этот апостол по своему облику сходен с предыдущим, отличается разве более широким овалом лица, аналогично обрамленного шапкой таких же русых курчавых волос и короткой окладистой бородой.

Последняя пара изображений апостолов представляет юных Филиппа и Фому, столь же схожих по своему облику как и двое предыдущих апостолов и различных, при отсутствии сопроводительных надписей, исключительно благодаря их расположению в деисусном ряду. Исходя из этого, первого, представленного слева, есть основания определять как Филиппа (рис. 14), а второго — как Фому (рис. 15). Филипп в синем хитоне и алом гиматии, держащий перед собой правой рукой и покрытой краем гиматия левой свиток.³⁰ Фома в розовокрасном хитоне и изумрудного оттенка светлозеленом гиматии, со свитком в руках.³¹ Первая фигура выглядит ассиметричной в плечах, вторая — более пропорциональна, с явственно выраженной стройностью юноши.

Состав апостолов, представленных на полях иконы Христа Пантократора из Речиц, не соответствует перечню лиц, память которых отмечается в календаре православной церкви 30 июня как Собор двенадцати святых апостолов, запечатленный на знаменитой

²⁸ Утрачена живопись верхней части лба, левой части лица, большие осыпи на шее и более мелкие по всей левой части фигуры, почти сплошной полосой утрата живописи вдоль графии контура правого плеча и спины.

²⁹ Это изображение также с существенными утратами живописи в верхней части головы, на бороде, лишь наполовину сохранилась благословляющая рука (пальцы различимы благодаря обозначению их контуров графией); самые большие утраты живописи вдоль краев левого плеча и левой руки.

³⁰ Небольшие осыпи красочного слоя в верхней части головы, на лице и шее, на кисти правой руки.

³¹ Сильно повреждена осыпями живопись головы и шеи, кисти правой руки, края фигуры; имеются также мелкие утраты живописи.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

византийской иконе XIV века.³² Между тем подбор апостолов здесь, тем не менее, не является произвольным. В частности, он вполне соответствует составу апостолов на полях иконы Христа Пантократора, датируемой XIV веком и происходящей из Ярославля (рис. 16). Последняя, однако, при идентичном составе апостолов отличается иными их позами, а в одном случае и порядком размещения (слева Лука, а справа Марк). Характерно, что тот же самый состав оказывается стабильным и для иконы XVI века из буковинского монастыря Хумора, хотя на ней Иоанн Богослов изображен в образе юноши. Из соотнесения даже трех изолированно взятых икон с одинаковым сюжетом становится очевидным существование твердой общей иконографической программы. И если состав апостолов не соответствует "Собору двенадцати апостолов", то он вполне согласуется с составом и даже порядком их расположения апостолов в композиции Евхаристии.³³ Это обстоятельство недвусмысленно указывает на литургический характер описываемой иконографической темы, столь близкой к Посланию учеников на проповедь.³⁴

Если истоки иконографии прослеживаются в византийском искусстве эпохи Палеологов, то особенности стиля как будто всецело находятся в русле творчества греческих мастеров поствизантийского периода. На это дают указание твердый и несколько жесткий рисунок, приемы моделировки лиц и рук с густыми тенями и тонкой белой штриховкой на освещенных местах, виртуозная передача складок одежд, свидетельствующая о прекрасном понимании пластики и в то же время о сильной руке опытного мастера. Мастер, написавший икону Христа Пантократора, происходящую из Речиц, работал в индивидуальной манере, особенности которой равным образом проявляются и в энергичной живописи лиц, и в сложнейшей светотеневой игре столь разнообразных, до бесконечности, складок, структуру которых не

³² См.: В. Пуцко. Палеологовская икона с изображением двенадцати апостолов. — *Byzantina*, t. 14, 1988, с. 251-262. Ср.: Руководство к писанию икон святых угодников божих в порядке дней года. Сост. В. Д. Фартусов. Москва, 1910, с. 329-330.

³³ В. Н. Лазарев. Михайловские мозаики. Москва, 1966, табл. I, 67-74.

³⁴ Sm. 5 G. Millet. *Recherches sur l'iconographie de l'évangile au XIV-e, XV-e et XVI-e siècles*. Paris, 1916, p. 53-54; A. Katzenellenbogen. The Separation of Apostles. — *Gazette des Beaux-arts*, 1949, February, p. 81-83.

Василий Пуцко

могло определить никакое руководство. При сравнительно ограниченной палитре этот живописец добивается поразительного богатства цветовой гаммы, умело варьируя тональность и цветовую ритмику, избегая в то же время какой либо пестроты, неизбежно нарушившей бы единство художественного замысла. В целом живопись является достаточно строгой, несколько даже холодной, а почерк — уверенным и суховатым. Лишь внимательно взглянувшись в лица можно осознать все разнообразие состояния и характеров. Отрешенность одних, сосредоточенность других, строгий испытующий взгляд, обращенный к зрителю, и озаренные внутренним светом молящие о помиловании людей глаза представителей, грозный и задумчивый лик Христа. Молящийся перед этой иконой должен был неизбежно ощутить душевный трепет соединенный с благоговейным созерцанием образа Вседержителя с предстоящими Богоматерью, Иоанном Предтечей и апостолами.

Стиль иконы в целом находит принципиальные параллели в произведениях греческих мастеров рубежа XV-XVI веков.³⁵ Но при этом различимы и локальные особенности, и индивидуальная манера письма, в каждом отдельном случае накладывающая свой отпечаток на каждый памятник живописи. От речицкой иконы, кроме того, с одной стороны тянутся нити к традициям первой четверти XV века,³⁶ а с другой, — иконам XVI века, возникшим вне грекоязычной среды.³⁷ О том, что одни и те же художественные традиции на иной национальной почве могли получать совершенно другие оттенки, говорит поясной деисусный чин начала XVI века из церкви села Гуменец близ Ростова Великого.³⁸ Мастера этого цикла икон работали отправляясь от тех же самых предпосылок, что и их греческие современники, и использовали те же самые художественные и технические приемы, в частности в моделировке

³⁵ Подробнее см. в кн.: 'Α. Γ. Ξυγγόπουλος. Σχεδίασμα ιστορίας τῆς θρησκευτικῆς ψωγραφικῆς μετὰ τὴν "Αλωσιν". Αθῆναι, 1957. Ср.: С. Радојчић. Једна сликарска школа из друге половине XV века, Прилог историји хришћанске уметности под Турцима. — Зборник за ликовне уметности, књ. I. Нови Сад, 1965, с. 67-104.

³⁶ См.: В. Ђурић. Радионица митрополита Јована зографа. — Зограф, бр. 3. Београд, 1969, с. 18-33.

³⁷ Л. Мирковић. Деисис крушедолског иконостаса. — В кн.: Л. Мирковић. Иконографске студије, с. 354-363, сл. 117-122.

³⁸ Живопись Ростова Великого, Каталог выставки. Москва, 1973 (без пагинации; воспроизведена большая часть чина, частично в цвете).

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

лиц, рук и драпировок тканей. Однако конечные результаты оказались качественно иными: возобладало плоскостно-декоративное начало. Если соотнести с речицкой иконой Христа Пантократора такой памятник волынского происхождения как икона св. Николы из Милецкого монастыря, выполненная сучавским мастером Григорием Босиковичем в 1532 г.,³⁹ то увидим явно более позднюю fazу того же процесса, адаптированного уже в одном из значительных художественных центров Буковины, и свидетельством тому моделировка лица (рис. 17). Совершенно очевидно, что иконы из Речиц и Милецкого монастыря разделяют десятилетия. За этот период византийские традиции в различных регионах Европы вошли во взаимодействие с локальными, следствием чего явились направления большей частью выходящие за рамки собственно поствизантийской живописи.

Речицкая икона Христа Пантократора, несмотря на славянские сопроводительные надписи и текст на страницах Евангелия (рис. 18), по общему характеру своей живописи является греческой. Она отчасти сродни некоторым иконам кисти критских мастеров, но в то же время значительно превосходит их произведения своими размерами и в значительно меньшей мере её иконография затронута ренессансными воздействиями.⁴⁰ Однако в характере золотой разделки гиматия Христа (рис. 1, 18) всё же трудно не заметить удивительное сходство с ассистом венецианских икон рубежа XV-XVI веков.⁴¹ Не на этот ли период указывает и весь художественный строй волынской иконы, являющейся предметом нашего изучения?

Как уже было отмечено, на иконе из Речиц возле некоторых изображений сохранились славянские сопроводительные надписи, выполненные киноварью, а именно: *иа^н, петръ, павлъ, мтфъ, мрко, лѹкъ, вѣафоломе*. Следовательно, все имена имеют каноническую форму, а палеографические признаки начертаний этих дипинти скорее южного образца. На развороте раскрытоого кодекса Евангелия в руке Христа аккуратно воспроизведен следующий текст: *азъ есмь съвѣтъ миръ: ходай по ми^нѣ не имать ходити въ тмѣ, но имать съвѣтъ животъный. аи^е*

³⁹ В. Пуцко. Икона Николы Милецкого (в печати).

⁴⁰ Sr.5 M. Chatzidakis. Les Débuts de l'école crétoise et la question de l'école dite italo-grecque. В кн.: In memoria di Sofia Antoniadis. Venezia. 1974, p. 169-211.

⁴¹ К. Пријатељ. За тачније датирање крапањске Богородице. — Зборник за ликовне уметности, књ. 10. Нови Сад, 1974, с. 343-348, сл. 1-4.

Василий Пуцко

а́зъ свѣтѣльствію ѿ севѣ, истинноѣ свѣтѣльство мое (Иоан. 8, 12,14). Обращает в нем на себя внимание обилие лигатур, равно как и нарочитая вычурность начертаний по отношению к характеру надписей на украинских иконах рубежа XV-XVI веков.⁴² Эти тенденции в тексте на иконе, выполненной Григорием Босиковичем в 1532 г. для Милецкого монастыря, получают свое логическое развитие (рис. 19). Кстати, подобные шрифты имели широкое распространение на Буковине, в частности в Сучаве.

В ходе изучения речицкой иконы Христа Пантократора из отдельных и, казалось бы, отчасти противоречивых данных можно составить общее представление о характере этого необычного для Волыни памятника. Вряд ли есть причины усомниться в том, что это произведение весьма высокого художественного уровня, выполненное греческим мастером скорее всего на Волыни. Хотя это предположение, учитывая материал и размеры иконной доски, не исключает в то же время афонское или сучавское происхождение иконы. Еще более загадочным кажется то обстоятельство, что в нижней части произведения, под изображением Христа, не оказалось памятной записи. Это наводит на мысль, что икона могла быть не заказной, а приобретенной в готовом виде. Но в таком случае она все равно предназначалась для Волыни, с которой оказалась исторически связанный. Наконец, кратко о дате иконы. И формальные признаки самого произведения, и сопоставление с иными материалами указывают на самое начало XVI века как на время наиболее вероятного появления. Здесь еще нет тех новшеств, которые в ближайшие двадцать десятилетия столь заметно изменили характер поствизантийской живописи, примеров чему более чем достаточно в одной только Венеции.

Икона Христа Пантократора появилась на Волыни в период, когда в Москве, вероятно, еще доживала свои последние годы византийская царевна, ставшая женой великого князя Ивана III, когда Московскую Русь и Литву то связывала дружба, то разделяла вражда.⁴³ Вряд ли этот образ изначально оказался в приходском храме Речиц, предшественнике устроившего до наших дней. Более

⁴² Л. М. Григорчук. Надписи на произведениях украинской живописи и шрифт изданий Франциска Скорины. — Федоровские чтения, 1980. Москва, 1984, с. 68-80.

⁴³ Подробнее см.: Волынь, Исторические судьбы Юго-Западного края. С.-Петербург, 1888, с. 94-102.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

правдоподобно его первоначальное нахождение в одном из монастырей, насильственное и неоднократное уничтожение которых почти всегда приводило к распылению их святынь и достопримечательностей.

Калуга

Василий Пуцко

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКА

Надежда Скрентович

Основа иконы состоит из четырех досок липы размером: 21,5; 35,5; 21,7; 22,5 x 101,0 x 3,5 см в верхней части и 19,5; 31,7; 26,6; 24,0 x 101,0 x 3,5 см в нижней части произведения. Доска сначала обработана топором, о чем свидетельствуют многочисленные сколы древесины, а потом остругана полукруглым рубанком. С тыльной стороны находятся две сосновые врезные односторонние шпонки, вставленные слева направо. Размеры верхней шпонки: длина 96,8 см, ширина слева 5,7 см, справа — 4,0 см. Верхняя шпонка выступает над плоскостью основы на 2,0 см. Размеры нижней шпонки: длина 91,5 см, ширина слева 6,0 см, справа — 4,5 см. Нижняя шпонка выступает по отношению к основе на 1,0 см. Доски были скреплены между собой при помощи клея, о чем свидетельствуют его остатки около швов с тыльной стороны. Боковые торцы иконы загрунтованы и окрашены красной краской. (Наблюдаются значительные утраты грунта и красочного слоя).

Достки в довольно хорошем состоянии. Шпонки крепко сидят в пазах. По всей поверхности иконы есть старые отверстия от жукоточильщика. В левом верхнем углу иконы черной тушью написан инвентарный № РКМ КП 642/VIII К 38; этот же инв. № написан зеленым фломастером под верхней шпонкой посередине. В верхней части правого шва между досками наклеена паволока: от шпонки вверх, через торец, на лицевую сторону, под грунт. Материал паволоки - толстое домотканное полотно серого цвета полотняного переплетения из конопляных ниток (пеньки). Паволока частично лопнула от торца вниз на 13 см. Размеры видимой части паволоки 7,0 x 29,2 см.

В нижней части центрального шва между досками из такого же материала, как и вверху, наклеена полоса паволоки, которая через торец переходит на лицевую сторону и скрыывается под грунтом. Полоска паволоки треснула вследствие деформации досок. Размеры паволоки 7,0 x 10,0 см. Следов реставрации на основе нет. С лицевой стороны иконы плоский ковчег глубиной 0,7-0,8 см.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Ширина верхнего и нижнего полей 9,0 см, ширина боковых полей - 13,5 см.

Когда икона поступила на реставрацию, ее поверхность была полностью заклеена профзаклейкой (в некоторых местах в три слоя). Чтобы сделать дальнейшее описание иконы, надо было снять профзаклейку. Выяснилось, что она положена на целом яйце (белок и желток вместе), в некоторых местах под бумагой были целые сгустки засохшего белка. Снимали профзаклейку послойно. Сначала имели место попытки снимать профзаклейку горячей дистилированной водой, но слой набухал, и работа очень затруднялась. Тогда попытались применить теплую воду, с которой профзаклейка снималась более успешно, но вместе с бумагой шли и отслаивавшиеся незначительные части золота позолоты. Окончательно профзаклейку сняли благодаря холодной дистилированной воде с несколькими каплями уксуса: красочный слой и позолота не успевали набухать и бумага снималась практически без утрат слоя краски и позолоты. На защитном слое остались незначительные части волокон папиросной бумаги вместе с остатками яйца, и его пришлось утоньшать механически скальпелем под микроскопом, а остатки убирать полуутожатым тампоном, предварительно намоченным в холодной воде.

Паволока выткана из конопляных ниток, полотняного переплетения (12 ниток по горизотали и 10 - по вертикали на 1 кв. см). Паволока наклеена двумя горизонтальными поясами шириной 10,0 см на расстоянии 1,0 см от верхнего и нижнего краев иконы. В местах утраты грунта связь паволоки с основой утрачена.

Грунт клеевой (с мелом), плотный, белого цвета, лежит равномерным слоем толщиной 1,5 мм по всей поверхности иконы. На фоне в грунте прографленный геометрический орнамент в виде ромбов. Нимб прографленный двумя линиями с рядом точек между ними. Мелкосетчатый кракелюр покрывает всю поверхность иконы. Наблюдается расслоение грунта в левой части иконы (особенно вверху) возле апостолов Петра, Матфея и Марка. В некоторых местах - утраты грунта до основы. Есть утраты грунта по периметру иконы, довольно большие утраты на руках у Христа (эта утрата механического характера).

В нижней части иконы виден след от деревянного тябла, выше, по центру иконы - два выгоревшие следы с запеченным красочным слоем. По всей поверхности иконы наблюдаются незначительные выпады грунта по кракелюру. В целом состояние грунта

Василий Пуцко

удовлетворительное. Следы предыдущей реставрации не обнаружены.

Красочный слой. Техника живописного слоя — желтковая темпера с золочением фона. Золото положено на полимент листочками 5,0 x 7,0 см (чистятся следы). Значительные потертости позолоты по всей поверхности иконы, равно как и мелкое шелушение красочного слоя, особенно по краям кракелюра. Во время золочения золото зашло на 0,5-0,7 мм за графью под красочный слой. Наибольшее шелушение красочного слоя собственно там, где краска легла на позолоту. Красочный слой шелушился целыми пластами с позолоты, оставляя графью, которая позволяет различить лики, одежду, рисунок и расположение рук. Связь красочного слоя с грунтом в целом удовлетворительная.

Заметны следы предыдущих реставраций красочного слоя. Была полностью переписана масляной краской левая рука Христа. Некоторые потертости позолоты перекрыты бронзой (особенно интенсивно возле апостола Петра, где утраты красочного слоя и грунта до паволоки и основы). Также частично переписана книга у апостола Петра желтой масляной краской. По всему периметру наведена красной краской рамка шириной 2,0 см.

Старый покрывающий слой ровно лежит по всей поверхности иконы. Со временем он разложился и потемнел, изменив колорит иконы.

Львов

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 1. Христос Пантократор. Икона из с. Речицы. Около 1500 г.
Ровно. Областной краеведческий музей.

Василий Пуцко

Рис. 2. Богоматерь. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 3. Иоанн Предтеча. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Василий Пуцко

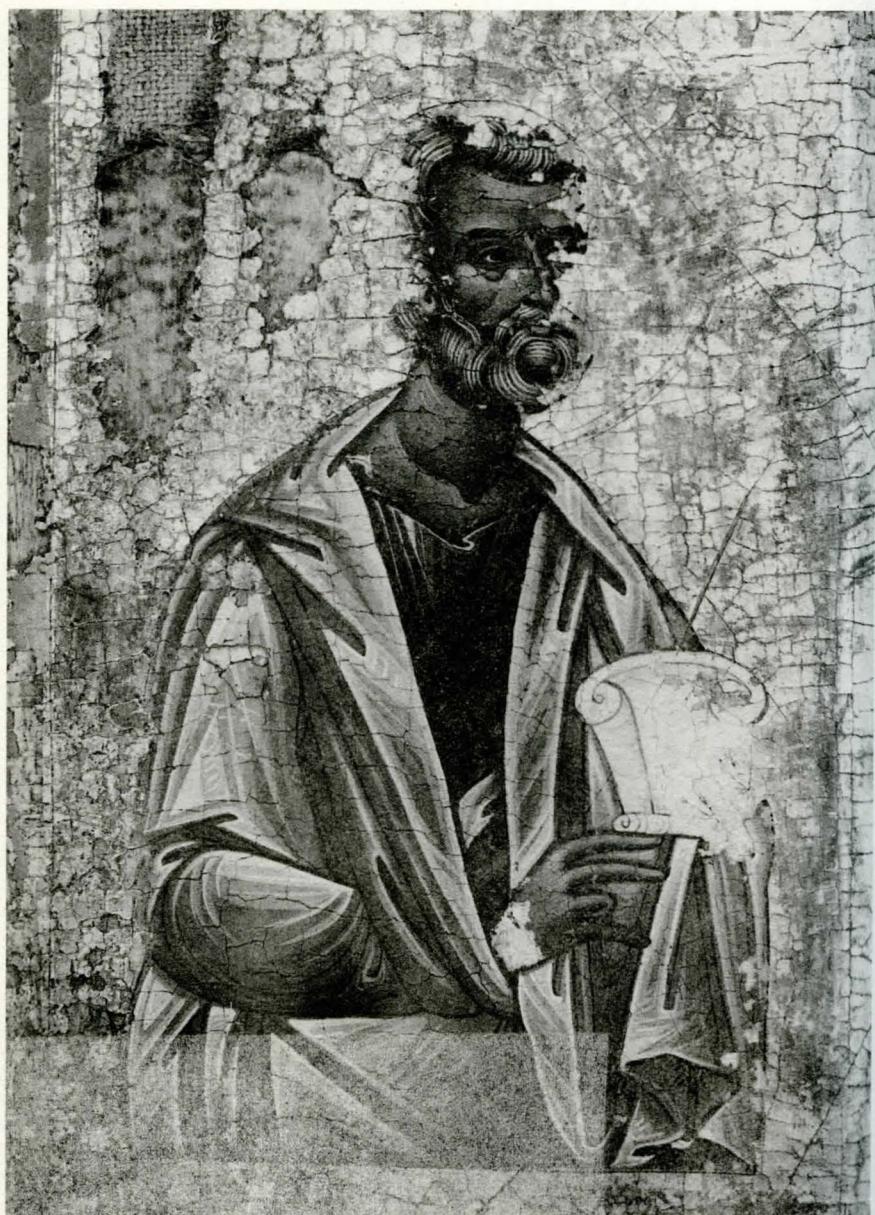

Рис. 4. Апостол Петр. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 5. Апостол Павел. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Василий Пуцко

Рис. 6. Евангелист Матфей. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 7. Евангелист Иоанн Богослов. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Василий Пуцко

Рис. 8. Евангелист Марк. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 9. Евангелист Лука. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Василий Пузко

Рис. 10. Апостол Иуда, по плоти брат Господень.
Фрагмент иконы из с. Речицы.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 11. Апостол Андрей Первозванный.
Фрагмент иконы из с. Речицы.

Василий Пуцко

Рис. 12. Апостол Симон. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 13. Апостол Варфоломей. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Василий Пуцко

Рис. 14. Апостол Филипп. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 15. Апостол Фома. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Василий Пуцко

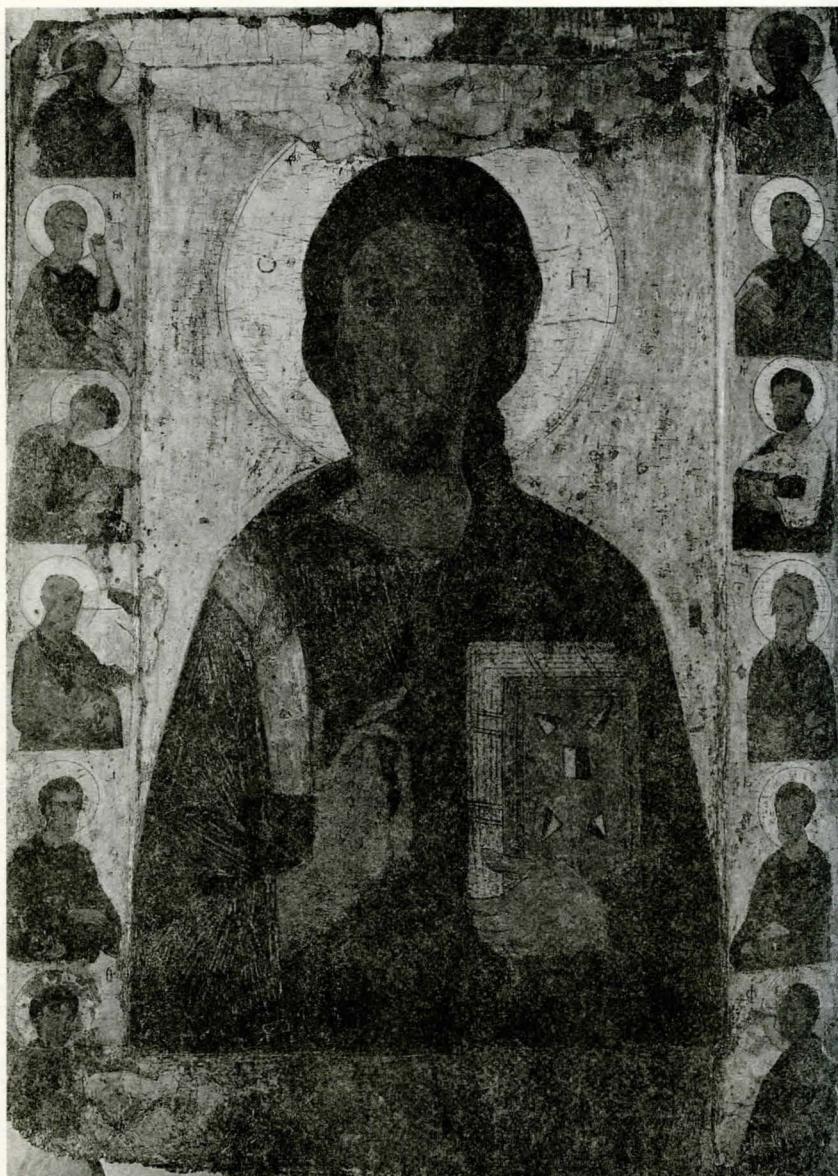

Рис. 16. Христос Пантократор. Икона из Ярославля. XIV в.
Москва, Государственная Третьяковская галерея.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

Рис. 17. Св. Никола. Икона из Милецкого монастыря
(художник Григорий Босикович). 1532 г. Фрагмент.

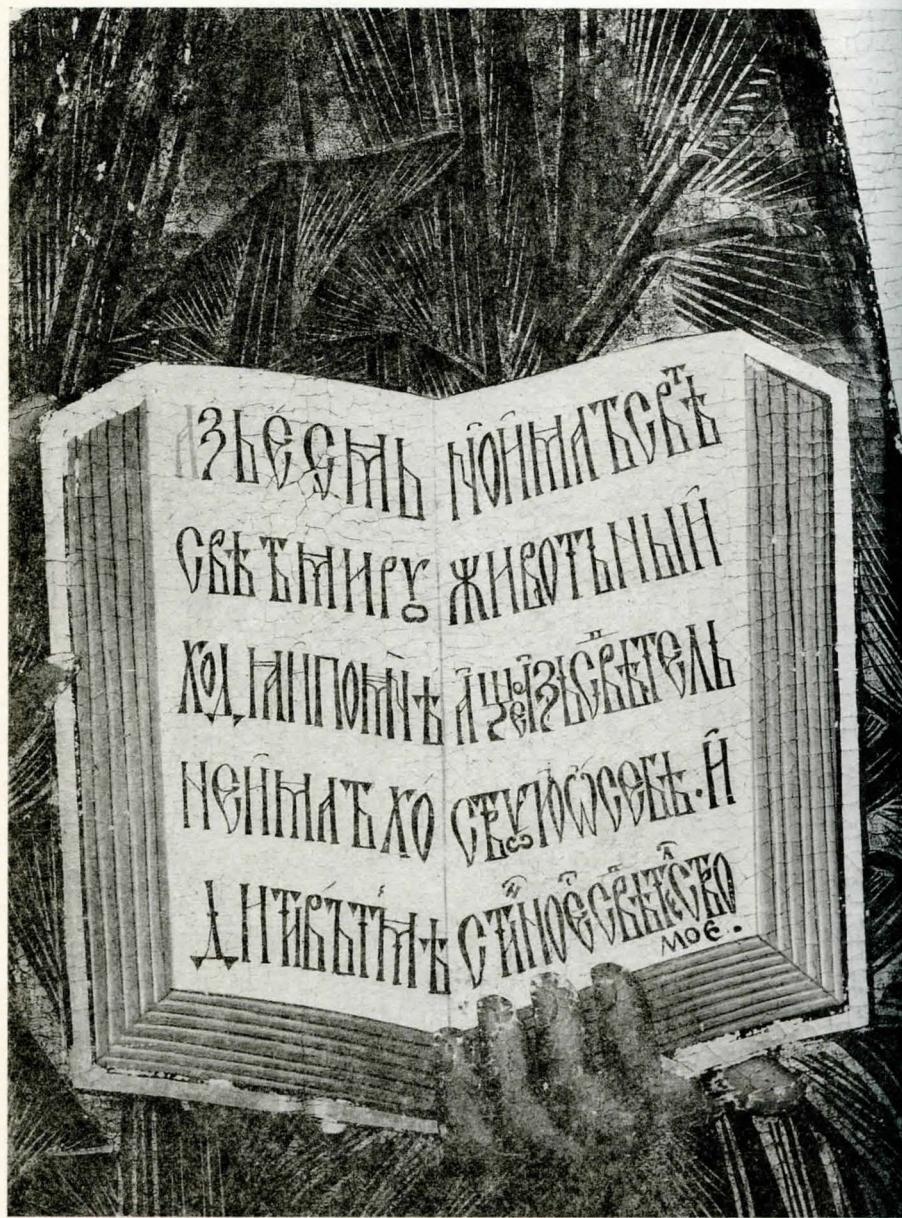

Рис. 18. Евангельский текст. Фрагмент иконы из с. Речицы.

Греческо-волынская икона Христа Пантократора

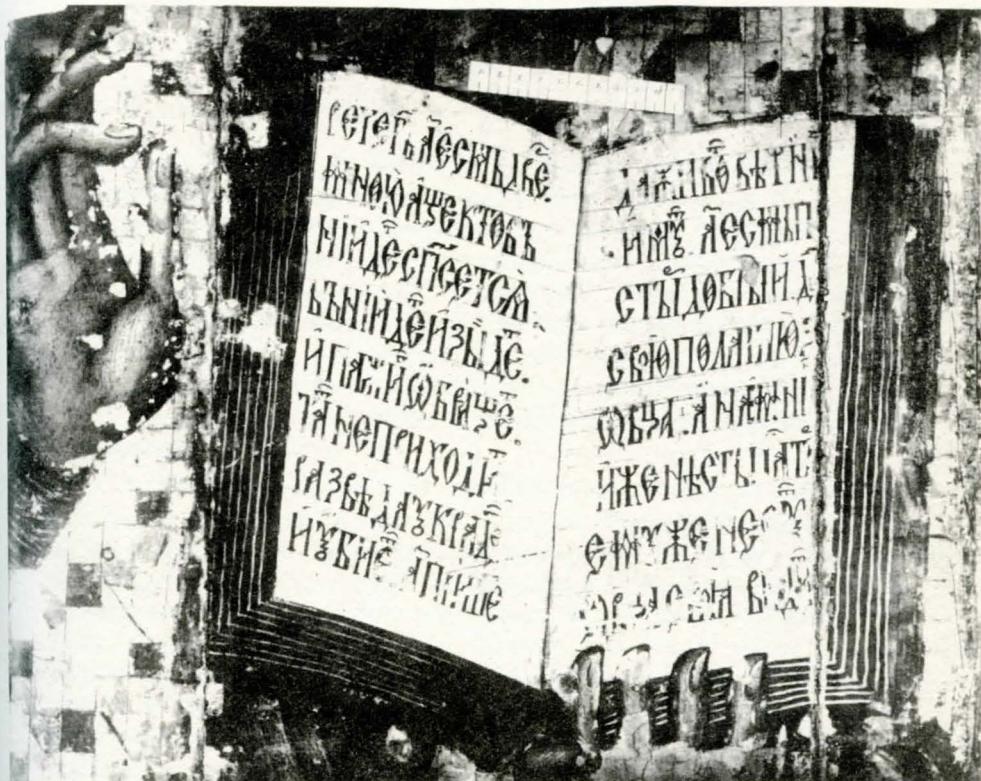

Рис. 19. Евангельский текст. Фрагмент иконы из
Милецкого монастыря.

KYPRIANOS IVIRITIS

Dimitris A. Yalamas

In the Manuscripts Section of the Russian State Library (RGB) in Moscow, catalogued as f. 173, No 333, there is a manuscript Concise Grammar by the brothers Ioannikios and Sofronios Leichoudis. On f. 163, the scribe's name is given as ιερομόναχος Κυπριανὸς ὁ Ἰθηρίτης (hieromonk Kyprianos Iviritis). Owing to a misinterpretation of the name 'Iviritis', a number of historians have considered Kyprianos to have been a native of Georgia.¹ But although 'Iviritis' does indeed mean 'Georgian', in this case it signifies 'of Iviron Monastery'.

The only surviving information about Kyprianos consists of three colophons in his own hand:²

1. 1693^ω ὀκτωβρίου 1Π. Ἡ παροῦσα γραμματοποιητική, γέγραπται ἐν Μόσκβᾳ τῇ ἐμῇ χειρὶ Κυπριανοῦ θύτου καὶ Ἰθηρίτου εὐφιμερεύοντος ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἀγίου Νικολάου τοῦ ἐπίκλην Μπολσοῦ Γλαβὰ ὑποκειμένη εἰς τῶν Ἰθήρων, ἡγεμονεύοντων (ἢ βασιλευόντων) ἐν τῇ θεοφρουρίτου πόλει Μόσκβᾳ Ιω<άννης> Ἀλεξιάδης καὶ Πέτρος Ἀλεξιάδης' (1693, October 10. This Grammar was written in Moscow by the hand of myself, Kyprianos Iviritis, officiating priest at the Monastery of St Nicholas, known as the Bolshoi Glava, belonging to Iviron [Monastery], at the time when John Alexiadis and Peter Alexiadis were rulers [or kings] in the God-protected city of Moscow).³

¹ Smirnov 1855, p. 44; Rogov 1959, p. 142; Motsios 1965, p. 343.

² In the writing of this article, I have made use of unpublished material from the catalogue of seventeenth- and eighteenth-century Greek scribes compiled by the late Linos Politis († 1982). It is now being prepared for publication by Ms Maria Politi-Sakellariadi, whom I should like thank for allowing me access to it.

³ CBL, f. 173, No 333, f.163. On f. 163v there is a variant of the same bibliographical note: "Ἐγράφθη ἡ γραμματοποιητεία καὶ αὕτη καὶ ἐδέθη ἐν τῇ μεγαλοπόλει Μόσκβᾳ παρ' ἐμοῦ Κυπριανοῦ ιερομονάχου καὶ Ἰθηρίτου, ἐφημερεύοντος

D. A. Yalamas

2. 'Τὸ παρὸν ἐγράφη ἐν Μόσκβᾳ παρ' ἐμοῦ Κυπριανοῦ Ἰθηρίτου καὶ θύτου 1694 Ιουνίου 3' (This was written in Moscow by myself, Kyprianos Iviritis, priest, in 1694, June 3).⁴

3. 'Ἐλαθεν τέλος τὸ παρὸν ἐν ἔτει 1698 νοεμβρίου 10 διὰ χειρὸς ἐμοῦ τοῦ εὐτελοῦς καὶ ἀμαθοῦς Κυπριανοῦ ἱερομονάχου τοῦ Ἰθηρίτου ἐξ ἐπαρχίας Πιζανίου χωρίου Σιάτζιστα ἐν τῆς Ὁχρίδος κειμένου, ἔνδον τῆς σεβασμιωτάτης καὶ πατριαρχικο-βασιλικοτάτης μονῆς τῶν Ἰθήρων' (This was completed in the year 1698, November 10, by the hand of myself, abject and ignorant Kyprianos Iviritis, hieromonk, from the province of Pizani and the village of Siadzista near Achrida, in the most venerable, most patriarchal, and most royal Monastery of Iviron).⁵

We may conclude from these colophons that Kyprianos was a Greek from Siatista; an Athomite monk of Iviron Monastery; and officiating priest at the church of the Greek Monastery of St Nicholas in Moscow, which was a dependency of Iviron.

On 19 May 1669, a copy of the miraculous Athomite icon of the Virgin Mary Portaitissa was transferred from the Monastery of St Nicholas to a specially constructed chapel in the Voskresenskie Voroty district. A document issued by Tsar Alexej Michajlovič on that day stated, *inter alia*, that Athomite monks might visit Moscow and stay at the Monastery of St Nicholas for a period of up to four years. When their time in Moscow was up, they were to return to their own monastery and their places could be taken by other monks. Exceptions could be made only under certain specific circumstances: namely, war between Russia and the Sublime Porte or political troubles in the East.⁶

The manuscript in question contains one further interesting note by Kyprianos: '1691 ἀπρ_{ειλί}ου 22 ἐν Μοσχοθίᾳ' (1691, April 22, Moscow). Thus, 22 April 1691 may be considered a reasonable terminus a quo and 3 June 1694 a terminus ad quem for Kyprianos's stay in Moscow. So, if Alexej Michajlovič's document was still in force at the time, hieromonk Kyprianos lived in Moscow either from 1690 to 1694 (at

δὲ μονῇ τῇ τοῦ ἀγίου Νικολάου, ὑποκειμένῃ τῷ 'Αγίῳ Ὁρει τοῦ Ἀθονος μονῇ τῶν Ἰθήρων τῇ Πορταΐτησσῃ, βασιλευόντων δὲ Ἰωάννου Ἀλεξιάδους καὶ Πέτρου Ἀλεξιάδους, αὐταδέλφων, ήτις ἐστὶν ἐμοῦ τοῦ γράψαντος.'

⁴ Istanbul, Seraglio Library No 117 (formerly Greek Institute of Trebizond No 30), Papadopoulos-Kerameus RR 809, Mystakidis RR 427, Deissmann RR 419.

⁵ Zakhynthos, Library of P. Gritsanis No 8, M. Adamis, EEBΣ, 35 (1966), 326-8; Chatzigiakoumis 1980, pp. 150-1 (photo 56, 1-4).

⁶ Travin 1876, p. 11.

least until 3 June) or from 1691 (before 22 April) to 1695. Hence, in accordance with this hypothesis, he had already returned to his monastery on Mount Athos when he wrote the third note, in 1698 ('in the ... Monastery of Iviron').

It should be noted that two of the three manuscripts known to have been written by Kyprianos are music manuscripts, which testifies to his capacity of church musician. Kyprianos was not the only Greek musician living and working in Moscow in the second half of the seventeenth century: another was the eminent hieromonk Meletios the Greek.⁷

None of the three manuscripts written by Kyprianos contains text or notes in Russian or Church Slavonic, and we may therefore suppose that he made no attempt to study these languages during his stay in Moscow. This hypothesis is supported by the fact that the Leichoudis brothers' Concise Grammar, which he copied, is the only one we know of that was never translated into Church Slavonic. It is, moreover, the only manuscript of the Concise Grammar to have been copied by a Greek. The copy belonged to Kyprianos himself: 'Ἔτις ἐστιν ἐμοῦ τοῦ γράψαντος' (which belongs to me, the writer), f. 163v.

As a Greek scholar living in Moscow in the Monastery of St Nicholas, Kyprianos must have had contact with the Leichoudis brothers, who lived close by in the Zaikonospasskij Monastery (on f. 35 there is a correction in Ioannikios Leichoudis's hand). This does not necessarily mean, however, that he was a student of theirs at the Slavo-Graeco-Latin Academy.⁸ Furthermore, it is now known that the Leichoudis brothers' students all imitated Sofronios Leichoudis's handwriting,⁹ to such an extent, indeed, that it is reasonable to say that the brothers' students were a 'school' in their own right as far as their graphic style is concerned. Kyprianos's manuscript, however, is written in a personal unconfined Greek style typical of the period and bears no graphological relationship to Sofronios's hand.

One further reference to Kyprianos confirms that he was already in Moscow in April 1691 and that he was indisputably of Greek origin. It was in that month that he and four other Greeks (archimandrite Nektarios of the Monastery of St Nicholas, hieromonk Arsenios, and

⁷ Concerning Meletios, see Fonkić - at press.

⁸ See Yalamas 1991-92, pp. 115-16 and Yalamas 1992 p. 513, for lists of the names of the Academy's students.

⁹ Fonkić 1988, pp. 62, 65.

D. A. Yalamas

the monastic deacons Nathanaïl and Kosmas) were appointed members of a committee of experts to assess the authenticity of the signature of a Greek named Lambrinos¹⁰ and thereby bring a disagreement to an end in Sofronios Leichoudis's favour.

The last item of information we possess about Kyprianos indicates that he was still at Iviron Monastery in 1706. It is an autograph dedication on an eleventh-century parchment roll in the library of Iviron (MS No 13): "Αφιέρωσα αύτὸν ἐγώ δὲ Κυπριανὸς ἵερομόναχος εἰς τὸ καθολικόν εἰς τὸ ἅγιον βῆμα 1706 Ὁκτωβρίου 1η, ἐμοῦ δὲ πατρὶς Σιάτιστα." (I, hieromonk Kyprianos, dedicated this in the catholicon, in the sanctuary, 1 October 1706, my birthplace being Siatista).¹¹

We have no further information about Kyprianos's life and activity after this date, nor is it known when he died.

Moscow

¹⁰ Smencovskij 1899, p. 313.

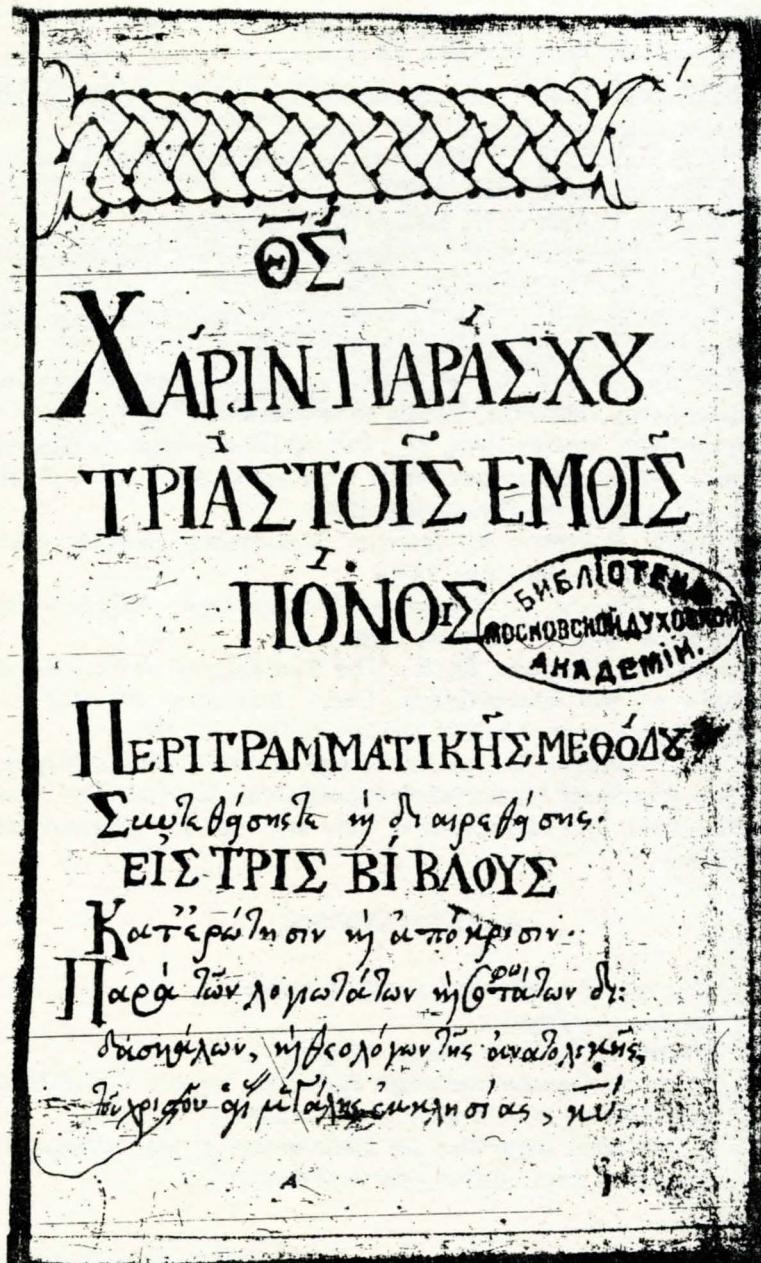
¹¹ Lambros 1900, p. 2, No 4133.

BIBLIOGRAPHY

- Chatzigiakoumis 1980: Chatzigiakoumis, M. K., *Χειρόγραφα έκκλησιαστικής μουσικῆς 1453-1820* (Athens, 1980)
- Fonkič, 1988: Fonkič, B. L., 'Novye materialy dlja biografii Lihudov', *PKNO*, 1987 (Moscow, 1988), 61-70
- Fonkič - at press: Fonkič, B. L., 'Meletij Grek' (at press)
- Lambros 1900: Lambros, S. P., *Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos*, vol. 2 (Cambridge, 1900)
- Motsios 1965: Motsios, G., '"Περὶ Γραμματικῆς Μεθόδου" τῶν Λειχουδῶν', *ET*, Nos 124-5 (Athens, April-May, 1965), 338-43
- Rogov 1959: Rogov, A. I., 'Novye dannye o sostave učenikov Slavjano-greko-latinskoy Akademii', *Istorija SSSR* (Moscow, 1959), 3, 140-7
- Smencovskij 1899: Smencovskij, M., *Brat'ja Lihudy: opyt issledovanija iz istorii cerkovnogo prosveščenija i cerkovnoj žizni konca XVII i načala XVIII vekov* (St Petersburg, 1899)
- Smirnov 1855: Smirnov, S., *Istorija Moskovskoj Slavjano-greko-latinskoy Akademii* (Moscow, 1855)
- Travin 1876: Travin, V., *Opisanie Moskovskogo Nikolaeuskogo grečeskogo monastyrya* (Moscow, 1876)
- Yalamas 1991-92: Yalamas, D. A., 'The Students of the Leichoudis Brothers at the Slavo-Graeco-Latin Academy of Moscow', *Cyrillomethodianum*, XV-XVI (Thessaloniki, 1991-92)
- Yalamas 1992: Yalamas, D. A., 'Privetsvija učenikov Slavjano-greko-latinskoy Akademii Moskovskomu patriarchu Ioakim', The legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow (Thessaloniki, 1992) 513-9

ABBREVIATIONS

- ΕΕΒΣ 'Επετηρίς 'Εταιρίας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
- ΕΤ 'Επιθεώρηση Τέχνης
- PKNO *Pamjatniki kul'tury Novye otkrytija*
- RGB *Rossiskaja Gosudarstvennaja Biblioteka*, former GBL/USSR State Library named after Lenin (Moscow)
- RR M. Richard, *Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs*, second edition (Paris, 1958)

RGB, f. 173, No 333, fol. 1. Scribe: Kyprianos Iviritis

35.

τινός:	Γρένοντα .	πρεσβυτής, ἡ παράπλην,
τινός:	εἰναρέω —	ἡ παρέψη .
	ἀγώγεων	πλεύσης, επιπλεύσης .
	ζεύγεων	πλευράς γυναικών .
	ζεύγεων	πλέοντος .
τινός:	αὐτούσιος, ἡ αὐτούσια	επιδημία, επιδημίας, επιδημίων .
τινός:	ηγειρόμενος —	ηγειρόμενης γυναικών .
τινός:	αναρριχώμενος —	ηγειρόμενης πάντων .
τινός:	πρόσθια .	ηγειρόμενος, ηγειρόμενης πάντων .
τινός:	ηγειρόμενος .	ηγειρόμενης πάντων .

ΤΑΔΕΓΠΟΙΟΥΠΤΟΣ:

τινός:	Εν	άπειρος, πολλά πολλαῖς κατατελεῖται .
	ηγειρόμενος —	ηγειρόμενης πολλαῖς .
τινός:	ηδεώς —	ηγειρόμενη .
	σοφῶς —	σοφά, σοφαῖς .
	κενισθεντής —	κενισθεντή .
τινός:	βογισθεντή —	πινετή αἴσθησις πορευόμενης γυναικίου .

RGB, f. 173, No 333, fol. 35. Scribe: Kyprianos Iviritis.
Autograph corrections by Ioannikios Leichoudis

RGB, f. 173, No 333, fol. 52v. Scribe: Kyprianos Iviritis

νεώνεαν, νεώνεαν, ητορε,
νεώνεαν, νεώνεαν, νεώνεαν,

4. Συγγραφή της παραπάνω αρχιτεκτονικής

συγγένειας οὐρανού, αἰνίζεται γε

Διαγόρειν τον πατέρα της σπάγγυαν

συμμαρτυρίαν τοιούτην γέγονεν . μήδε οὐκέτι

por igual de más de 8000 pesos.

¶ φίλην, ταῦτα ποιεῖ οὐχίς;

Kai ou-two's - Th'os w

900 \int^x - this you are =

मातृ रस शिखि

۷۰۸

၁၄၂ နိမ္မ

५७

17

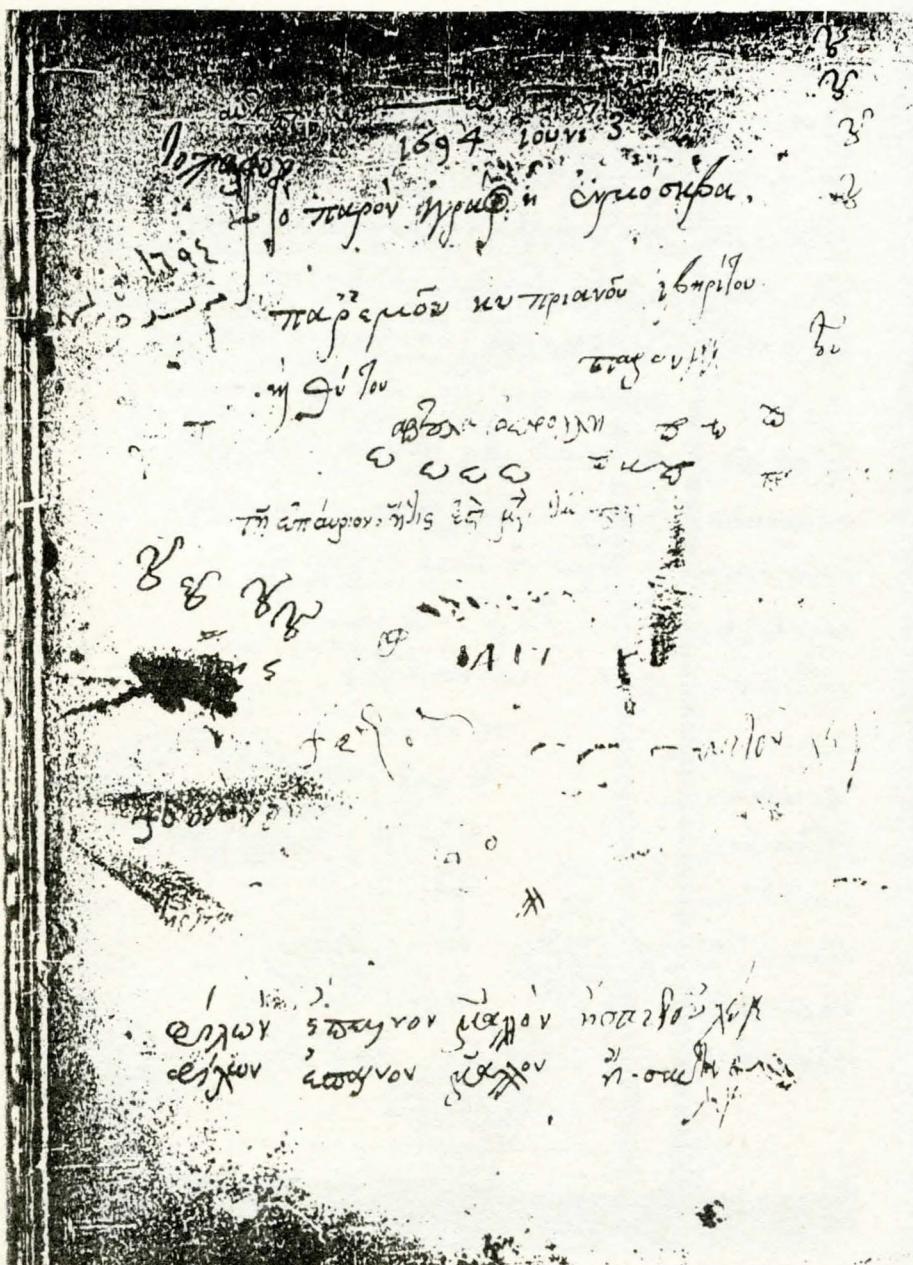
- 11 -

六

24

2

RGB, f. 173, No 333, fol. 107v. Scribe: Kyprianos Jviritis

Istanbul, Seraglio Library No 117, fol. 80v.
Autograph by Kyprianos Iviritis

A NEW COLLECTION OF SLAVONIC MANUSCRIPTS FROM THE SINAI PENINSULA

Ioannis C. Tarnanidis, *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St Catherine's Monastery on Mount Sinai* (Thessaloniki, 1988)

Ivan Dobrev

The Monastery of St Catherine on the Sinai Peninsula has long been known for its exceptionally valuable medieval Glagolitic and Cyrillic Slavonic codices. These include the Sinai Psalter¹ and Euchologion,² tenth-century Glagolitic manuscripts which have pre-

¹ See L. Geitler, *Psalterium: Glagolski spomenik manastira Sinai brda* (sa snimkom), Djela Jugoslovenske Akademije Znanosti i Umjetnosti, vol. III (Zagreb, 1883); S. N. Severjanov, *Синайская Псалтырь: Глаголический памятник XI века; Памятники старославянского языка*, IV, ИОРЯС Российской Академии (Петроград, 1922); M. Dolobko, *Zeitschrift für slavische Philologie*, I (1925), pp. 464ff.; B. Arnim, *Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum* (Leipzig, 1930); M. Altbauer, *Psalterium Sinaiticum: An 11th Century Glagolitic Manuscript from St. Catherine's Monastery, Mt. Sinai* (Skopje, 1971); П. Илчев, *Текстова структура на Синайския псалтир: Изследвания върху историята и диалектите на българския език* (София, 1979, pp. 200-5; idem, *Синайският псалтир и неговите писачи: Славянска палеография и дипломатика* (София, 1980), pp. 83-95; L. Mavrodinova, 'Украсата на Синайския псалтир', *Старобългарска литература*, XIII (1983), 74-90.

² See Geitler, *Euchologium: Glagolski spomenik manastira Sinai brda*, Djela Jugoslovenske Akademije Znanosti i Umjetnosti, vol. II (Zagreb, 1882); J. Frček, 'Euchologium Sinaiticum: Texte slave avec les sources grecques et traduction française', *Patrologia Orientalis*, XXIV, 5 (Paris, 1933), XXV, 3 (Paris, 1939); S. Słotnicki, *Index verborum do Euchologium Sinaiticum* (Warsaw, 1934); R. Nahtigal, *Euchologium Sinaiticum: Starocerkveno-slovanski glagolski spomenik*, I. *Fotografiski posnetek* (Ljubljana, 1941), II. *Tekst s komentarjem* (Ljubljana, 1942); J. Hahn, 'Der Imperativ *rači* im Euchologium Sinaiticum', *Münchener Beiträge zur Slavenkunde* (Munich, 1953), 124-36; A. Vaillant, 'L'Eucologe du Sinaï: Particularités de la langue du texte', *Byzantinoslavica*, XXI, 1 (1960), 75-87; A. Dostál, 'L'Eucologe slave du Sinai', *Byzantion*, XXXVI

served the Cyrillo-Methodian tradition almost completely intact, the eleventh-century Dobromir Gospel,³ whose text illustrates the development of Cyrillo-Methodian translations, and dozens of written sources on parchment or paper, which have long attracted the attention of students of Slavonic codices and palaeography.⁴ However, it turns out that St Catherine's Monastery had not revealed all its secrets. In 1975, a unique new collection of over thirty Glagolitic and Cyrillic Slavonic codices and fragments of codices was discovered by chance. This literary treasure awaits Slavicists from all over the world so that hitherto unknown data may be included in textual evidence and palaeography relating to the grammar and lexicology of the early Slavonic languages. Naturally, the manuscripts will have to be published first; and until a scientific and critical edition appears on the scene, this detailed and conscientious catalogue by Ioannis Tarnanidis will remain the basic source. It comprises a Foreword in Greek and

(1966), 41-50; I. Ševčenko, 'Report on the Glagolitic Fragments (of the Euchologium Sinaiticum?) Discovered on Sinai in 1975 and Some Thoughts on the Models for the Make-up of the Earliest Glagolitic Manuscripts', *Harvard Ukrainian Studies*, VI, 2 (1982), 119-51

³ See V. Jagić, *Evangelium Dobromiri: Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII Jahrhunderts*, I. Grammatischer Theil, mit drei Tafeln, II. Lexicalisch-kritischer Theil, *Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Classe*, BB.CXXXVIII, CXL (Vienna, 1898); M. Altbauer, 'Z lexika nově nalezeneho zlomku Dobromirova evangeliáře', *Studia palaeoslovenica* (Prague, 1971), 21-5; idem, *Добромирово евангелие: Кирилски споменик од XII век*, vol. I (Skopje, 1973); B. Velčeva, *Добромирово евангелие: Български паметник от началото на XII век* (Sofia, 1975); I. Dobrev, 'Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужебни книги', *Български език*, XXIX, 1 (1979), 9-21; K. Stančev, 'Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже', *Palaeobulgarica*, V, 3 (1981), 81-97; V. Despodova, 'Лексиката на Добромировото евангелие', *Македонистика*, I (1977).

⁴ See V. Rozov, 'Болгарские рукописи Иерусалима и Синая', *Минало*, III, 9 (1914), 16-38; T. Djordjević, 'Serbia and the Holy Land', *The Journal of Theological Studies*, XIX (January and April, 1911), 97-114; idem., *Српске светънъ у Палестини* (Skopje, 1925); V. Rozov, 'Српски рукописи Јерусалима и Синаја', *Јужнословенски филолог*, В (1925/6), 118-29; M. Speranskij, 'Славянская письменность XI-XIV вв. на Синае и в Палестине', *ИОРЯС*, XXXII (1927), 94-117; V. Rozov, 'Сербы в Палестине и на Синае', Труды IV-го съезда русских академических организаций, I (Belgrade, 1929), pp. 195-200; idem, 'Синайцы в Сербии XIV в.', *Byzantinoslavica*, I (1929), 16-21.

A New Collection of Slavonic Manuscripts

English (pp. 15-18 and 39-42); an Introduction, again in Greek and English (pp. 21-36 and 45-59); a description in English of 29 codices, 9 fragments, and 3 rolls (pp. 65-181); 34 colour plates (pp. 185-216); 121 black-and-white photographs of individual pages or bifolia (pp. 219-351); a basic bibliography (p. 353); and an Index *nominum et rerum* (pp. 355-9). The book also includes a panoramic drawing of the Monastery of St Catherine and the Ar-raha Valley with Mount Sinai in the background, signed by David Roberts (pp. 60-1). The Foreword is preceded by a Preface by Damianos, Archbishop of Sinai and Hegumen of St Catherine's Monastery, in Greek and English (pp. 9-10 and 11-12).

There is no doubt that we have here a handbook of great importance to anyone who will be working on the Sinai collection in the future. In the course of his description of the newly discovered collection of manuscripts with photographs of a number of them, the author introduces us to St Catherine's Monastery as a treasury of the entire wealth of Slavonic antiquity. He dwells in detail on the Monastery's historic links with the Slav clergy, the earliest evidence of such links being Domentijan's *Life of St Sava*, first Serbian archbishop from 1219.⁵ According to this work, during his travels in the Holy Land in 1229, Sava not only visited the Russian Monastery of the Archangel Michael in Jerusalem, but also founded two Serbian monasteries: St George's at Acre and St John's at Zion.⁶ During his second journey, in 1234-5,⁷ Sava founded a third monastery, the Monastery of the Holy Virgin, on the road to Sinai and visited the holy places where, according to legend, God spoke to Moses from a burning bush, told him to lead the Israelites out of Egypt (*Exodus III*), and gave him the Ten Commandments (*Exodus XIX*). Not far from there, in St Catherine's Monastery, Sava held a service in Slavonic. Professor Tarnanidis rightly believes (p. 50) that this

⁵ Concerning him, see *Живот Светога Саве: Написао Доментијан*, Изд. Ђ. Даничић (Belgrade, 1860); A. Gavrilović, *Свети Сава: Преглед живота и рада* (Belgrade, 1900); I. Ruvarac, 'Одломак из написане пре 1891 расправе о главним моментима из живота св. Саве, првог српског архиепископа', *Летопис Матице Српске*, CCVII (1901); V. Zlatarski, *История на българската държава през средните векове*, vol. III (Sofia, 1940), pp. 312-17, 408-13; V. Rozov, 'Страница из живота Св. Саве', *Споменик Српске Краљевске Академије*, LXIX (1952), 95-105; *Сава Немањин – Свети Сава: Историја и предање* (Belgrade, 1979).

⁶ See *Живот Светога Саве: Написао Теодосије*, 185-6.

⁷ Professor Tarnanidis believes that St Sava died in Tirnovo on 14 January 1236. Cf. S. Stanojević and A. Solovjev, 'Које је године умро Св. Сава', *Глас*, CLVI (1933), 159-69.

is not in itself a firm argument that there were Slavonic liturgical books on Sinai at that time. The hypothesis presented by such Bulgarian scholars as the late Professor Iordan Zaimov, for instance, that Glagolitic manuscripts and ecclesiastical valuables were brought to Sinai from Macedonia as early as the eleventh century, in order to save them from being looted during the campaigns of Basil II 'the Bulgarslayer' (976-1025), is unproven and improbable. In view of the fact that most of the Sinai manuscripts are from the thirteenth and fourteenth centuries, a period when south Slav monasticism was flourishing, and that they also reflect the great variety of contemporary literary genres, Professor Tarnanidis believes that it was in this period that the collection was gradually compiled. He points out that in 1359/60, Jakov, the Metropolitan of Serres,⁸ ordered that a Triodion (a Horologion, a Psalter, and a collection of the Homilies of John Chrysostomos) be copied and sent to the Monastery of the Holy Virgin, which maintained close relations with St Catherine's Monastery.⁹ Another intermediary for Serbian books on their way to Sinai was the Monastery of the Archangel Michael in Jerusalem,¹⁰ which was founded by Stefan Uroš II Milutin (1282-1321), and, vice versa, liturgical books were copied in St Catherine's Monastery and sent to the Monastery of the Archangel Michael. This is attested by a marginal note dated 1373/4:

Сии триад. Полојткъ. Последни комад. Исписа се оуј стон. Синаи. Роукою равь вожиних икромонах. Иакова. И грѣшни таникъ стмѹ архистратигѹ цркве срѣвскык оуј ерслимѣ. Извода стогорскога пракога. Все наредоу. И съ типикомъ и съ шхтанкомъ. Ница да не липса. Извода новога нъ истинъ вонгарскога јзыка. Теръ вїт вѣстъ. Велми ни є вило оусилно. Прѣставаљти га на срѣвски језиц . . . И како смо в изводѣ нахвдили. Тако и смо писали. Ни шдлагали. Ни прилагали . . . И оуписа се снаа книга въ лѣ ѕ. и ѿ и ѕ и ѕ.¹¹

⁸ Concerning him, see S. Stanoević, 'Серский митрополит Иаков', *Seminarium Kondakovianum*, X (Prague, 1938); S. Radojičić, 'Јаков Серски књигольбац и песник српски XVI века', *Летопис Матице Српске*, 390 (1962), 323-32; C. Hannick, 'Jakov von Serres und der Codex Sin. Slav. 21', *Археографски приложи*, III (1981), 137-42.

⁹ See Rozov, 'Болгарские рукописи Иерусалима и Синай', 20-1.

¹⁰ See N. Dučić, 'Српски Арханђелски манастир у Јерусалиму', *Годишњица Николе Чупића*, IX (1887), 235-42; D. Glumac, 'Српске задужбине у Палестини', *Гласник Српске православне цркве*, X-XII (1946), 239-50.

¹¹ A. Vostokov, *Филологические наблюдения* (St Petersburg, 1865), p. 178.

The copy was made from the new Bulgarian Mount Athos *izvod*, which was kept at St Catherine's. This in itself is evidence of cultural interaction, contact, and co-operation between Bulgarian monks from Mount Athos and monastic communities on Sinai, and perhaps too of the presence of a not inconsiderable Bulgarian monastic community in St Catherine's Monastery, which is borne out by other Sinai manuscripts with important information about medieval Bulgarian culture. Thus the fourteenth-century Middle Bulgarian Octoechus (No 19 in St Catherine's library) describes how the old Athonite monk Ioan from the Great Lavra of St Athanasius, together with other members of the clergy and laity who followed his example, translated and compiled, for the use of the Bulgarian church, a number of liturgical books and homilies, including the New Testament (Gospels and Epistles) and the Psalms. A marginal note in another fourteenth-century Middle Bulgarian manuscript (No 23) states that the new *izvod* of the Triodion was done in the Great Lavra of St Athanasius by Joseph of Mount Athos:

Сии изводъ изведе старецъ сѣти глемъни юнци, извъ сѣжъ лавръ извъ гръцкаго жъзыка въ нашъ вѣлгарскън.¹²

This marginal note was written by hieromonk Methodius, who copied other books as well: an Octoechus (No 20 in St Catherine's library), the *Bogorodičnik* (No 22 in St Catherine's library), and probably the Homilies of Ephraim Syrus (in the library of the Monastery of St Paul on Mount Athos).¹³

Contact between the Sinai Monastery and the southern Slavs did not cease during the period of Ottoman domination. Thus, the icon of King Samuel's son-in-law, Ioan Vladimir,¹⁴ came to Sinai. This was an

¹² See J. Ivanov, *Български стариини из Македония* (Sofia, 1931), p. 275; G. Popov, 'Новооткрито сведение за преводаческа дейност на български книжовници от Света гора през първата половина на XIV в.', *Български език*, XXXVIII (1978), 402f.

¹³ See J. Ivanov, op. cit., 277.

¹⁴ See G. Ostrogorski, 'Синајска икона св. Йована Владимира', *Сабрани дела*, vol. IV (Belgrade, 1970), 159-69. Concerning Ioan Vladimir, see A. Sopov, 'Един документ за българската история', *Сборник за народни умотворения*, II (1890), 115-31; V. Zlatarski, *История на българската държава през средните векове*, vol. II,2 (Sofia, 1927); A. Gregoar, 'Българският произход на Шекспировата

object of special veneration in the western Bulgarian lands; as well as a service for a saint and a brief *Life* in Greek, an extended Greek *Life* was dedicated to him, written by Cosmas of Citium and published in Venice in 1690 and reprinted in the Moschopol Miscellanies in the 1740s.

Professor Tarnanidis's notes and observations confirm the view that the Monastery of St Catherine was one of the main centres of Byzantine and Slavonic cultural collaboration.¹⁵ Noting that from the sixth century onwards and throughout the Middle Ages Sinai was a major centre of monasticism and Orthodoxy, endowed and protected by the Byzantine emperors, the author particularly stresses its role as a coenobitic Byzantine and Slav monastic community, which showed great respect for the Slavonic Christian codices (p. 53).

Professor Tarnanidis gives a fairly full account of the scientific interest shown in St Catherine's Slavonic manuscripts (pp. 55-6). The first scholar to mention them was the Jesuit monk Claude Sicard, who visited the monastery in 1725 and noted that the library boasted a collection of Russian manuscripts: 'leur Bibliothèque est encore très nombreuse, elle est riche surtout en manuscrits grecs, russiotes, arabes, syriaques, abyssins et autres'.¹⁶ (The term 'Russian' probably embraces any books written in Church Slavonic letters.) The Slavonic manuscripts drew the attention of the Russian archimandrite Porfirij Uspenskij 120 years later, on two visits in 1845 and 1850.¹⁷ During his second visit, he also noted the existence of Glagolitic works. The first, brief, description of the Sinai manuscripts was the work of Antonin Kapustin,¹⁸ who counted 38 Slavonic monuments, though his account

"Буря", *Родина*, II,2 (1939); N. Lubinković, 'Легенда о Владимиру и Косари — измној писане и усмене књижевности', *Научни састанак слависта у Вукове дане*, VI,2 (1977).

¹⁵ Concerning other centres, see I. Dujčev, 'Центры византийско-славянского общения и сотрудничества', *Труды Отдела древнерусской литературы*, XIX (1963), 107-29.

¹⁶ See V. Benešević, *Описание греческих рукописей монастыря святой Екатерины на Синае* (St Petersburg, 1911), p. VIII.

¹⁷ Porfirij Uspenskij, *Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году* (St Petersburg, 1856); *Второе 1850 г., Известия Императорского археологического общества древностей*, 1865.

¹⁸ Antonin (Kapustin), *Из записок синайского богомольца*, Труды Киевской духовной академии 1873 (сентябрь); see also M. A. Salmina, 'Дневник архимандрита Антонина (Капустина)', *Труды Отдела древне русской литературы*, XXVII (1971).

A New Collection of Slavonic Manuscripts

does not include any information about the Sinai Psalter or the Sinai Euchologion. N. Kondakov¹⁹ took a special interest in the Glagolitic texts and published photographs of the above-mentioned monuments. In 1907, 1908, and 1911, St Catherine's was also visited by V. Beneševič, who succeeded in photographing some of the manuscripts, and in 1908 Vladimir Rozov²⁰ undertook a detailed description of the Bulgarian and Serbian codices. The latter served as the basis of M. Speranskij's study and catalogue of 43 manuscripts.²¹ The same number of manuscripts are listed in the most recent catalogue, drawn up by M. Kamil,²² and comprise the 'old' Sinai collection.

The 'new' Sinai collection, described by Ioannis Tarnanidis, consists of 41 archaeographic units: 14 parchment codices, 4 parchment fragments (one of them, No 17, a palimpsest), 14 paper codices, 6 paper fragments, 1 parchment roll, and 2 paper rolls. Four of the parchment codices (Nos 1, 2, 3, 5) and one of the parchment fragments (No 4) are written in rounded Old Bulgarian Glagolitic of the tenth century. The rest of the manuscripts are Serbian (24), Middle Bulgarian (5), and Russian (3) written in Cyrillic of the twelfth to the fourteenth century; the section of the Dobromir Gospel (No 7) dates from the eleventh century; besides the Serbian Cyrillic, there is also a Greek script, two later Russian manuscripts (Nos 21 and 22) written in Moldavia in the fifteenth century, and one of the manuscripts is not homogeneous in its orthography — part of it is in a non-*jus* Serbian script, while the rest is in a Bulgarian script with only one ♀.

As we have seen, 32 out of the total of 41 archaeographic units date from the thirteenth and fourteenth centuries, and 29 of these are south Slavonic. This ratio confirms the hypothesis that the new Sinai collection (of course, this applies to the entire collection of Slavonic manuscripts at St Catherine's Monastery) came into being gradually before the period of Ottoman domination and during the first decades of the final Ottoman conquests in the Bulgarian and Serbian lands. With one exception (No 17), the collection lacks Bulgarian and Serbian manuscripts from the fifteenth century and later. Only one of the manuscripts (No 38) was written specifically for the Monastery of St

¹⁹ N. Kondakov, *Путешествие на Синай в 1881 г.* (Odessa, 1882).

²⁰ See n. 4.

²¹ See n. 4.

²² M. Kamil, *Catalogue of All Manuscripts in the Monastery of St Catherine* (Wiesbaden, 1970), pp. 147-8.

Catherine: it is a non-jus parchment roll, 184cm long and 13.5cm wide, containing the Liturgy of John Chrysostomos, which was written on the orders of 'caesar' Hrelja and his wife Anna for the needs of the Sinai Monastery.

Бѣ да прости г҃на кесара хрѣлю. и г҃ждоу кесарицоу аноу. повелѣвъша писати сию лѣтгю стон коупине синаискон роукю дніака грѣшнаго драгиѣ прасца (р. 176)

Protosebast Hrelja received the title of 'caesar' as a reward from John Cantacuzenus in 1342, doubtless the same year as the above marginal note was written. As Professor Tarnanidis observes, the note could not have been written at a later date, since Hrelja died in December 1342. This is attested by his tombstone at Rila Monastery, the text of which begins with the words:

гровъ тѣ съдрѣжть нѣ вмрѣвена кесароу

and expresses the grief of his bereaved wife:

страждѣть швоюдѣ оумрѣвленіемъ твоимъ кесарѣ прѣизреднѣ хваленія кесарица тваша сопрѣжница рїдаючи и двостраждочи.

The tombstone also gives the exact date of his death:

лѣ 5.в.нѣ. ен' диктишн тѣ мсц. дек. кѣ днѣ прѣстави се славны кесарь стефанъ. хрѣлья драговола. мниньскымъ шврацомъ харѣтшн ктиторъ стго храма сего²³

(27 December 1342). Clearly monks travelled between the south-west Bulgarian lands, where Hrelja's domains were situated, and St Catherine's, and took there a liturgical roll written by Dragia in order to save the souls of the caesar and his wife. They were probably monks from Rila Monastery, whose donor was Hrelja.²⁴

²³ See I. Dujčev, *Стара бѣлгарска книжнини*, vol. II (Sofia, 1943), pp. 283-4.

²⁴ See J. Ivanov, *Св. Иван Рилски и неговия монастир* (Sofia, 1917); Veld-Mari Bibikova, 'Ктиторски портрет на Феодала Хрельо', *Музеи и паметници на културата* (1971), vol. 2; L. Praškov, *Хрельовата кула: История, архитектура, живопис* (Sofia, 1973).

A New Collection of Slavonic Manuscripts

The fact that Bulgarian monks visited St Catherine's is attested in a marginal note, probably from the fourteenth century, in MS No 18, a thirteenth-century Russian copy of an Ascetic Miscellany.

ДА К ВЕДОМО ВСАКОМОУ КАЛДГЕРВ ПРИХОДЕЦВМ 8 СИНАЮ ИЛИ К СРЬВА НЬ ИЛИ Е ВВГАРИНЬ ИЛИ Е РОСИНЬ ЗА СИЕ КЕЛИК. НАСТАВЛЕНИЕМ ГСНЬМ ВСЕШВЦЕН НАГО КЛСПА ГЕРМАНА . . . ШТАВИЛЬ ДА НЕ РАБОТАТЬ НИКОМВ НИЦА

The illegible word, indicated by a line of dots, contains the letters **κ, η, αφχ** — probably from the Greek root **ξενοδοχ-** — and should be read **κσενοδοχъ**. On this occasion, at the insistence of German, who was Bishop at the Sinai Monastery in the fourteenth century, a special cell was set aside for the accommodation, free of charge, of Serbian, Bulgarian, and Russian monks, and no-one had the right to draw any income from it.

Only one manuscript is specifically dated: the Life of St Basil the Younger (No 20), a Middle Bulgarian monument of 1369/70, as is attested by the marginal note on fol. 120v:

ржкодѣлие попа петра. исписа сїа книга въ лѣто .s. w он въ земи вѣстѣни.
при црн асенъ въ

The above-mentioned Bulgarian king in undoubtedly John Alexander (1331-71), as Professor Tarnanidis points out; other members of the same family were Michael Šišman (1323-30), his sons Michael, John, son of Theodora, and John, son of Sarah-Theodora), and his brother John, all of whom, like John Alexander himself, also also bore the surname Asen,²⁵

коренѣ сїци иванна прѣизлѣпнаго црѣ влѣгарашъ асѣнѣ

according to the translator of the Chronicle of Manasses. So far **асень**, as a title of John Alexander, is attested chiefly in Greek documents, such as: John Cantacuzenus (ed. Bonn. I, 43; II, 26), Nicephorus Gregoras (ed. Bonn. IX, 13), the charter of Patriarch Callistus to the clergy in Tirnovo, dated 1355 — κυρ Ἰωάννη τὸν Ἀσάνη — (ed. Miklosich-Müller, I, p. 439), the Synodic Act concerning the engagement of Andronicus, son of John Palaeologus, to Keraca, daughter of John

²⁵ Concerning the dynasty of John Alexander, see V. N. Zlatarski, *Вопрос о происхождении болгарского царя Ивана-Александра*, Статьи по славяноведению, vol. II (St Petersburg, 1906).

Alexander — τοῦ ὑψηλοτάτου βασιλέως τῶν Βουλγάρων κῦρος Ἰωάννου Ἀλεξάνδρου τοῦ Ἀσάνη — (ed. Miklosich-Müller, I, p. 432, see also p. 185), a charter of 1379 (September, 3rd indiction) granted to the Monastery of St Vlas near Nessebur — τὴν βασιλείαν τῷ τρισμακαρίστῳ ἐκείνῳ καὶ ἀοιδίῳ βασιλεῖ Ἰωάννῃ Ἀσάνῃ καὶ πάππῳ τῆς βασιλείας μου — (ed. Παπαδόπουλος - Κεραμεύς Analecta I, pp. 468-9). The same surname also appears in a Bulgarian source.²⁶

In their content, the manuscripts Professor Tarnanidis describes make up a typical church-monastery collection. It comprises psalters (Nos 2, 3, 6, 8, 13, 22, 25, 26, 30), which were used by the *inoks* (monks) throughout the day, prayer-books (Nos 1, 16, 31), menaia (Nos 4, 11, 33, 34, 35), ascetic miscellanies (Nos 18, 24), hymnographic miscellanies with canons, paracletics, Acathist hymns, and kontakia (Nos 10, 12, 14, 15), liturgical rolls (Nos 38, 39, 40), an Octoechus (No 9), a Triodion (No 36), a Horologion (No 29), Tetraevangela (Nos 7, 37), a Life of Basil the Younger (No 20), a Typicon (No 21), and a book of Church rules and Canons (No 23). It contains relatively few original texts (i.e. not translated from Greek). Of particular note are the two prayers for protection from wolves on fols 1, 2, and 3 of the Glagolitic Psalter of Dimitri the Ol'tar'nik (No 3), as also a very interesting treatise on healing (fol. 141) in the same manuscript. This treatise requires a new reading of the *scriptio continua*, by which I mean a different division of words from that given by Professor Tarnanidis (p. 99). Owing to the exceptional importance of the text, I suggest another reading, accompanied by a translation.

Брачъва Коzmanна обърнъ на брачъв традиции. Исоушъше 1. въ винѣ възкаръше испити. рѣшилъ великаго листвѣ отоковъ сътлъкъше. а корение его тѣхъ. тѣдоковъ сътлъкъше отромъ пити. лоуѓъ глава тои. трасавици. егда же на отрочамъ ходитъ то не почиаетъ съ кръни. осъта великаго. сѣма естъ въ главахъ. да того. ю. сътлъкъше въ винѣ дати. испити. егда несъ вѣсенъ ожестъ ли вълкъ змииного малъкъ корение. егда вѫдетъ члкоу тажъка жтрова. ли отокъ. ли прохода не вѫдетъ. то корение то варити въ

26 The donor's inscription in the Church of St Nicholas at Staricene in the Pirot region is mentioned:

изволенiemъ иша и съвртениемъ сина и съпостѣшениемъ старого ахъ съуда сж и написа сж храмъ ... съ ексодомъ арсениѣ и ефимик и костандина ... въ дни благовѣрнаго цркви иона аспѣнѣ и при гиѣ вѣлаоурѣ въ лѣто 5 и 6 и м.

See S. Gabelić, 'Прилог познавања живописа цркве Св. Николе код Станичења', Зограф, XVIII (1987), 22.

винѣ. того чашк испити. и то вѣдѣти. аще не вѣдетъ прохода въ скрѣ. то цѣлж солъ варити съ медомъ. то же вѣложити въ проходѣ. и аще ся ѡѣва запечетъ. то покривъно листкѣ люво коренѣе сътерьше. то же сыпати на ѡѣвѣ. аще ногж ізломитъ. ли ізвинетъ то ръжанж мжкж ти дрождѣй привадатъ. отоцѣ врѣтѣнъ. варикѣши прилагати. рѣваткѣ. аще лице начинѣ волѣти. ли глава. то вѣлои темѣ нъ ти жльцъ. ликъ полѣпкѣши платъ до очшю. приложити. а егда вино течеть. то զодъ істерьше. ти ісѣти. съ лоемъ. съмѣшиши ти сътирати. дѣтиро егда волѣтъ велика жтрова. ли растъ. то рѣжнж мжкж. ти дрождѣй привадати жтровѣ. чрѣмошь строупоу զломоу. коню егда вѣдетъ чрѣкъ. цвеки конѣскои кора его вѣложити въ ѡѣвѣ. егда джсны гнѣжтъ. то чаврѣно коренѣе сътерь насипати. аще ср҃цж вѣки чрѣвлѣ ѡѣматъ. то платъна чиста. платъ ог҃рѣзавшѣ. ти лѣжицж ногж. положити на тѣмени. прѣвое платъ то же на немъ лѣжицж. то же ѡѣди ти. егда кашълетъ члѣкъ то оманъ варикѣши въ винѣ. I . чай болиѣти. да єдинж испѣть. аще глава спетика вѣдетъ. то окѣча мотыла ти сало. люво масло люво лои. тѣмѣ же помазати. егда вѣдетъ стояденица. то զальчъ медвѣждж. ти лои. ти коры церовы жегъши ти медъ. тѣ цѣлж солъ. а чиры прилагати сѣрж

'The treatment of St Cosmas. To cure diarrhoea — obrin [a kind of herb]: dry it and boil it in wine, then drink it. For a swelling — the leaves of agrimony: cut them into small pieces. When you apply it to a wound, use the roots: cut the roots into small pieces, push them in deep. And the sap from the head [of the agrimony plant] is used to cure fever. But if the fever attacks children, do not let blood. The seeds of the thistle are in the head: cut 30 heads into wine and give it to them to drink. If one is bitten by a mad dog or wolf — use the roots of the greater celandine. If you have a heavy stomach, or swelling, or constipation, boil the roots and drink one cup. And remember, if this does not pass quickly, you must boil a piece of salt with honey and place it in the rear orifice. If the wound burns, grind the leaves or roots of nettles and place them on the wound. If you break a leg or sprain it, apply a dressing of rye flour and tartar. For a swelling or an open wound, apply plantain after you have boiled it. If you have a headache or facial pain — apply dressings of white incense and gall on the face up to the ears, and if the wine starts to drip, grind white clay, sift it, mix it with lard, and spread it downwards over the face. When a child has a stomach-ache, or there is a rupture, dress the wound with rye flour and tartar. For a bad case of scab, wild onions. If the horse has worms — use dock,

place the roots in the wound. If the gums are rotting, cover them with ground roots of savory. If the worms are biting — cut a piece of clean cloth and take a new silver spoon and place them on the forehead, first the cloth and then the spoon, and use the same medicine. If someone has a cough, boil elecampane in wine, add tea, and drink them at once. If the head is scurfy, cover it with sheep dung and fat or oil and lard. If you have the shivers — use fat and oak bark on charcoal, honey, and a piece of salt. Put sulphur on boils.'

Брачъва ко^зминнаа contains many Bulgarian popular names of plants: врътени^к, related to the modern Bulg. брътци "живовлек", plantain, *Plantago major*, with the old vocalic interchange врът-: врът, cf. връсть, from *brut-ti 'sapling, green branch, growth for winter fodder', the closest related Indo-European form being the Lat. *frutex* 'bush, shrub' from *bhrut-. редокы, acc. sing. редъкъв > редоковъ 'radish', *Raphanus sativus*. The root vowel is interesting, indicated also by Czech *redkev* from the Proto-Slavonic acc. *rēdъkъvъ the Proto-Slavonic reconstruction proposed by M. Vasmer is *rъdъky, based on the Ukr. редъка from the Proto-Slavonic *rъdъky: but in Ukr. this would give *рідъка. Cp. however редъка in the Old Russian script, the Ukr. редъка, cf. Bulg. dial. ръдоква, ърдоква, from *rъdъкъвъ. On the other hand, Vasmer allows the other Proto-Slavonic base *redъkъv-, so we have before us an Old European cultural loanword, from the Lat. acc. rādicem 'root', as with other borrowed names of cultivated plants (тыкы, смокы, мръкы, acc. тыкъвъ, смокъвъ, мръкъвъ, the Bulgarian 'pumpkin, fig, carrot'). The Proto-Slavonic suffix is ū.

жъльчъ should be interpreted as St John's wort *Hypericum perforatum* or *Erythrea centaurium* (see жълч 'Erythrea centaurium' in N. Gerov's dictionary. змиине млъчине is *Chelidonium majus*. оман 'elecampane' in modern Bulgarian is оман *Inula helenium*. осътъ, Bulgarian осът 'thistle', *Carduus acanthoides*.

The west Bulgarian коприва (in the region of Pernik and Kjustendil) corresponds to покрива, 'nettle', *Urtica*, the closest parallels being the Polish *pokzywa* and the Slov. dial. *pükrywa*, which presuppose the Proto-Slavonic *pokriva alongside *kopriva and *kropiva (Russian крапива, Ukr. кропива, Slov. kropiva and kopriva, the Polish place-names Kropiwnica and Koprzywnica). The variety of stems is due to the ancient belief that the nettle, as the first edible plant to appear in

spring after a long, hard winter, determined whether the clan would survive or not.

The manuscript also attests церъ, modern Bulgarian цер *Quercus cerris*, a borrowing from the vulgar Latin *cerrus* 'oak' церово дърво.

чрѣмощь 'wild onion' *Allium ursinum*, close parallels in Slavonic being the Russian черемша, the Slovene čremoš, and the Polish trzemucha 'wild onion, cp. Lith. kermūše 'wild garlic', ancient Greek κρόμυον, Hesychius κρέμυον 'cultivated onion' and the modern Bulgarian borrowing from modern Greek κρομιδ, the Lith. and ancient Greek correspondence (with the dropping of the intervocalic sigma) indicates the Proto-Slavonic reconstruction *čermъш (cf. the Russian черемша). The form чрѣмощь may derive directly from it, but may also come from the Slov. čremoš, and derive from the Proto-Slavonic *čermоš-.

чабръ чубрица 'savory', *Satureia hortensis*, comes from the Proto-Slavonic *čεbr-, cf. the Russian чабер, Ukr. чабер, Byelorussian чабор, Czech čabř, as well as čubr, čibr, and the Polish cząbr, and see the modern Bulgarian чебрика in Gerov's dictionary, a parallel Proto-Slavonic base *čubr- is also possible, found in the Bulg. чубрица and Serbian чубар.

штевини, киселец 'sorrel', *Oxalis acetosella*, is related to the verb шавя 'to tan', cf. the Russian, швей, Ukr. шавій 'dock, sorrel'.

We learn that чаи, a word of oriental etymology, has existed in Bulgarian since the time of Cyril and Methodius; the north Chinese *cha* was borrowed very early by the Altaic languages (Mongolian and Altaic *čay*), which also included Proto-Bulgarian. Therefore, чай is essentially an Old Bulgarian word, and not a later borrowing from Russian, as has been hitherto believed.

Words which add considerably to the Bulgarian historical lexicon are: зодъ 'white clay', corresponding old words in the Ohrid and Veles region are зод, зодено, зодосвам = "глеч, гледжосвам, гледжосано" 'enamel'; стояденица 'fever and ague'; сметикъ, which comes from сметии, modern Bulgarian сметей 'blight', which in Old Bulgarian also meant 'scabs or shingles on the head'; атро (атромъ пити), with an unusual old meaning of 'innards', related to the Sanskrit *antram*, ancient Greek ἔντερα 'intestines' — usually the descendants of Proto-Slavonic *ětro mean 'liver', cp. dial. (Shumen region) етро 'liver'. The original of the modern Bulgarian скълцам is сътълцајк, сътълъцати, with metathesis of the consonants тл to кл (cp. the transition in тлъсто > клъсто, in the

Sliven region, and a similar metathesis from гл to дл and the reverse in гълъвокъ/глъжвокъ > дълъвокъ and in длето > dial. глето etc.

Professor Tarnanidis gives an exhaustive list of the incipits of manuscript No 9, which deserves the most careful attention, comprising thirteen folios of an Octoechus in fourteenth-century non-jus orthography, with canons, *stichera*, etc. for four, five, and six voices for the services on Thursday, Friday, and Saturday. Some passages bear a remarkable phraseological similarity to some of Clement's works; e.g. folio 1: ико слнце въсе овътековак and влажк свѣтоозарни твои ност имаже швтче ико слнце всего мира;²⁷ fol. 12v: грѣховною мъглаш ачнишак and мъглаш идолъскою потревлѧ;²⁸ мъглаш идолъ раздрак;²⁹ fol. 12v: вѣгодарни словеси просвѣтисте and вѣдъхновены словесы просвѣтисте;³⁰ fol. 13v: тръсвѣтлами 瘴ѣми швлиставки прѣци and тръсвѣтлами 瘴ѣами швлиставши;³¹ fol. 13v: ико слнце сиающе прѣци and вѣсна на земи ико слнце трипостаснаго вѣкства 瘴ѣми всего мира просвѣща;³² тръсвѣтла ми 瘴ѣами ико слнца сиаши;³³ паче слнца троичными 瘴ѣими сиаши;³⁴ дѣховною силою сиаши паче слнца;³⁵ издрѣдънами лѹчами просиашъ ико слнце тръвлажене.³⁶ These observed similarities once again raise the important question of Clement's hymnographic work and his representational system. A complete examination of the octoechus is necessary, and will be much

²⁷ *Похвала за Кирил Философ. Климент Охридски. Събрани съчинения*, vol. I (Sofia, 1970), p. 427 (fol. 40r).

²⁸ Concerning services of St Clement, see K. Stančev and G. Popov, *Климент Охридски* (Sofia, 1988), p. 199 (No 37 in the collection of the Austrian National Library, fol. 264r).

²⁹ Concerning services of St Clement, see B. Angelov, 'Климент Охридски — автор на общи служби', *Константин-Кирил Философ: Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му* (Sofia, 1969), p. 256 91 No 122 in the National Library of Sofia).

³⁰ *Похвала за Кирил Философ*, fol. 39v.

³¹ *Tripesenici* for Clement before the feast of Christmas; Stančev and Popov, op. cit., p. 166 (No 166 in the collection of A. Chludov, fol. 40v).

³² *Похвала за Кирил Философ*, fol. 37v.

³³ Ibid., fol. 38r.

³⁴ Ibid., fol. 38r.

³⁵ *Похвално слово за Димитор Солунски. Климент Охридски. Собрани сочинения*, vol. I, p. 234 (fol. 424v).

³⁶ Clement's canon for Euthymius the Great; see Stančev and Popov, op. cit., p. 173 (in the collection of printed works, CGADA, Moscow, fol. 81r).

A New Collection of Slavonic Manuscripts

assisted by Professor Tarnanidis's sound analytical work. We shall be able to express reasoned views upon publication of the whole of MS No 14 together with its Greek originals.

In MS No 14/N, a Serbian Miscellany from the thirteenth century, St Cyril is commemorated on folios 145-6:

ВЪ ТЪЖДЕ ДНЬ [14 Feb.] ПРПДВГА ШТИЦА НАШЕГО КУРИЛА. ОУЧИТЕЛА СЛОВѢНСКАГО
ТРОП ГЛАС. Δ

and a troparion in his honour is mentioned:

В ПЕЛЕНЬ ПРИЛЕЖЬНО ПРЕБОУДРСТЬ СЕСТРОУ СЕВѢ СТВОРИ,

while MS No 12 (a thirteenth- to fourteenth-century Serbian collection of hymns) contains a *kontakion* in memory of St Sava of Serbia (for 4 January):

СТРОФАМИ СЛЬЗЪ ТВОИХЪ ВГОМЫСЛЬНИ САВО ЦРКОВЬ ТЕЛЕСНОУЮ ШЧИСТИВЪ СЛОУГА
ВЫСТЬ ПРЕСТИК ТРОИЦЕ.

MS No 14 fol. 130 has examples of the Slavonic names of months:

МСЦЬ ШКТЕВ РЕКОМ ЛИСТОПАД ИМАТ ДНІ АЛ,

and similar examples are to be found in MS No 21, a Russian-Moldavian *typicon* of the fifteenth century.

Without doubt the very greatest scientific interest lies in the newly discovered Glagolitic manuscripts: 28 folios from the Euchologium Sinaiticum (No 1), 32 folios from the Psalterium Sinaiticum (No 2), a hitherto unknown psalter of 145 folios, copied, according to Professor Tarnanidis, in the twelfth century, a bifolium from a menaion (No 4), and a missal of 80 folios (No 5). Professor Tarnanidis accepts the traditional dating of the earliest Glagolitic manuscripts, which is that the Sinai Psalter and Euchologion are eleventh-century monuments, and dates the Sinai missal (No 5) and the Psalter of Dimitri (No 3) to 50-100 years later, i.e. 11th-12th c. and 12th c. respectively. Among specialists in Glagolitic palaeography, the view is now gaining ground that the Sinai Psalter and Euchologion were in fact copied in the tenth century, in which case Professor Tarnanidis's dating

of the other three Glagolitic manuscripts would have to be moved forward by about a century.

The newly discovered part of the Sinai Euchologion is described in great detail (pp. 65-87). Great credit is due to the author for finding and pointing out the Greek originals of the Old Bulgarian text, which considerably facilitates its further study and publication. The Old Bulgarian text is reproduced in full on pp. 219-47 in black and white photographs, while seven of the folios are also to be seen in colour on pp. 185-90. The newly discovered section contains antiphons for matins, vespers, and hours, prayers for protection against fear, drought, and earthquakes, and for asperges, readings from the Acts of the Apostles with *prokeimena* and *alleluiaria*, followed by *apakos* readings for all the days of the week (except Monday, which has been lost), and prayers for the dead, for the sick, for Christmas, Epiphany, the Feast of the Forty Martyrs, the Annunciation, and Easter. It also contains the text of Psalms 138-51, biblical hymns, New Testament prayers, and the office hymns for matins and vespers, all of which are published on pp. 249-81, with three colour plates on pp. 191-3 (the folio on p. 193 is erroneously attributed to MS No 3, whereas it is in fact fol. 21 of the Sinai Psalter; cf. p. 269). Of the exceptionally interesting Glagolitic missal (No 5), unfortunately only two colour photographs are published (pp. 194-5), from which it appears that the monument is in a very bad state. However, even from the little we can see, it may be concluded that the handwriting and orthography belong to the Sinai Euchologion. There is only one colour photograph of the newly discovered Glagolitic Psalter (No 3); however, Professor Tarnanidis has published all the marginal notes (notes on one of these as a source for lexicological data are given above). In the same marginal note we also find the nom. sing. **кѹи** instead of the later form **кѹиъ**, the descendant of the old accusative. Scholars will be aware that the Proto-Slavonic nom. sing. **kry* (an old u-stem) survives in the Slovene *kri*, gen. *krvi* and the Old Polish *kry*. A rare nominative for the masculine form of the consonant conjunction is **кора**, known from later copies of the Epistles (Romans 11:18) and from the works of John the Exarch; cf. **твора** in the Codex Suprasliensis 399 (14): **въ զաвиши и твора** [sic, instead of *rīča*] **съмръти велми плодъни**. We should also note **мотъло** (окъча мотъла) 'sheep dung', which is related to the Bulg. **метил цѣла** (lump) **чиръ** Bulg. dial. **чир**, **чирка** = цирей 'boil', **чрѣнъ** (u-stem) и **ножъ въ чрѣнѣ чруноу** [instead of **чрѣноу**] **конъжъ въ капи своик** ср. Bulg. **чирен** 'knife with bone handle'.

the adjective **рѣхъни**) from **рѣхъ** (an old u-stem), **кань** 'scissors', a Proto-Bulgarian borrowing, which was transformed in the Middle Bulgarian period into **канни** (the Boyana Gospel), **кошара** (so far the word is encountered only in copies of the Prologue dating from the fourteenth century), **лисичини** (Old Bulgarian lexicological parallels are **отрочини**, **козлини**, **грълничини**).

Although editing is outside Professor Tarnanidis's stated scope on this occasion, his descriptions contain important data for Old Bulgarian lexicology, palaeography, grammar, and textual studies. Of particular interest are the new examples of the Cyrillic T used in a Glagolitic text, chiefly in the larger, formal writing of the titles and in the initials. The following examples of the Cyrillic T are encountered in the Glagolitic headpieces of the Sinai Psalter: 5 by scribe No 2, 1 by scribe No 1 (fol. 7r 11), 1 by scribe No 3 (fol. 40v 5), 6 by scribe No 8, 13 by scribe No 10, 2 by the scribe who wrote the last part (fols 168r 8, 168v 8), and 2 by the scribe who wrote the new part. There are four examples of enlarged initial Ts in the Sinai Psalter (fol. 52r) and in the Sinai Euchologion (fols 8r, 13v, 17v) and two examples of T as a small non-ornamental initial by scribe No 2 of the Sinai Psalter (fols 11r 11, 28r 3).³⁷ The photographs published by Professor Tarnanidis add the following examples to those known so far: Ts in the headpieces of the Sinai Psalter on fols 14r 1, 14r 2, 21r 1, 28r 3, 28v 21, 29r 14, and the initial Ts in the Sinai Euchologion on fol. 12v and the Sinai Missal on fol. 13v. Particular attention should be given to the angular initial ҹ on fol. 16 of the new part of the Sinai Euchologion, which closely resembles the delineation of the same letter in the newly discovered Vatican Palimpsest and the Book of Epistles of Enina. Concerning its archaic character, see C. Kodov.³⁸

The newly discovered part of the Sinai Psalter offers three new examples of the spidery x (fols. 10v 11, 18v 2, 28r 26) encountered hitherto only in the old part of the same Psalter (fols 78v 19, 149v 2) and in the Asemanievo Gospel (fols 138v 8, 149v 7). In the word **шльми** on fol. 88v 11 of the old part of the Sinai Psalter, the spidery x is erroneously replaced by the closely related Glagolitic w. The seven (or eight)

³⁷ For an interpretation of this, see I. Dobrev, 'Знакът Т в глаголическите текстове', *Език и литература*, XXXV, 3 (1980), pp. 40-3.

³⁸ K. Mirhev and C. Kodov, *Енински апостол. Старобългарски паметни от XI в.* (Sofia, 1965), pp. 187-8. See fol. 10v and incipit ҹ on fol. 66v in the old part of the Sinai Euchologion.

known examples are all encountered in the nom. pl. **хлъми**. On the basis of the Moscow copy of **О Писменехъ** by Černorizec Hrabr, it is reasonable to suppose that the name of the spidery X was **хлъ**; in which case there were acrophonic reasons for writing **хлъми** with a spider-like letter called **хлъ**.

In the old part of the Psalter there are six examples of the Glagolitic letter **г** (fols 40v 25, 42r 17, 42v 1, 127r 5, 121r 19, 177r 21), which corresponded to v in Greek borrowings in the combination **αν**. The newly discovered part of the monument provides a further ten instances, all in one form or another of **а һелъ**: **а һеоу**, 9v 9, 10r 13; **а һелъ**, 14r 12; **а һела**, 12r 12; **а һели**, 10r 16, 17v 15, 28r 7; **евга һеликъ**, 29r 15, 29v 23, 30r 7.

The particularly interesting Sinai Missal (MS No 5) is described in detail on pp. 103-8. As I have already pointed out, this manuscript was copied by the same scribe who copied the Sinai Euchologion, as is attested not only by the similarity of the handwriting but also by the orthography, notably such typical features as the ligature **ик** following **ч**, **ж**, **ш**, **щ**, **жд**. Professor Tarnanidis points out the influence of the Western Christian rite on the terminology: **предацникъ**, for instance, from the Latin *praefatio*, also encountered in the Kievan folios; **мъша**, from the Latin *missa*, again encountered in the Kievan folios, as also the Miroslav Gospel; **по овъщенъи**, which may be regarded as a loan translation of *post communionem*. The abl. sing. **страхъмъ** (**никоторъими же оставлѣши пакоствовати страхъмъ** — fol. 24v) is unquestionably a Moravian form, as is the 2nd pers. sing. imp. **рачи** (**рачи просъвъ и словжвъ прилати** — fol. 24v); cf. **рачи ми помоци твоемој рабоу** in the **чинъ надъ исповѣдающиимъ сѧ** in the Sinai Euchologion (fol. 72v 16), which service originated in Pannonian; as did 'da mi račite na pomoći biti' and 'iže jesi račil na si svet priti' in the third Freisinger excerpt; and **крестъѣнъскъ** (**крестъѣнъскы края отъ всего конинства сътворити въти ве скръби** — fol. 24v); cf. **крестъѣнъ, вѣры крестъѣнъскы** in **чинъ надъ исповѣдающиимъ сѧ** in the Sinai Euchologion (fols 66v 16, 67r 1).

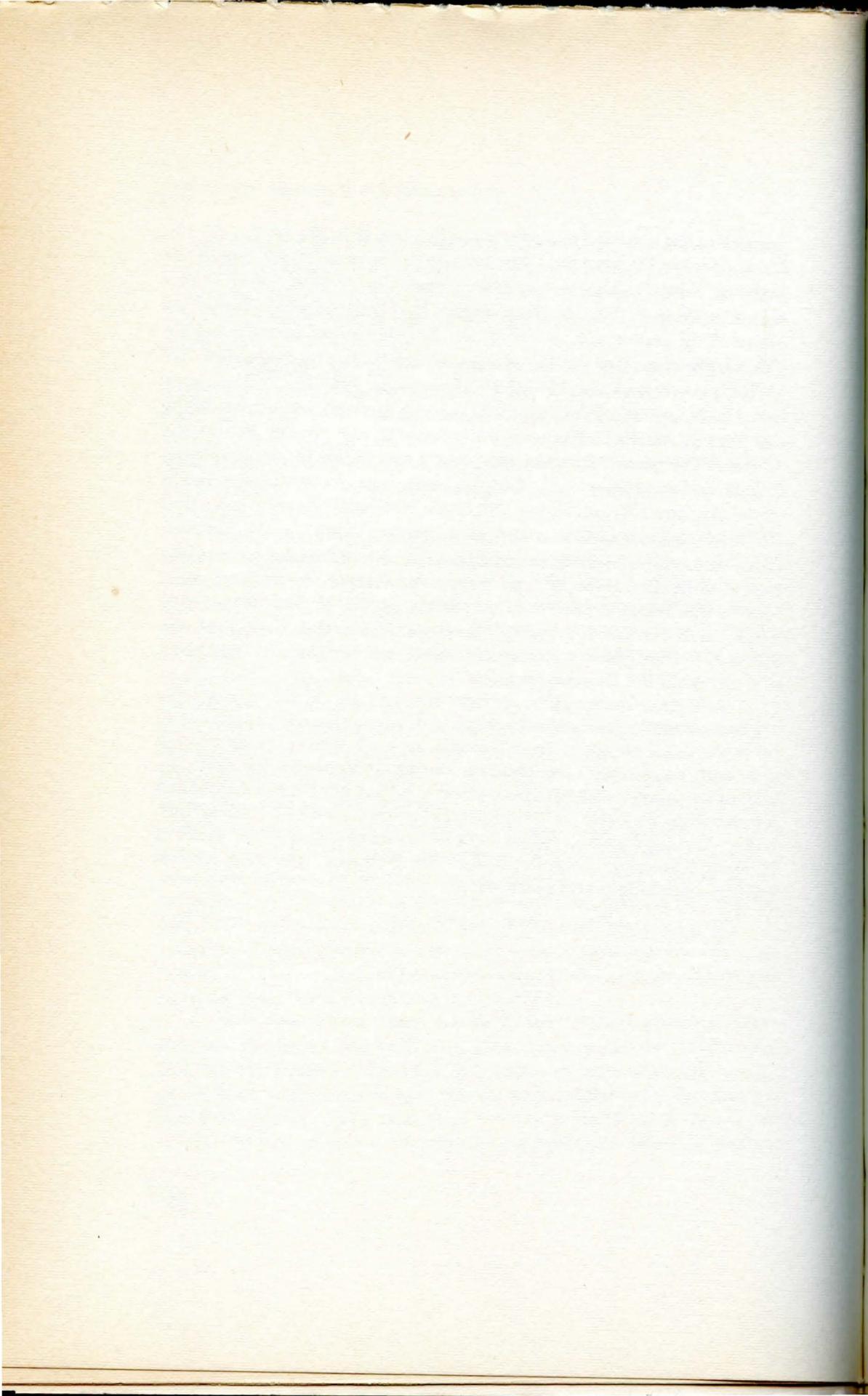
Pannonian forms which appear in the newly discovered part of the Sinai Psalter are the 1st p. sing. pres. **исповѣдатъ** (fol. 4r 13) and **вѣдатъ** (fol. 25r 21), instead of **исповѣмъ** and **вѣмъ**, cf. 'tebe ispovede ves moj grech, Bogu vsemogocemu ispovede vse moje greche' in the first and second Freisinger excerpts; **ѣште** (fols 1r 17, 1r 18, 1r 19, 1v 23, 2r 3, 2r 15) (in the old part there are a further 27 examples), cf. 'in ece bi ded nas

A New Collection of Slavonic Manuscripts

segresil' in the second Freisinger excerpt; **аменъ** (fols 25v 10, 28v 17, 30v 20, 30v 17, 21r 13) from the Latin *amen*, cf. with 'amen' at the end of the first and third Freisinger excerpts; **съгълъ** (fol. 4r 4), cf. Mark 14:44 и **ведите съгълъ** in the *Učitelno evangelie* by Constantine of Preslav, as opposed to **ведите и съхранъно** in the Zografski Gospel and the Mariin Gospel; **рѣснотиъвъ** (fol. 14r 13), **рѣсноты** (fol. 14v 21), **рѣснотиъвна** (fol. 25v 17-18), **рѣснотиъвни** (fol. 25v 20-1), **рѣснотиъвни** (fol. 25v 21-2, **рѣснотъ** (fol. 25v 26), **въ рѣсни** (fol. 26v 10-11) (and a further 38 examples in the old part of the Sinai Psalter, **рѣснотиъвни** in the Kievan Folios, the works of Clement of Achrida, the archaic text of the 13th c. Karpinsko Gospel, and excerpts from the Gospels, **рѣснодивенъ** instead of **рѣснотиъвни** in the Argirovia Triodion, No 933, Sofia National Library); **балик** (fol. 20r 11) instead of **врачи** (see also **балик** on fol. 116r 17 in the old part, **балии**, **бальство**, **балование**, which appear in the Mariinsko Gospel, the Klocov Miscellany, the archaic Karpinsko Gospel, the biblical readings in the Triodion, and the Sinai Euchologion, cf. 'iže est bali teles nasih' in the second Freisinger excerpt); **цѣста** (fol. 6v 21), cf. the Slovene, Serbo-Croatian *cesta*, Czech *cesta*, and see Пoцесте, the name of a village in the Debar region.

Professor Tarnanidis's physical descriptions of the manuscripts are exceptionally precise, including the dimensions and the number of lines per page. He gives an exhaustive account of the content of each one, with an analysis, and includes *incipits* and *desinits*. He also cites Byzantine sources and editions. In short, he has not simply acquainted international Slavicist circles with a unique collection of manuscripts, he has also indicated the main lines of future research in the fields of Slavonic textology, literature, lexicology, grammar, medieval cultural history, codicology, and palaeography.

Sofia

Compte-rendu

ARSENIOS OF ELASSON (1550-1626) AND ARSENIOS THE GREEK (1621-?) Recent Research and Studies

Constantine Papouliidis

It is a fact that, with very few exceptions, there is a severe lack of monographs on the post-Byzantine Greek scholars who lived and worked mainly in Russia. Writers have tended to pay more attention to scholars who lived and worked in Western Europe. In this article we shall look at the most recent studies written about two Greeks who lived in Russia in the sixteenth and seventeenth centuries: Arsenios of Elasson (1550-1626) and Arsenios the Greek (1621-?).

a) Fotios A. Demetracopoulos, 'Αρσένιος Ἐλασσόνος (1550-1626), *Βίος καὶ ἔργο: Συμβολή στή μελέτη τῶν μεταβυζαντινῶν λογίων τῆς Ἀνατολῆς*, IMAGO (Athens, 1984), pp. 238 + 40 plates (doctoral thesis).

Having already produced one study of Arsenios of Elasson ('On Arsenios, Archbishop of Elasson', *Byzantinoslavica*, 42 (1981), 145-53) and another of Codex 51 of Dusiko Monastery ('Ο κώδ. 51 τῆς μονῆς Δουσίκου', *Ἐπιστημονική Ἐπετηρίς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς τοῦ Πανεπιστημίου Ἀθηνῶν*, 25 (1974-1977), 108-25), Fotios Demetracopoulos now examines Arsenios's life and work, supplemented by little-known and, indeed, some quite unknown data. His thesis was submitted to the Philosophical School of the University of Athens at the instigation of Professor P. D. Mastrodimitris.

Arsenios, Archbishop of Dimonikos and Elasson, is best known in the Greek world for his verse narrative, which has been published by S. Zambelios (*Καθίδρυσις πατριαρχείου ἐν Ρωσίᾳ* (Athens, 1859)) and K. N. Sathas (*Βιογραφικόν σχεδίασμα περί τοῦ πατριάρχου Ἰερεμίου Β'* (1572-1594) (Athens, 1870), pp. 35-81).

Demetracopoulos's work comprises: a Foreword (pp. 9-10); a List of Abbreviations (pp. 11-12); an Introduction (pp. 13-18); Part One (pp. 19-116), concerning Arsenios's life; Part Two (pp. 117-67), presenting his work; Selected Works (pp. 169-74); Part Three (pp. 175-213), consisting of texts by and texts about Arsenios; a Bibliography (pp. 215-18); a Summary in French (pp. 219-21); an Index (pp. 223-33); an Index of Manuscripts (p. 234); Geographical Notes (pp. 235-6); and forty plates.

The author's approach is critical and scrupulous, and he endeavours to present a fully rounded portrait of a Greek prelate living in Russia in the sixteenth and seventeenth centuries. The work is original both for the unpublished archival material it contains and in its structure.

I should like at this point to offer a few criticisms:

- i) It would have been preferable, in my opinion, to call the third part of the work an Appendix, since it contains works both by and about Arsenios and in view of the fact that the author anyway inserts the Selected Works between Parts Two and Three.
- ii) It seems impractical to me to give the List of Abbreviations (pp. 11-12) at the beginning of the thesis and the Bibliography at the end (pp. 215-18) and then to note on page 215 that 'publications referred to in abbreviated form are not included'.
- iii) Godunov's name was Boris, and it seems to me that it is better to refer to him as Bópic, Bopíč, Mítóric, or Mítorič in Greek. The author uses the form Μπαρίč (pp. 85, 89, 93, 94, 96, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 107, 111, 115, 136, 148, 173), which is the phonetic rendition of the 'Muscovite' pronunciation and should not, in my view, be used in Greek. The author would have done better to follow Chrysostomos Papadopoulos in using the approved form Bopíč (see p. 173).
- iv) Arsenios's bilingual grammar (pp. 119-26) is not such a rare book, even though E. Legrand does not mention it (p. 119). After Arsenios's work came out in 1591, K. Studinskij wrote his own study, 'Adel'fotes', gramatika vidana u L'vovi v r. 1591', *Zapiski Naučnogo Tovaristva im. Sevčenka u L'vovi* (L'viv, 1895), vol. 7, pp. 1-42. Cf. also V. Jagić's critical review in *Archiv für slavische Philologie*, vol. 18, pp. 279-80. It has been included in many bibliographies since. The most recent edition of Arsenios's work is by Olexa Horbatsch (*ADELPHOTES: Die erste gedruckte griechisch-kirchen Slavische Grammatik, L'viv - Lemberg 1591* (Frankfurt am Main, 1973), distributed by Kubon and Sagner, Munich, pp. XVI + 217, in the series, *Specimina Philologiae Slavicae*, edited by Olexa Horbatsch and Gerd Friedhof, vol. 2), who includes a lengthy in-

Arsenios of Elasson and Arsenios the Greek

tribution of his own: 'Die erste gedruckte griechisch-kirchenlavische Grammatik aus dem J. 1591', pp. I-XVI.

v) Personally, on reading the thesis, I am left with the impression that Demetracopoulos gives more attention to Arsenios the scholar and neglects to examine Arsenios in the context of his own time. As a philologist, he probes deeply into Arsenios's texts, but fails to attach much importance to the period in which Arsenios was writing. It might have been preferable to investigate contemporary diplomatic affairs, about which Metropolitan Hierotheus of Monembasia gives a certain amount of information (see K. Sathas, *Βιογραφικόν σχεδίασμα περί τοῦ πατριάρχου Τερεμίου Β'* (1572-1594) (Athens, 1870), pp. 20-3) and the Russian sources a great deal more (cf. Anthony-Emil Tachiaos, *Πηγές ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας τῶν Ὁρθοδόξων Σλάβων*, part One (Thessaloniki, 1984), published by Kyriakidis Bros, p. 167). So isolated is Arsenios in Demetracopoulos's thesis that when he lived in Moscow as Archbishop of Suzdal and Tarusa, all we are told is that he 'lived through "no few years and times", taking an active part in the course of ecclesiastic affairs' (p. 114). But there is no word of explanation from the author about precisely what these 'ecclesiastical affairs' involved. It may well be that the archives in the Soviet Union contain new data, which could provide further information. But the author has not worked in Soviet archives, being content with the assistance of the palaeographer and manuscript expert, B. L. Fonkić (see p. 10 and after plate 40). In 1622, Arsenios was installed in his see, where he died in 1626. In these four years, even if no problems arose, things must surely have been happening in the ecclesiastical and – why not? – the political world. We are told only two things, however: i) that in 1622 Boris Godunov's daughter Xenia (the nun Olga) died and was buried by Arsenios; and ii) that in 1625 the miraculous icon of Our Lady of Kazan was taken to the Church of the Resurrection in Suzdal and installed there in a solemn ceremony (pp. 115-16). Can there really be nothing else of note to report?

vi) The classic example of a full and well-rounded monograph, as we know, is that of P. Pascal (*Avvakum et les débuts du rascol: la crise religieuse au XVIII siècle en Russie* (Paris, 1938)), who examines Avvakum in the context of his time. Demetracopoulos would have found Pascal's work useful in another respect too: on pp. 10-11, Pascal mentions Arsenios of Elasson's connection with the Russian Church's correcting of the liturgical texts – subsequently to be known as the conflict under Patriarch Nikon.

These observations notwithstanding, Fotios Demetracopoulos's thesis unquestionably makes a valuable contribution to our knowledge of the life and activity of Arsenios of Elasson.

b) Christos P. Laskaridis, *'Ο Αρσένιος ὁ Γραικός καὶ ἡ Μόσχα* (17ος αἰ.) (Ioannina, 1988), pp. VIII + 354 (typed) + 37 plates (doctoral thesis).

If it has become established that a doctoral thesis must of necessity bring new data to light, then C. P. Laskiridis's thesis has clearly forged new paths in the scholarly world. He presents hitherto unknown data, and thereby makes an enormous contribution to research into Greek and Russian relations, particularly in the seventeenth century, which marked the turning point between the 'old' and the 'new' world in Russian thinking.

The author is a Theology graduate of St Sergius's (Russian) Orthodox Theological Institute of Paris and a French graduate of the University of Thessaloniki. He now works in the Foreign Languages Department of the University of Ioannina. His thesis was submitted to the Department of History and Archaeology at Ioannina, his supervisor being Professor Zacharias Tsirpanlis.

The thesis comprises: a Foreword (pp. I-VIII); an Introduction: 'Moscow Shortly Before the Arrival of Arsenios the Greek (first half of the 17th c.)' (pp. 1-56); Part One: 'Arsenios the Greek (Argyrios Riziotis or Megas)' (pp. 57-149); Part Two: 'Moscow and the Greeks in the Time of Arsenios the Greek' (pp. 150-260); an Appendix (pp. 261-303), containing various documents relating to Arsenios and his time; a Bibliography (pp. 304-22); a List of Abbreviations (pp. 322-9); a List of Illustrations (pp. 330-6); an Index (pp. 337-47); and a Summary in English (pp. 348-51). The work also includes thirty-seven plates outside the text.

The Introduction discusses the prevailing climate in Moscow in the first half of the seventeenth century and the building of the first printing-house (*Pecatnyj Dvor*), where Arsenios was later to work. Part One presents the life and work of Arsenios, who studied in Italy and worked in Russia at the side of the tragic Patriarch of Moscow, Nikon. It is a fact that Arsenios suffered in Russia, though undoubtedly less than Maximos the Greek. Part Two examines the Muscovite environment in which Arsenios lived and worked. The Appendix comprises various letters of Eastern Patriarchs and the *Tome* of the Four

Arsenios of Elasson and Arsenios the Greek

Patriarchs, which was produced in 1663 and concerned the 'Nikon affair'.

Greek scholars know very little about Arsenios the Greek,¹ and herein lies the value and originality of Laskaridis's thesis, for its like is not to be found either in Greek or, indeed, in any other language. He approaches the Russian literature on his subject with a critical and enquiring mind. It is interesting that he convincingly identifies Arsenios the Greek as Argyrios Riziotis or Megas from Neochori in the prefecture of Trikala (pp. 59-61) (see also Z. N. Tsirpanlis, *Tό Έλληνικό Κολλέγιο τῆς Ρώμης καί οι μαθητές του, 1576-1700: Συμβολή στή μελέτη τῆς μορφωτικῆς πολιτικῆς τοῦ Βατικανοῦ* (Thessaloniki, 1980), pp. 534-5, No 425). It should be noted that Laskaridis examines Arsenios the Greek in the context of a question which shook the whole of Russia in the time of Nikon, Patriarch of Moscow. It was the latter who dared (with Arsenios's help) to correct the errors in the liturgical books, a step which Maximos the Greek had advocated a century earlier.

Apart from all this, when the thesis is printed, it is to be hoped that the author will take the opportunity to supplement his work and correct the inevitable imperfections inherent in a typed text. Admittedly, the approval of a doctoral thesis does not in any way imply agreement with the author's opinions, though these are always respected. However, I find it difficult to accept Laskaridis's assertion that 'the "time of the troubles" (1598-1613), which was a consequence of the political and moral crisis in Russia, was directly linked with the economic collapse and with the landowners' exploitation of the peasantry, and plunged the country into chaos and oblivion' (p. I). It is well known that the 'time of the troubles' was a consequence of a number of problems. S. F. Platonov, for instance, maintains that in the first instance the reasons were dynastic, in the second social, and in the third ethnic (see S. F. Platonov, *Očerk po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI-XVII vv.* (Petrograd, 1899); idem, *Smutnoe vremja* (Prague, 1924)); while for V. O. Ključevskij the 'time of the troubles'

¹ A paper touching on the subject presented at a congress by C. Papoulidis was unable to solve the problems involved in studying a Greek from the time of Turkish domination who studied in Italy and worked in Russia in the seventeenth century. For further information, see: C. Papoulidis, "Αρσένιος ὁ Γραικός", *Βαλκανικά Σύμμεικτα*, 2 (1983), 47-59; idem, 'Arsenij Grek', *Slavjanskie Kul'tury i Mirovoj Kul'turnyj Process: Materialy Meždunarodnoj Naučnoj Konferencii UNESCO*, Nauka i Tehnika (Minsk, 1985), pp. 237-9, 466.

Constantine Papoulidis

arose out of many factors (see V. O. Ključevskij, *Sočinenija v vos'mi tomah*, vol. III: *Kurs russkoj istorii*, part 3 (Moscow, 1957), pp. 5-65).

Another point I cannot accept is Laskaridis's statement that Arsenios 'left Russia for an unknown destination' (p. 128): since Patriarch Nikon's enemies had triumphed, it seems to me that they would never have allowed Arsenios to give them the slip and leave Russia.

Finally, although the reader might be offended by the amount of anti-Greek data Laskaridis marshals, one must accept that this is an inevitable consequence of the fact that he examines Arsenios the Greek in the context of his time, rather than isolating his subject by concentrating on the historical facts relating exclusively to the scholarly monk.

Far from being the heretical mercenary modern Russian writers portray him as, Arsenios the Greek represented the enlightened spirit of a wide-ranging education, a spirit Nikon's circle badly needed. When in 1649 it was decided that Arsenios should be detained in Soloveckij Monastery, a ukaze was issued ordering an investigation and inventory of his personal effects. However, all that was found at his home was sixty rare Greek and Latin books, some Greek manuscripts, and some sables given to him by the Tsar (see pp. 106-8).

Arsenios the Greek was a heroic figure who was active in seventeenth-century Moscow in the sphere of the cultural relations between the Greek and the Russian world; a figure who worked in seventeenth-century Russia in education, publishing, and theology; a figure, finally, who lived and worked at the side of Nikon, Patriarch of Moscow, and helped him carry out his reforms. C. P. Laskaridis's thesis makes this man immeasurably better known, more accessible, and more familiar to us.

Thessaloniki

Notices bibliographiques

Posol'skaja kniga po svjazjam Rossii s Greciej (Pravoslavnymi ierarchami i monastyryjami), 1588-1594 gg. (= The official records of the relations between Russia and Greece (the Orthodox prelates and the monasteries) from 1588 to 1594), Soviet Academy of Sciences, Soviet Historical Institute (Moscow, 1988), pp. 196 (photostat text).

The publication of this work fulfils a long-outstanding debt to science. It should have appeared in Russia and the Soviet Union years ago, but it was not until 1988 that members of the Soviet Academy of Sciences' Historical Institute finally produced it, probably to celebrate the fourth centenary of the Russian Patriarchate, which was established in 1589.

The editors, M. P. Lukičev and N. M. Rogožin reproduce a document, parts of which have already seen the light of publication, but which is virtually unknown in its entirety. It is the codex of the Central State Archive of Old Documents (*Central'nyj Gosudarstvennyj Archiv Drevnych Aktov*), Fond 52, Opis' 1, delo 3, which concerns events between June 1588 and February 1594. According to the codex's contents, these events were: 1. *The arrival in Moscow of: a) the Patriarch of Constantinople, Jeremias, to seek alms and to consecrate the first Russian Patriarch, Iov (pp. 1-154; ff. 1-74); b) the Metropolitan of Trnovo, Dionysius, and the Greek Bishop Callistratus, bringing a letter from the whole of the Ecumenical Synod confirming the presence in Russia of the fifth Ecumenical Patriarch (pp. 154-430; ff. 75-215); 2. The despatching to Greece, to the Ecumenical Patriarchs, of Trifon Korobejnikov and Michail Ogarkov, in order to distribute aid (pp. 432 to the end; ff. 216-230v).*

The editors' codicological observations inform us that the codex's format is quarto, it comprises 231 ff., is written in brown ink, and contains various notes from the end of the sixteenth century. The binding dates from the end of the eighteenth century, as do the codex's above-mentioned contents.

The brief introduction, which precedes the text and is by N. M. Rogožin (pp. 3-8), states that the text contains material relating to an

Notices bibliographiques

extremely important event in Russia's political history in the sixteenth century, the establishment of the Patriarchate.¹

The first of the codex's three texts (ff. 1-74) concerns the visit to Moscow of the Ecumenical Patriarch, Jeremias II (1572-94) in 1588-9. It begins with an account of events in the summer of 1588, when Jeremias arrived in Smolensk with a great retinue consisting of the Metropolitan of Monemvasia, Hierotheus, the Archbishop of Elasson, Arsenius, and twenty-five others. The visit followed the Turks' destruction of the Patriarchate when, because the Patriarchate owed them money, the Turks converted the patriarchal church into a mosque. Its relations with the Turks and the frequent changes of Patriarch had debilitated the Ecumenical Patriarchate. Prior to Jeremias's visit, in 1586, in Tsar Feodor I's reign (1584-98), the Patriarch of Antioch, Joachim, had also gone to Moscow to seek aid. Considerable pressure had been put on him and he had been forced to discuss the necessity of establishing a Patriarchate in Russia. Eventually Joachim had promised to bring the matter before a council of the patriarchs of the Christian East. Now, however, Jeremias II wrote to Moscow from Smolensk without mentioning the establishment of a Patriarchate (ff. 2-3v). Those in Moscow were nonetheless confident that he would supply the solution they were expecting (ff. 13v-14v). The visitors were received with splendid celebrations and sumptuous feasts and gifts. On 13 July 1588, having passed 'through the finest streets' of Moscow, Patriarch Jeremias and his retinue settled in the dependency of Rjazan. At this time, Feodor I was Tsar (with Boris Godunov as his secret advisor) and Iov was Metropolitan of Moscow. Godunov and his entourage decided to press the visitor to make Iov patriarch. Jeremias initially agreed to the establishment of a Patriarchate in Moscow, but on condition that he himself occupied the throne; whereupon Godunov and his associates suggested that Jeremias settle in the town of Vladimir and appoint Iov in Moscow. Jeremias replied, *inter alia*, that 'patriarchs live beside the leader of the state' (f. 39). In response to Jeremias's attitude, the

¹ There are two basic Russian studies relating to the historical background to the establishment of the Russian Patriarchate: P. Nikolaevskij, 'Učreždenie patriaršestva v Rossii', *Christianskoe čtenie*, part II, 1879, part I, 1880; A. J. Spakov, *Cosudarstvo i cerkov v ich vzaimnykh otноšenijach v Moskovskom gosudarstve; Carstvovanije Feodora Ivanoviča; Učreždenie patriaršestva v Rossii*, Zapiski Juridičeskogo Fakulteta Imperatorskago Novorossijskago Universiteta, VI (Odessa, 1912).

hosts began to tighten the noose, making things very difficult for the visitors. They promised him rich gifts, financial aid, and a region in Russia to administer, while yet making it quite clear that the noble visitor would not be allowed to leave Moscow until he solved the matter in the Muscovites' favour². Eventually, on 13 January 1589, the Ecumenical Patriarch promised Boris Godunov that a Patriarchate would be established in Moscow, and that he would confirm his promise with a decision by the Ecumenical Synod. Thus, on 26 January 1589, the first Patriarch of Moscow, Iov, was officially installed, in a ceremony held in the Church of the Dormition of the Virgin in the Kremlin. Jeremias II and his retinue were showered with gifts and also received a thousand roubles (ff. 58v, 60, 60v, 61, 61v, 64, 64v) with which to rebuild the Patriarchal Residence in Constantinople. On 19 May 1589, the Greek visitors left Moscow, and on his return journey Jeremias sent Boris Godunov a letter of thanks, in which he also informed him of the political situation in the countries through which he was travelling.

The second text (ff. 75-215) concerns the visit to Russia in 1592 of the Metropolitan of Trnovo, Dionysius, the Archbishop of Grevena, Callistratus, and numerous archimandrites and *startsi* from various monasteries (f. 75). Metropolitan Dionysius brought with him to Moscow the Act of the Patriarchal Council of 1590, according to which the Patriarchate of Moscow occupied fifth place, with all the rights of an autocephalous Church³.

The third text (ff. 216-230v) is the chronicle of the visit of the Russians Trifon Korobejnikov and Michail Ogarkov to the prelates of Constantinople, Alexandria, Antioch, Jerusalem, Egypt, and Sinai. The two Russians were distributing subsidies in celebration of the birth of Tsar Feodor I's daughter, Feodosia Feodorovna, in 1592. The delegation left Moscow on 19 January 1593 and returned in 1594. Korobejnikov kept

² For further information, see Špakov, *Gosudarstvo*, pp. 109-40; R. G. Skrynnikov, *Boris Godunov* (Moscow, 1983), p. 57; N. S. Borisov, 'Pervyj patriarch', in the collective work *Cerkovnye dejateli srednevekovoj Rusi XIII-XVII vv.* (Moscow, 1988), p. 160.

³ The Act of the Patriarchal Council held in Constantinople in May 1590 was first published by W. Regel, *Analecta byzantino-russica* (St Petersburg, 1891), pp. XCIV-CIV, 85-91, pl. III-IV. Cf. also Nikolaevskij, 'Učreždenie patriaršestva v Rossii', part I, pp. 135-45; Špakov, *Gosudarstvo i cerkov'*, pp. 350f.; B. L. Fonkič, 'Grečeskie gramoty sovetskikh chranilišč', in the collective work *Problemy paleografii i kodikologii v SSSR* (Moscow, 1974), pp. 242-60.

Notices bibliographiques

detailed accounts, and it is thanks to his text that we know who received money and, above all, which prelates occupied the various metropolitanates of the Christian East in 1593-4 and which monasteries were functioning at that time.

Part of the codex's text was published as early as the end of the eighteenth century in the series *Drevnjaja Rossijskaja Vivliofiga*, vol. 12, second edition (Moscow, 1789), pp. 334-449. N. I. Nonikov published only the material relating to Korobejnikov and Ogarkov's visit to the Eastern prelates. A. N. Murav'ev published parts of the text in his work *Snošenija Rossii s Vostokom po delam cerkovnym* (St Petersburg, 1858), but without observing the rules of palaeography. A. J. Špakov subsequently published the whole of the text contained in ff. 1-74 (*Gosudarstvo i cerkov*, vol. I, Appendix, pp. 77-161). Finally, C. M. Loparev published ff. 216-230v, which concern Korobejnikov and Ogarkov's journey, in *Pravoslavnyj Palestinskij Sbornik*, vol. 9, No 3, 84-103. I take this opportunity to point out that the full Greek text of the proceedings of the Council of Constantinople of 1593 was published recently by B. L. Fonkič, 'Grečeskie gramoty sovetskikh chranilišč', *Cyrillomethodianum*, 11 (1987), 16-25, on the basis of the manuscript of the State History Museum (= GIM, No 339/198 CXCIX).

On the Greek side, two contemporary texts are available, written by the Metropolitan of Monemvasia, Hierotheus, and the Archbishop of Elasson, Arsenius, who accompanied Patriarch Jeremias II on his visit to Moscow. See, respectively, K. Sathas, *Βιογραφικόν σχεδίασμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου Β'*, 1572-1594 (Athens, 1870), and S. Zambelios, *Καθίδρυσις πατριαρχείου ἐν Ρωσίᾳ* (Athens, 1859); Sathas, *Βιογραφικόν σχεδίασμα*, pp. 35-81; A.-E. Tachiaos, *Πηγές Ἐκκλησιαστικῆς Ἰστορίας τῶν Ὁρθοδόξων Σλάβων*, part 1 (Thessaloniki, 1984), pp. 168-209.⁴

It is with great satisfaction that we hail this new publication by the members of the Soviet Historical Institute and this reviewer agrees whole heartedly with N. M. Rogožin's observation in his introduction that the contents of this codex are '*odnom iz važnejšich sobytij v političeskoj istorii Rosii v 16. v.*' (p. 3). However, I should like to take this opportunity to offer criticism on two points. The first concerns the

⁴ Concerning the problems relating to the critical restoration of the text (*Κόποι καὶ διατριβή τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου. Γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχοβίας*), see F. A. Demetracopoulos, *Ἀρσένιος Ἐλασσόνος (1550-1626) Βίος καὶ ἔργο* (Athens, 1984), pp. 135-46.

Notices bibliographiques

publication: a text of such serious political import should not be produced on the typewriter or the photostat, but should come out as a regular printed book. The second concerns the introduction: the three texts of the codex are admittedly not new, but since they are being published in their entirety here for the first time, they really ought to be accompanied by an extensive introduction, with particular emphasis on the diplomatic machinations taking place behind the scenes as described so concisely by Metropolitan Hierotheus of Monemvasia (cf. K. Sathas, *Βιογραφικόν σχεδίασμα*, pp. 20-3).

Thessaloniki

Constantine Papoulidis

Printed by "Melissa"
tel. 0397-23313
Asprovalta, Greece

